

ISSN 2305-5146

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия:

**«Лингвистика и межкультурная
коммуникация»**

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология

Выпуск № 11, 2013 г.

УДК 800 : 37

ББК 81

ISSN 2305-5146

Редакционный совет Научного вестника Воронежского ГАСУ:

Борисов Ю.М., д-р техн. наук, проф.

Проскурин Д.К., канд. физ.-мат. наук, доц.;

Рудаков О.Б., д-р хим. наук, проф.;

Суровцев И.С., д-р техн. наук, проф.

Редакционная коллегия серии:

Ковалева Л.В. - д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (главный редактор);

Лапынина Н.Н. - канд. фил. наук, проф. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ (зам. главного редактора), Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член РОПРЯЛ;

Кольцова Л.М. - д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка ВГУ, член РОПРЯЛ;

Клобукова Л.П. - д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. Ломоносова, действительный академик Международной академии наук педагогического образования, вице-президент РОПРЯЛ;

Томтогтох Гомбо – д-р Ph.D, проф., ведущий проф. отделения азиатских языков Института прикладной лингвистики Монгольского Государственного Университета науки и технологии (МГУНТ), член МАПРЯЛ, член ученого совета МГУНТ, член Ученого совета по защите докторских (Ph.D) диссертаций лингвистических наук;

Оглядыкова Л.Б. - д-р фил. наук, проф. кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета;

Беякова С.М. - д-р фил. наук, проф. кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета;

Коростылева Н.Н. – д-р социологических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации;

Намакштанская И.Е. – канд. фил. наук, проф., зав. кафедрой прикладной лингвистики и этнологии ДонНАСА;

Бугакова Н.Б. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ;

Воронова Т.А. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ;

Сулемина О.В. – канд. фил. наук, ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ (отв.секретарь).

В серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника опубликованы результаты научных исследований учёных, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам лингвистики, методики преподавания языков, литературоведения, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, концептологии и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна всем тем, кто интересуется проблемами современной лингвистической науки, межкультурной коммуникации, литературоведением и методикой преподавания языков в вузе и школе.

Адрес редакции:
394006, г. Воронеж, ул.20-летия Октября,
д. 84, комн. 5203
тел: (473) 271-50-48

© Воронежский ГАСУ, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора серии.....</i>	4
--	---

Лингвистика

Тамерьян Т.Ю. Многозначные стереотипы комплексной аксиологии.....	6
Паршина М.В. Анекдот в контексте региональных СМИ (на материале астраханской прессы XIX–XX веков).....	10
Сахарова Е.А. Когнитивная метафора как средство пробуждения читательской рефлексии (на материале художественной прозы Д. Рубиной).....	14
Бунеева Е.В. Топонимы как часть хронотопа в поэме С.А. Есенина «Песнь о Великом походе».....	19
Казарина В.И., Рыбина Ю.А. Вводные слова как маркер модальной оценки в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети».....	24
Кондова Н.В. Синтаксическая организация орнаментальной прозы Б.Ю. Поплавского: сравнительные конструкции.....	32

Методика преподавания языков

Гадалина И.И. Принципы создания учебных пособий по глаголу для студентов-иностранцев подготовительного факультета (элементарный и базовый уровни владения языком).....	38
Тимошенкова Г.Ю., Садовская Е.Ю. Формирование лингвокультурологической компетенции инофона на занятиях по РКИ.....	44
Уразова М.Б. Обучение будущих учителей применению интеллект-карты на занятиях по русскому языку и литературе.....	49
Ревякина Т.Л., Щур В.В., Федотова Н.В. Чтение как аспект обучения на занятиях по РКИ.....	53
Кочнева М.Г. Особенности употребления модальных глаголов в технической литературе и их перевод на русский язык.....	59

Аспекты изучения художественного текста

Ревякина Т.Л. Особенности семантической поэтики О.Э. Мандельштама.....	64
Рыжков Л.А. Влияние литературоведческой проблемы на методологию исследования русской идеи в поздней лирике А.С. Хомякова.....	69
Новикова М.В. Образ мирового древа в творчестве С. Есенина.....	73

Лингвокультурология

Сычёва Л.В. К вопросу о связи иноязычных вкраплений с национально-культурной спецификой художественных текстов начала XX века.....	78
--	----

Межкультурная коммуникация

Крячко Л.Н. О некоторых типах вариантов англоязычных терминов подъязыка дорожного строительства.....	83
--	----

Кабанова С.А. Фразеологизированные предложно-падежные субстантивные формы в сербском и русском языках.....	89
Жаркова Т.И. Табу в межкультурной коммуникации.....	98

Концептология

Бугакова Н.Б. К вопросу об индивидуально-авторской специфике лирической объективации религиозных концептов в романе И.С. Шмелева «Лето Господне» (на примере концепта «Пасха»)	107
Правила оформления статей в Научном Вестнике.....	112

Вступительное слово главного редактора серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Предлагаем вниманию читателей очередной, одиннадцатый, выпуск серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, подготовленный к изданию коллективом кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Данный выпуск содержит статьи, посвященные актуальным проблемам современных теоретических и практических лингвистических исследований.

Необходимо отметить, что авторами данного выпуска являются доктора, кандидаты наук российских и зарубежных вузов, а также молодые ученые (аспиранты, соискатели). Данный выпуск серии содержит 19 научных работ.

Серия состоит из шести разделов: *I* - «Лингвистика», *II* - «Методика преподавания языков», *III* - «Аспекты изучения художественного текста» *IV* - «Лингвокультурология», *V* - «Межкультурная коммуникация», *VI* - «Концептология».

В разделе «Лингвистика» представлены результаты исследований в области современного языкознания. В них обсуждаются актуальные проблемы формирования гетеростереотипов (Тамерьян Т.Ю.), особенности функционирования топонимов в поэтической речи (Бунеева Е.В.), анализируется использование сравнительных синтаксических конструкций в художественном тексте (Кондова Н.В.).

Во втором разделе - «Методика преподавания языков» - представлены работы, в которых рассматриваются различные аспекты методики преподавания русского языка как иностранного (Гадалина И.И., Ревякина Т.Л., Щур В.В., Федотова Н.В.), проблемы формирования лингвострановедческой компетенции иностранного учащегося (Тимошенко Г.Ю., Садовская Е.Ю.).

В разделе «Аспекты изучения художественного текста» содержатся статьи, посвященные изучению языка писателей. Это работы Ревякиной Т.Л., Новиковой М.В. и др.

Статья Сычевой Л.В. представляет раздел «Лингвокультурология», в котором анализируются проблемы языка и культуры в контексте современности.

Пятый раздел - «Межкультурная коммуникация» - включает работы, посвященные особенностям перевода и функционирования языка в современном мире (Крячко Л.Н., Кабанова С.А. и др.).

Шестой раздел - «Концептология» - посвящен анализу различных видов концептов, их структуры, проблемам индивидуально-авторской картины мира писателей. Данный раздел представлен работой Бугаковой Н.Б.

Содержащиеся в одиннадцатом выпуске серии научные работы охватывают широкий спектр проблем современной лингвистики, лингвокультурологии, методики, межкультурной коммуникации и изучения языка художественных текстов.

Думаем, что данная серия будет интересной и полезной для специалистов-филологов, лингвокультурологов, преподавателей русского языка как иностранного, литературоведов, аспирантов.

Главный редактор серии
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского ГАСУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.112

*Северо-Осетинский государственный
университет*

*Доктор филологических наук, профессор
кафедры иностранных языков для есте-
ственнонаучных факультетов*

Тамерьян Т.Ю.

*Россия, г. Владикавказ, +7(8672)61-11-61;
e-mail:tamertu@mail.ru*

North Ossetian state university

*The chair of foreign languages for natural-
science departments*

*Doctor of philological sciences,
professor Tameryan T.Yu.*

*Russia, Vladikavkaz, +7(8672)61-11-61;
e-mail:tamertu@mail.ru*

Т.Ю. Тамерьян

МНОГОЗНАЧНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КОМПЛЕКСНОЙ АКСИОЛОГИИ

В статье на материале американского английского языка рассматриваются проблемы формирования гетеростереотипов, анализируются их разновидности и характер оценочности.

Ключевые слова: стереотип, гетеростереотип, разновидности стереотипов, американское языковое сознание.

T.Yu. Tameryan

POLYSEMANTIC STEREOTYPES OF COMPLEX EVALUATION

The problems of formation of heterostereotypes, their typology and axiology are considered in the article on a material of the American English.

Key words: stereotype, heterostereotype, versions of stereotypes, American language consciousness.

Картина мира каждого этноса содержит не только социальные предписания, нормы, традиции и обычаи, правила поведения, соответствующие определенным этническим сценариям, автопредставления (уникальную комбинацию «мы-образов»), но и стереотипизированные представления о других этносах (систему «они-образов» или образов «чужих»).

В ходе реальной или виртуальной межкультурной коммуникации мощнейшим средством ориентации, манифестированном в языке, является гетеростеретип - образ другого народа и страны его проживания. Матрицы стереотипов играют роль эталонов, в соответствии с которыми проектируется коммуникативное поведение и осуществляется оценка этнических образов [1; 2; 3].

В структуру стереотипа входят образы, знания и оценочные суждения – положительные или отрицательные. Поскольку содержание этнических стереотипов об определенной общности может иметь не только позитивные или негативные значения, выделяют третью разновидность – амбивалентные этнические стереотипы.

Положительные стереотипы возникают, как правило, в ситуации мирных межэтнических отношений, когда ресурсы распределяются справедливо с точки зрения обеих сторон и проблемы разрешаются совместно во благо общих целей. Сотрудничество полезно обеим сторонам. В такой ситуации о партнере создаются положительные стереотипы: партнер считается заслуживающим доверия, доброжелательным, дружелюбным, сильным и умным и т. п. Восприятие партнера становится избирательным: в нем в основном видят достоинства и игнорируют недостатки и ошибки [4; с. 254].

Бесспорен тот факт, что текущие межэтнические отношения оказывают влияние на содержание стереотипов. Именно от характера отношений - сотрудничества или соперничества, доминирования или подчинения - зависят основные параметры стереотипов: содержание, направленность (общее измерение благоприятности) и степень благоприятности, а, в конечном счете, степень их точности [5; с. 297].

Таким образом, между этническими группами чаще всего устанавливаются три типа взаимоотношений: субординация, противостояние (оппозиция, конфликт) и сотрудничество, которые порождают либо отрицательные, либо (реже) положительные, либо амбивалентные стереотипы.

На основе американских Интернет-блогов и форумов нами были выявлены комплексные виды стереотипов о России и русских различной аксиологии в американском языковом сознании.

Разрушая **полуфольклорный стереотип** о России, американец, работавший в Москве, замечает, что *балалайка, матрешка, самовар, сани, запряженные тройкой лошадей* – это мифы для доверчивых туристов. Приводятся такие атрибуты данного стереотипа:

I hope you know that contemporary life in Russia *has very little to do with playing the balalaika amidst matrioshkas and samovars, or wild rushing in sleighs driven by troika (three horses harnessed abreast) along the streets where bears supposedly wander. All these stories are just myths for naive tourists. Don't believe them.*

Другая составляющая **полуфольклорного стереотипа** – *мороз, шапка-ушанка, медведь и водка.*

There are *frost, bear and vodka, frozen drunk bears in ushanka – cap with ear flaps.*

Нижеприведенный фрагмент поясняет сложную структуру стереотипов о русских и России, объясняет их причины (голливудские фильмы и «холодная война») и предлагает наиболее действенный способ их преодоления – посещение России.

Stereotyping is a *complex and contradictory field*. Also, not all stereotypes are *false or bad*. There are many *strange* stereotypes about Russia and most of these are the *products* of Hollywood movies and the Cold War. For the Russians, the best thing - *keep being who they are*. Yet, Russia remains *hidden from the majority in the USA*. That means one must *come to Russia and see the beauty of that country*.

Мнение американца, посетившего Россию, отражает **бинарно оппозитивные** составляющие стереотипа, сохраняющего **деактуализированный когнитивный пласт** на фоне прироста новых признаков: противопоставляется Россия как фантастическая страна (*положительная оценка*) и русские люди - психически, эмоционально и умственно неполноценные и травмированные (*отрицательная оценка*).

Russia is a *fantastic country to visit, I had a two month tourist visit and had the time of my life*. Unfortunately, *all Russians* alive today are traumatised survivors and *not mentally well*. The incidence of *personality disorders* such as *emotional dysregulatory disorder* also known as *borderline personality disorder* is extraordinarily high.

Опровергается миф о нищете россиян. Американцы подтверждают, что Россия – это страна контрастов, где есть миллионеры и малоимущие люди:

One myth is *also the poverty*. Yes, there are *poor Russians*. But there are *dozens of billionaires too. Some of the richest men in the world are actually Russian citizens*. Yes, they

really *billionaires*. They fly with their own jets into England and buy some of the biggest soccer clubs in the world. Why? Because, it is their hobby.

Стереотип о том, что *русским нельзя верить, от России исходит угроза, а русские люди способны на любое насилие*, чтобы достичь своей цели, зародился во времена холодной войны и до сих пор активно поддерживается американскими средствами массовой информации. Вместе с тем, американцы охотно посещают Россию и восхищаются ее достопримечательностями, что подтверждается данными следующих фрагментов:

Russians can generally not be trusted as they only look out for number one and are willing to use extreme violence to meet their perceived needs. If Russians cannot be generally trusted - which is often how British and American media portrays Russians, why did come to Russia and how it is you had such a pleasurable and memorable experience in while in Russia if the people of Russia cannot be trusted? I did trust and was guided by Russians while I was in Moscow and I felt totally safe in their company.

Американцы, *псевдогенерализуя* русских и этносы Восточной Европы, полагают, что жители всей Восточной Европы ведут себя несдержанно и много времени уделяют развлечениям:

I thought Eastern Europeans are known for being «way too loud and having fun all the time».

I've never been to Russia, so I can't speak about Russians in their home country. However, I stayed in a hotel in Tunisia where a number of the guests were Russian. They were extremely loud in the bar, and drank drinks they had bought cheaper in local shops. The staff told me they were poor payers and did not tip waiters etc. They certainly were not for mixing with other guests and did not come across as very friendly.

Бинарно оппозитивен стереотип о русской *щедрости/жадности*:

Особо отметим, что русские очень *благодарные люди*. Они никогда *не пожалеют солидных чаевых*, если видят, что человек, обслуживающий их, этого заслуживает.

Причем, даже *очень богатый человек может не оставить и доллара чаевых в ресторане*.

В русском характере выделяется ряд **амбивалентных черт**:

Русские – *хорошие люди*. Вот только *терпения им не хватает*. Всегда куда-то *торопятся, нервничают, беспокоятся*.

Контрадикторный стереотип о том, что русские не имеют способностей в области технических наук, опровергается одним из русских американцем на примере своего родственника-иммигранта:

The stereotype of Russians not being technically incline. My uncle is full blooded Russian, being first generation, his parents immigrated to the US. He is retired now but worked as an engineer in the space program. A very smart man and obviously well able to handle technical subjects.

Другая разновидность стереотипа отражает **оппозитивную оценочность** В. Путина американцами. Ключевыми признаками, описывающими положительный образ российского президента, являются такие когнитивные признаки, как ум, политический талант, яркость, символизм, иконичность образа мужественности для молодежи; отрицательная оценка имиджа В.Путина заключается в признании ординарности его личности:

There is nothing mysterious about Putin. We do not need to know about his private life but as a politician he is out there. I do agree with you that he is brilliant, at least in terms of setting good iconic image of masculinity for Russia's male youth.

К **стереотипам**, возникшим на основе *непроверенной информации*, относятся представления о том, Р. Абрамович, российский олигарх, нажил свое богатство нечестным путем, являясь близким другом В. Путина:

You have repeated *unwittingly* some of the *silly stereotypes* about Russia in the USA. Roman Abramovich is an oligarchy who got his wealth by stealing from the Russian people. He represents what went wrong with Russia after the fall of Soviet Union. I read somewhere that unlike other members of oligarchy he was allowed to keep his ill *gotten wealth* because he is *a personal friend of Putin!*

Дифференцирована аксиология русских и России – русские иммигранты оцениваются отрицательно, а Россия – положительно, таким образом, достижения культуры и люди, создавшие ее, сегрегируются:

Абсурдно, но *американцы* испытывают невольный *страх перед русскими иммигрантами* и одновременно *благоговейт перед русской культурой*, которая так широко представлена в Америке.

Недифференцированный стереотип-калейдоскоп, наиболее часто служащий спонтанным видом номинации первых всплывающих образов, представляет собой набор разнонаправленных ассоциаций:

Русские? Русская *водка*, русская *мафия*, *медведи*, *Кремль*, *коммунизм*. Это первое, что приходит в голову.

Русская культура ассоциируется у меня с *Пушкиным*, *водкой*, *танками* и вашим сегодняшним президентом *Путиным*.

Таким образом, представления американцев, связанные с Россией и русскими включают синкретичный набор представлений, обусловленных отдельными фактами и историческими событиями, относящиеся в большей степени к прошлому страны и передающими аксиологически различные оценки, сформировавшиеся на базе мифологической, актуальной, деактуализированной и доминант.

Библиографический список

1. Albig W. Public Opinion and Propaganda / W. Albig. - Sturgis Press, 2007. – 496 p.
2. Allport G. The Nature of Prejudice /G. Allport. - Cambridge, MA: Addison Wesley, 1954.- 537 p.
3. Edwards A. L. Four Dimensions In Political Stereotypes / A. L. Edwards // Journal of Abnormal and Social Psychology. Vol.35 (4). - 1940. - P. 566-572.
4. Налчаджян А.А. Этнопсихология /А.А. Налчаджян. - СПб.: Питер, 2004. - 381 с.
5. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов/ Т.Г. Стефаненко. - М.: Аспект Пресс, 2007. - 268 с.

References

1. Albig W. Public Opinion and Propaganda / W. Albig. - Sturgis Press, 2007. – 496 p.
2. Allport G. The Nature of Prejudice /G. Allport. - Cambridge, MA: Addison Wesley, 1954.- 537 p.
3. Edwards A. L. Four Dimensions In Political Stereotypes / A. L. Edwards // Journal of Abnormal and Social Psychology. Vol.35 (4). - 1940. - P. 566-572.
4. Nalchadzhyan A.A. Ethnopsychology / A.A. Nalchadzhyan. - SPb. : St. Petersburg, 2004. - 381 p.
5. Stefanenko T.G. Ethnopsychology: The textbook for higher educational establishments / T.G. Stefanenko. - M: Aspect of the Press, 2007. 268 - p.

УДК 76.01

*Астраханский государственный университет
Аспирант кафедры общего языкознания и рече-
ведения Паршина М.В.*

*Россия, г. Астрахань, тел. +7(8512) 36-82-07;
e-mail: mariya.parshina@inbox.ru*

*Astrakhan state university
The chair of general linguistics and
speech studies postgraduate student
Parshina M.V.*

*Russia, Astrakhan, tel. +7(8512) 36-82-07;
e-mail: mariya.parshina@inbox.ru*

М.В. Паршина

АНЕКДОТ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ АСТРАХАНСКОЙ ПРЕССЫ XIX–XX ВЕКОВ)

Одной из самых востребованных проблематик в лингвистике в настоящее время является региональная специфика исследовательского материала. В данной статье раскрывается региональный компонент астраханских газет в период XIX–XX веков, а также специфика функционирования текстов анекдотов, выявленных в астраханской прессе. Представлены анекдоты с точки зрения динамики жанра: изначально анекдот представлял собой литературный жанр, затем под влиянием изменения литературных традиций анекдот становится более повседневным бытовым жанром городского фольклора.

Ключевые слова: региональный компонент, анекдот, речевой жанр, пресса.

M.V. Parshina

ANECDOTE IN THE CONTEXT OF REGIONAL MASS MEDIA (BASED ON ASTRAKHAN PRESS OF THE 19TH-20TH CENTURIES)

A regional specific feature of research material is one of the most demanded issues in linguistics at the present time. The article dwells on the regional component of the Astrakhan newspapers during the 19th-20th centuries, as well as the specific features of anecdote function found in Astrakhan press. The anecdotes are presented from the point of view of the genre dynamics, originally, anecdote was a literary genre, then, anecdote became more casual genre of urban folklore under the influence of changes in the literary traditions.

Key words: regional component, anecdote, speech genre, press.

Текст анекдота как жанр фатического общения популяризировался в астраханской прессе в XIX веке в момент выхода первого регионального издания «Восточные известия», а именно 29 января (среда) 1813 года. Создателем газеты был учитель Астраханской мужской гимназии И.А. Вейсгопфен. «Восточные известия», несмотря на большую часть перепечатываемого материала из Московских и Санкт-Петербургских «Ведомостей», были насыщены региональным колоритом.

Издатель газеты поставил конкретную цель: «обратить свое внимание: во-первых, на сам город Астрахань; во-вторых, на страны, составляющие губернии Астраханскую и Кавказскую...» [2, с. 3], чтобы позволить русскому населению города Астрахани глубже знакомиться с бытом и культурой других национальностей.

Так, сложилась определенная рубрикация газеты «Восточные Известия»:

1. О наиважнейших азиатских происшествиях.
2. Выписки из новейших европейских ведомостей.
3. Статистическое описание азиатских стран и произрастаний.
4. О торгах на Каспийском море и в городе Астрахани.
5. Описание азиатских народов.
6. Смесь и анекдоты.
7. Известия о происходящих и отходящих судах.
8. О денежном курсе, продаже, найме и прочее.

Как видим, анекдот уже фигурировал в газете XIX столетия. Тексты анекдотов, помещенных в «Восточных известиях», представляли собой литературный жанр: истории, репрезентирующие представителей восточной нации. Основной целью восточного анекдота было не рассмешить, а скорее напротив – заставить задуматься над чем-либо, донести какую-либо мысль, выразить отношение к чему-либо. Так, например, в № 5 «Восточных известий» находим следующий анекдот:

Нельзя иногда не чувствовать жалости, рассматривая человека в таком состоянии, как он есть. Вот два друга, которые между собою живут согласно и обращаются вежливо. Сузня безделка ссорит их; искра превращается в пожар; они совершенно уже воспламенились в бешенстве, причиняют один другому ужасную обиду. – Подлинно, не состоим ли мы из какого-то слишком горючего вещества? Какой тайно кроющийся под нашей грудью враг так сильно воспламеняет нас? Это наше самолюбие, всюду готовый пламенный с собой носящее. Два Персиянина не разлучно служившие в походах с предприимчивым Шахом Надыром, возвратясь на свою родину, продолжали постоянно между собою дружбу. В одну ясную, тихую ночь сидели у окна, разговаривали они обо всем, что им на ум приходило. Они смотрели на звезды, которыми усеяно было небо. Один из них говорит: «Желал бы я иметь луг столь же великий, как небо». Другой говорит: «А я желал бы иметь столько же овец, сколько на небе звёзд».

– Но где бы ты стал пасти овец своих? – первый спрашивает.

– На том большом лугу.

– Да если бы я это позволил.

– И без твоего позволения я бы это сделал.

Таким образом, они начинают говорить колко и грубо, воспламеняются – вот уже вышли из себя – устремляется один на другого и, причиняя опасные раны, оба падают в бессилии («Восточные известия», № 5, 1813 г.).

Данное повествование, именуемое анекдотом, представляет собой поучительный для других рассказ о том, как дружба может перерасти во вражду. Представлена градация взаимоотношений: *живут согласно и обращаются вежливо* и вдруг начинают *говорить колко и грубо...причиня опасные раны*.

Как видим, речь о комичной концовке в данном случае не идет, что подтверждает мысль Н. Ф. Кошанского о цели анекдота прошлого века: «объяснить характер, показать черту какой-нибудь добродетели (иногда порока), сообщить любопытный случай, происшествие, новость...» [1; с. 3]. Таким образом, зачастую анекдоты выполняли дидактическую, назидательную функцию.

Необходимо отметить, что газета «Восточные известия», издававшаяся с 1813 года еженедельно, имела беспрецедентный успех: ее выписывали и читали не только в Астрахани, но и в Казани, Пензе, Москве.

Следующей региональной газетой, в которой литературный анекдот преобразовался в жанр городского фольклора, стал «Астраханский вестник». Это торгово-промышленная, политико-общественная и литературная газета. Тексты, представляющие собой форму городского фольклора, печатались в рубриках «Мелочи и смесь», «Смешное и любопытное», «Разные разности». Однако встречались и такие названия подрубрик, как «Анекдоты»,

«Интересный анекдот», «Забытый анекдот» «Анекдоты о мулле», «Анекдоты про Шаха персидского».

Большую часть анекдотов составляли тексты, схожие по форме с современным анекдотом: заданная двухчастная структура, остроумный финал, типичные сюжеты. Например:

Неутешная вдова горько оплакивает мужа, которого только что лишилась. Слезы льются рекой. Вдруг лицо ее проясняется.

– *Одно меня утешает. Теперь, по крайней мере, я его не буду ревновать, – говорит она томно подруге* («Астраханский вестник», №101 от 19.08.1889 г.).

В тексте этого анекдота репрезентирован сюжет об отношении ревнивой жены к покойному мужу, который при жизни, видимо, любил «ходить на сторону». Семантическая оппозиция *горько оплакивает, слезы льются рекой – лицо ее проясняется, одно меня утешает* позволяет сделать вывод о недавних неблагоприятных отношениях в семье.

В «Астраханском вестнике» немало анекдотов на семейную тему. Обратимся к следующему тексту:

– *Иван Иванович! Несчастье!.. Ваш главный приказчик сбежал и вместе с...*

– *С кассой?*

– *Нет, с вашей женой!*

– *Фу, черт, а я было испугался* (Астраханский вестник, № 224 от 8.03.1889 г.).

Сюжет наглядно демонстрирует отношение мужа к своей жене. Так, побег жены с любовником – сущая мелочь в сравнении с возможностью похищения кассы.

Серия «Анекдотов о мулле» напоминает тексты из «Восточных известий». Сюжет более детализирован, ярко выражены основные части повествования. Разница лишь в участниках коммуникативных ситуаций. Если в «Восточных известиях» мы находим двух близких друзей, которых жадность довела до ссоры, то мулла из «Астраханского вестника» более фольклористичный. В анекдотах он бывает мудрецом, борющимся за правду (1) или, наоборот, любящим приврать (2).

1. *Родственник мุลлы упрашивал его пойти с ним в суд и дать ложное свидетельство, что такой-то украл у него десять пудов пшеницы. Мулла идет.*

– *Вот он украл у меня десять пудов **пшеницы**, – говорит истец, указывая на вора, – а вот и мой свидетель мулла.*

– *Да, он украл у него десять пудов **ячменя**, – подтверждает мулла.*

– *Не ячменя, а пшеницы, – поправляет истец.*

– *Все равно, – говорит мулла, – когда я вру, будь то ячмень или пшеница – разве не одно и то же* (Астраханский вестник, № 404 от 27.10.1890 г.).

2. *Сосед просил у муллы осла:*

– *Осла еще вчера сын взял на мельницу, – говорит мулла.*

Но в это время осел кричит в конюшне.

Как тебе не стыдно врать, мулла? – говорит сосед.

Как тебе не стыдно верить глупому ослу и не верить мне, седобородому старику, – отвечает мулла («Астраханский вестник», № 392 от 11.10.1890 г.).

Как видим, одна из главных особенностей муллы – найти выход из любой ситуации с помощью слова.

Наконец, последней региональной газетой, рассмотренной нами, стала газета «Комсомолец Каспия» в период с 1957 года по 1993 год, рассчитанная на разную целевую аудиторию. В связи с этим считаем уместным привести отрывок из нашего издания, иллюстрирующий обращение к гражданам:

Читайте и выписывайте «Комсомолец Каспия»! На страницах газеты вы, наши дорогие читатели, как всегда, найдете нужный для себя материал...

Ребятам, которые с детства полюбили море, газета КК предлагает свои страницы, на которых публикует материалы «Клуб юных мореходов»...

Многочисленной армии болельщиков футбола мы предлагаем статьи о нашем «Волгаре», об изменениях в его составе.

Поклонники Клуба любителей песни почти в каждом номере КК найдут ноты и тексты наиболее популярных и полюбившихся им песен советских и зарубежных композиторов.

Газета КК продолжает публикацию повестей и рассказов о наших славных разведчиках.

Страницы «Для молодой семьи», «Ты, я и время». Здесь будут печататься корреспонденции и статьи о досуге молодежи, о двух выходных днях, как лучше и с пользой проводить их» (КК № 20 от 15.02.1973 г.).

Итак, тематика предлагаемых рубрик ориентирована, прежде всего, на культурный досуг жителей астраханского региона. Кроме регионального политического и экономического обзора, наполняемость газеты обусловлена развлекательной тематикой, одна из которых представляла собой рубрику «Иностранный юмор», которая позволяла отдохнуть читателю газеты от повседневных событий. Эта рубрика занимала небольшую обрамленную колонку, тем самым обращая на себя внимание.

По нашему мнению, название рубрики и тексты анекдотов служили альтернативой печатанию русских анекдотов, так как наиболее популярным в то время был политический анекдот, который долгое время был под запретом.

Отметим, что в названии рубрики не использовалось слово **анекдот**, тем не менее, представленные подборки юмористических текстов не мешают нам идентифицировать их как анекдоты. С точки зрения жанрово-текстового образования на страницах газет мы находим литературные (исторические) анекдоты, жанрово-ролевые сценки, юмористические рассказы и другие. Разнообразна и тематика анекдотов. Так, на страницах газеты мы находим анекдоты семейные, бытовые, медицинские. Популярными являются студенческие анекдоты, в которых главные герои – типичный неподготовленный студент и профессор, задающий вопросы:

Выслушав студента, профессор сказал:

– Теперь ответьте мне на один вопрос: после какого слова ставится три восклицательных знака?

– Стипендия!!! – не моргнув глазом, ответил студент.

– Так вот, вы ее и лишаетесь («Комсомолец Каспия», №14 от 31.01.1960 г.).

Несмотря на то, что объектом нашего исследования выступает письменный текст анекдота, опубликованный в газете и предназначенный для зрительного восприятия, в газете «Комсомолец Каспия» была колонка об искусстве рассказывать анекдоты:

Существует старинное распределение рассказчиков анекдотов на три категории:

1. Когда рассказчик сохраняет серьезное выражение лица, а слушатели покатываются со смеху.

2. Когда смеется и сам рассказчик, и слушатели.

3. Когда рассказчик за животик держится от смеху, а слушатели, вооружившись стульями и винными бутылками, хлопотливо бьют рассказчика.

Всякий рассказчик должен помнить три основных правила изящного искусства:

1. Анекдот должен быть краток.

2. Блестящ по передаче.

3. В конце неожидан.

Эта забавная памятка как бы ориентирует читателя не только воспринимать письменный текст, но и рассказывать анекдоты, помещенные в газете, с учетом правил.

Таким образом, основным распространителем популярности анекдота в Астраханском крае в период XIX–XX веков являлась региональная пресса.

Библиографический список

1. Курганов Е. У нас была и есть устная литература... // Русский литературный анекдот конца XVIII–начала XIX века. М.: Художественная литература, 1990. С. 3–6.
2. Штылько А.Н. Астраханская периодическая пресса (исторический очерк). 1891. 50 с.

References

1. Korganov E. We had and we have oral literature... // Russian literature joke (the end of the 18th – the beginning of the 19th cent.) M., 1990. P. 3–6.
2. Shtylko A.N. Astrakhan periodics (historical sketch). 1891. 50 p.

УДК 811.161.1

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

Аспирант кафедры русского языка

и методики преподавания Сахарова Е.А.

Россия, г. Белгород, тел. +7(4722) 29-21-26;

e-mail: rabelena87@mail.ru

*Belgorod State National Research University
The chair of Russian language and methods
of teaching*

Post-graduate student Sakharova E.A.

Russia, Belgorod, tel. +7(4722) 29-21-26;

e-mail: rabelena87@mail.ru

Е.А. Сахарова

**КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ПРОБУЖДЕНИЯ
ЧИТАТЕЛЬСКОЙ РЕФЛЕКСИИ
(на материале художественной прозы Д. Рубиной)**

Статья посвящена рассмотрению когнитивной метафоры как средства пробуждения читательской рефлексии. При этом читатель выступает как сотворец художественной действительности, реализованной в художественном тексте. Особое внимание уделяется выявлению коммуникативных способностей читателя, позволяющих ему адекватно декодировать метафорический текст.

Ключевые слова: ассоциативное мышление, интерпретация, когнитивная метафора, лингвокреативность, читательская рефлексия.

Е.А. Saharova

**COGNITIVE METAPHOR AS A MEANS OF REVIVAL OF READER'S
REFLECTION (on the material of literary texts by Dina Rubina)**

The article deals with the cognitive metaphor as a means of revival the reader's reflection. In this case, the reader acts as a co-creator of literary reality that is implemented in a literary text. Special attention is given to identifying the communication skills of the reader, allowing it to adequately decode the metaphorical text.

Key words: associative intellection, interpretation, cognitive metaphor, linguistic creation, reader's reflection

Мир когнитивной метафоры – это мир ассоциативно-образного мышления [1; с. 217], в ценностно-смысловом пространстве которого возникают словесные метафоры.

Их появление в художественном тексте – результат лингвокреативной деятельности писателя, базирующейся на безграничных возможностях мысли и воображения.

© Сахарова Е.А., 2013

Однако любая метафора как ключевой механизм поэтического познания не только является результатом когнитивно-дискурсивной деятельности писателя, направленной на творческое постижение явлений и процессов окружающей действительности, но и пробуждает рефлексию читателя, стремящегося осмыслить образы, возникающие в дискурсивном пространстве художественного текста. Творческий импульс художественного текста не исчерпывается лингвокреативной деятельностью писателя, но продолжается в интерпретационной деятельности читателя, стремящегося постичь эксплицитные и имплицитные смыслы художественного текста, поскольку без интерпретатора существует не сам текст, а лишь «тело текста», которое вне взаимодействия с читателем остается лишь «звуковым шумом или цепочкой каких-либо фигур, не становящихся знаками до тех пор, пока не появится некто, способный приписать им значение – означить» [2; с. 21].

С точки зрения когнитивной лингвопоэтики, структура художественного текста, его словесная организация, образующая сложную смысловую мозаику, дают возможность читателю стать сотворцом, своего рода соучастником процесса поэтического творчества. Занимая по отношению к тексту активную творчески-познавательную позицию, читатель как сотворец художественной реальности способен восстанавливать связи между художественной картиной мира автора и самой действительностью, между художественным образом и концептуальными смыслами, которые он порождает. Обладая языковой компетенцией читатель не просто постигает заданный автором смысл текста, а скорее участвует в порождении нового смысла, включающего в себя как пресуппозиции, так и «личностное знание» (термин М. Полани), основанное на индивидуальном когнитивном опыте интерпретатора. Таким образом, понимание – это не репродуктивная, а когнитивная деятельность, позволяющая читателю выйти за пределы текста в дискурсивную ситуацию, породившую его, результатом чего является установление смысла некоторого объекта [3; с. 124].

Восприятие и декодирование когнитивной метафоры начинается с осмысления семантической структуры метафоры словесной [1; с. 219]. Означаемым языкового знака при этом выступает нераздельное единство значения и смысла. Значение языкового знака – узуальный и обязательный аспект плана содержания, исторически и социально сформированная в сознании человека связь между акустическим образом слова и образом наименованного объекта. Смысл, в свою очередь, понимается как «актуализированное в речи языковое значение в сочетании со всевозможными видами неязыкового содержания» [4; с. 82], т. е. как индивидуальное преломление узуального значения в процессе лингвокреативной деятельности и создателя текста, и интерпретатора. По мнению Н. Ф. Алефиренко, структура смысла состоит из двух аспектов: объективно-общественного и субъективно-личностного смыслов. Объективно-общественный смысл включает в себя то общее, что данное слово значит для всего языкового коллектива (его предметная отнесенность и сфера употребления), концептуальные метафоры и модели, усваиваемые личностью в процессе социализации и овладения родным языком, на чем базируется «бессознательный» процесс порождения и понимания метафоры. Субъективно-личностный смысл включает в себя отношение индивида к осознаваемым предметам и явлениям действительности и представляет собой призму преломления объективно-общественного смысла в индивидуальном

сознании [4; с. 80–81]. Закодированные в означаемом языкового знака объективно-общественные смыслы определяют собой сущность значения языкового знака. Однако значение существует и реализуется в живой речи. Отсюда вся сложность диалектического взаимоотношения смысла и значения: смысл выражается в значении языкового знака, а значение выступает конструктивным элементом речевого смысла. Благодаря подобному лингвокреативному взаимоотношению значения и смысла языкового знака картина мира читателя, обладающего развитой языковой компетенцией, трансформируется, безмерно расширяя свои границы. Ср.: *Лишь однажды он сказал, стоя за ее спиной и наблюдая, как горная ночь по одной, словно свечи, задувает горящие отблеском солнца черепичные крыши: «Этот город заслуживает, чтобы его рассматривали не с такой высоты».* [5; с. 665] С помощью развернутой метафоры Д. Рубина рисует ночной городской пейзаж. Ночь как привычное физическое явление сопоставляется с человеком, черепичные крыши – со свечами. В результате подобной персонификации в сознании читателя создается определенный зрительный образ: *человек, задувающий свечи*, который соотносится с реальным явлением – наступлением ночи.

Создавая метафору, ее творец нарушает традиционную систему семантических связей и отношений, что, по мнению Б.А. Ларина, связано с «ожиданием новизны, устремлением мысли к тем возможным способам представления, какие противостоят привычному, известному» [6; с. 66–67]. Руководствуясь этим принципом, создатель метафоры с помощью существующих языковых средств создает свою метафорическую модель видения мира, которая является следствием индивидуальной творческой интенции. Однако метафора всегда ориентирована на адресата, поэтому художник слова должен быть уверен в том, что реальный или потенциальный реципиент, опираясь на читательский опыт, используя хранящиеся в памяти наглядно-чувственные образы, раскроет заключенный в метафоре смысл в соответствии с авторским замыслом. Ср.: *Но хотелось мне того или нет, а семя стремительно развивающегося сюжета уже сидело в безумной почве моего воображения...* [7; с. 324]. В анализируемом когнитивно-дискурсивном фрагменте, метафорически репрезентируя процесс зарождения сюжета нового произведения, автор прибегает к нестандартной метафорической модели СЮЖЕТ – РАСТЕНИЕ, отражающей индивидуально-авторское восприятие.

В результате свободного ассоциативного эксперимента, проводившегося среди студентов-нефилологов с целью выявления особенностей восприятия метафоры, было установлено, что метафора вызывает в сознании читателей множество ассоциативных реакций, в совокупности отражающих границы смыслового развертывания метафорического образа: *фантазия, мысли, идея, вселенная, театр, кино, росток, растущее дерево, огород и др.* Следовательно, автор сознательно использует метафору с целью пробуждения читательской рефлексии. При этом задача читателя – осмыслить ту художественную картину мира, которую предлагает ему автор, разгадать личностные смыслы автора, порожденные избирательным восприятием окружающей действительности, что довольно сложно для интерпретирующего восприятия, поскольку читателю необходимо не столько осознать языковое значение составляющих метафору лексем, сколько попытаться постичь дискурсивно обусловленный смысл образного слова. Понять метафору непросто, так как для этого нужно мысленно проследить все этапы ее создания. По словам В.В. Виноградова, «читатель не просто «читает» писателя, а творит вместе с ним» [8; с. 8]. Действительно, постигая смысловую сложность метафоры, читатель как бы разгадывает заключенную в ней тайну [9; с. 52], опираясь при этом на собственные ценностно-смысловые духовные приоритеты.

Сущность понимания метафоры состоит в том, чтобы восстановить гносеологический образ предмета метафоризации через языковое значение метафоры, т. е. увидеть ассоциативные связи между предметами, которые не являются однородными, но могут быть соотнесены друг с другом в рамках этнокультурного языкового сознания читателя. Читатель, воспринимающий метафору, должен «пропустить» результаты чужого сравнения через свое языковое сознание и, сопоставив их с собственным опытом, соотнести с теми же явлениями и предметами, что и создатель метафоры. Однако индивидуальный авторский опыт не всегда соответствует читательскому опыту: восстановлению смысловой гармонии препятствуют такие свойства метафоры, как субъективность, смысловая диффузность и само назначение метафоры – скорее вызывать представление, чем сообщать информацию [10]. Сравним: ассоциативные реакции на приведенный выше метафорический фрагмент, по существу, носили несколько «наивный» характер, основываясь на семантике отдельно употребленных лексем, составляющих метафорический фрагмент, без учета их синтагматической и парадигматической сопряженности. Так, лексема *воображение* вызывала синонимические реакции *фантазии, мысли, идея*, что свидетельствует о неподготовленности читателя к комплексному восприятию художественного текста, о неспособности уловить его смысловой рисунок. Таким образом, «дорисовать» в воображении неявные ассоциативные связи, раскрыть имплицитно выраженные посредством метафоры смыслы способен только читатель, обладающий развитой языковой компетенцией.

Насколько свободна интерпретационная деятельность? С одной стороны, объем понимания смысловой палитры метафорических фрагментов текста практически безграничен, так как обусловлен экспрессивно-образным потенциалом когнитивной метафоры. Метафора, отличающаяся семантической многоплановостью, способна вызвать множество различных, порой противоречивых ассоциативных реакций, что влечет за собой многообразие интерпретаций метафорического образа: «невозможен даже приблизительный перевод метафоры в однозначный понятийный смысл или «пластический образ», поскольку свойство смысловой предметности метафорического мышления определяет не окончательный и однозначный смысл, а лишь направление ассоциаций» [11; с. 54]. Сравним: единичные ассоциативные реакции *театр, кино* как раз и указывают на множество возможных интерпретаций, поскольку объективно не связаны с первичными значениями лексем, составляющих высказывание. С другой стороны, понимание всегда детерминировано структурным и смысловым рисунком произведения, который «подсказывает» читателю, как следует прочитать тот или иной дискурсивный фрагмент. Так, лексемы *семя, почва* задают вектор читательского восприятия: рождение литературного произведения подобно росту какого-либо растения. Процесс творчества столь же удивителен и загадочен: из маленького «семени» (незначительного случая, услышанной где-то истории, чем-то запомнившегося лица) вырастает «дерево» – рассказ, повесть, роман. Конечно же, «почвой» для подобного развития служит воображение художника слова. В этом и заключается сущность творчества, поэтому ассоциативные реакции *росток, растущее дерево* вполне оправданы. Именно они позволяют восстановить смысловую гармонию текста, создать многогранный образ, воплощающий авторскую идею.

Итак, необходимо отметить, что понимание смысла, заложенного писателем в метафоре, требует подготовленного читателя, который сумеет из всего разнообразия значений многозначного слова выбрать необходимое в данном случае, т. е. читателя, способного отреагировать на авторский замысел.

Понимание метафорического текста – это его расшифровка, смысловая интерпретация, которая осуществляется благодаря личностному и социальному опыту читателя, воспринимающего метафору, его языковой компетенции, способности к рефлексии, а также уровню развития ассоциативного мышления языковой личности.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
2. Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с.
3. Кубрякова Е.С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: МГУ, 1997. С. 124–126.
4. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
5. Рубина Д. Полное собрание рассказов в одном томе. М.: Эксмо, 2011. 736 с.
6. Ларин Б.А. Эстетика слова и языка писателя. Л.: Художественная литература, 1974. 288 с.
7. Рубина Д. Полное собрание романов в одном томе. М.: Эксмо, 2012. 1104 с.
8. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.
9. Вовк В.Н. Языковая метафора в художественном тексте. Киев: Наукова думка, 1986. 68 с.
10. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (Синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. С. 147–173.
11. Пищальникова В.А. Психопоэтика. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 176 с.

References

1. Alefirenko N.F. «Living» word: Problems functional lexicology. M.: Flinta: Nauka, 2009 . 344 p .
2. Zalevskaia A.A. Text and it's understanding. Tver: Tver. State University, 2001. 177 p.
3. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankratz J.G., Luzina L.G. Concise Dictionary of cognitive terms / E.S. Kubryakova . M.: Moscow State University, 1997. P. 124-126.
4. Alefirenko N.F. Controversial issue of semantics. M.: Gnosis, 2005 . 326 p.
5. Rubina D. Complete stories in one volume. – M.: Exmo, 2011.736 p.
6. Larin B.A. Aesthetics of speech and language writer. - L.: Fiction literary, 1974. 288 p.
7. Rubina D. Complete novels in one volume. – M.: Exmo, 2012.1104 p.
8. Vinogradov V.V. Theory of literary language. M.: Higher School, 1971. 240 p.
9. Vovk V.N. Language metaphor in a literary text. Kiev: Naukova Dumka, 1986. 68 p.
10. Arutyunova N.D. Language metaphor (syntax and vocabulary) // Linguistics and Poetics. M.: Science, 1987. P. 147-173.
11. Pischalnikova V.A. Psihopoetika. Barnaul: Alt. State University, 1999. 176 p.

УДК 811, 161.1

*Военный учебно - научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
Преподаватель кафедры русского языка
Бунеева Е.В.
Россия, г. Воронеж, тел. 8-903-855-34-03;
e-mail: el.buneeva@yandex.ru*

*Air forces education and research center «Air Forces Academy named after Zhukovskiy and Gagarin»
The chair of Russian Language
Lecturer Buneeva E.V.
Russia, Voronezh, tel. 8-903-855-34-03
e-mail: el.buneeva@yandex.ru*

Е.В. Бунеева

ТОПОНИМЫ КАК ЧАСТЬ ХРОНОТОПА В ПОЭМЕ С.А.ЕСЕНИНА «ПЕСНЬ О ВЕЛИКОМ ПОХОДЕ»

В статье представлен состав топонимов, формирующих ономастическое пространство в тексте поэмы С.А. Есенина «Песнь о великом походе», которые рассмотрены как часть хронотопа, а также установлена связь онимов с традицией русского литературного наследия.

Ключевые слова: ономастика, поэма, ономастикон, хронотоп, топоним, номинация.

E.V. Buneeva

THE TOPONIMS AS THE PART OF CHRONOTOP IN ESEININ'S POEM «THE SONG OF THE GREAT WAR»

The article is presented to the composition of toponims, which forming onomastic space in Esenin's poem «The song of the great war». The toponims are considered as part of the chronotop. The proper names in this poem are established link with tradition of Russian classic literature.

Key words: onomastics, the poem, onomastic space, chronotop, toponim, nomination.

Заключительный этап жизни и творчества поэта, на котором он и создает свою поэму «Песнь о великом походе» (1924), проходит под эмблемой переоценки ценностей и приводит к эволюции мировоззрения поэта в целом и, как следствие, к изменению его исторических, политических, идеологических ориентиров. Именно этим объясняется стремление и потребность С.А. Есенина в «Песни о великом походе» по-новому увидеть и описать нелегкое, кровавое время в истории своей страны – время гражданской войны и революции, иначе, чем он описал его в «маленьких» революционных поэмах 1918-1919 гг., отмеченных духом условно-христианской символики.

Понимание пространственно-хронологических параметров поэмы, заключенных по большей части в топонимическом сегменте произведения, безусловно, важно для дальнейшей интерпретации всего ономастикона «Песни...».

В этой связи уместно будет вспомнить работы М.М. Бахтина, в которых ученый определил время и пространство в художественном мире как две стороны хронотопа,

где происходит «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [1; с. 453].

© Бунеева Е.В., 2013

Топонимика «Песни о великом походе» не просто четко отражает реальный исторический фон двух эпох: петровской и эпохи гражданской войны и революции, но и органично их переплетает, создавая единое хронотопное поле в поэме.

Большинство топонимов и хоронимов в поэме выступают в переносном или в символическом значении. Особенно это прослеживается на примере онимов, использованных поэтом для создания колорита петровской эпохи. Например, топоним *Амстердам* (2) на прямую отсылает нас ко временам юности Петра, когда молодой император обучался у зарубежных мастеров различным ремеслам, в особенности судостроительному делу.

Топоним *Ипатьев* (1) не случайно связан сюжетной линией с образом *дьяка*, оплакивающего старую Русь и осуждающего Петра I за то, что «принялся он Русь онемечивать». Ипатьевский монастырь со времен Древней Руси был оплотом русской церкви, хранителем патриархальных традиций и устоев.

Москва (3) дважды выступает в поэме в символическом качестве:

«Ты скажи, зачем
Прикатил, стрелец?
Аль с Москвы какой
Потайной гонец?»
«Не гонец я, царь,
Не родня с Москвой»

[2; с. 77].

В данном контексте *Москва* предстает как «резиденция» старорусских князей и традиционного боярства, с которыми Петру I было довольно сложно договориться при введении новых порядков, а иногда и вовсе приходилось прибегать к насильственным мерам:

«Бреет он князьям
Брады, усие,—
Как не плакаться
Тут над Русию? »

[2; с. 76].

Прямое значение топонима *Москва* реализуется во второй части «Песни...», где речь идет о миграции части населения во времена гражданской войны с южных границ империи, где в ту пору протекали наиболее кровопролитные бои, в центральную Россию:

А за Белградом,
Окол Харькова,
Кровью ярь мужиков
Перехаркана.
Бедный люд в Москву
Босиком бежит

[2; с. 89].

Помимо *Белграда* (1) и *Харькова* (1) в поэме встречаются такие топонимы как *Украина* (1), *Явор* (1), *Лигов* (1), *Сибирь* (1). Все эти топонимы реальные, однако *Явор* в этом плане требует дополнительного комментария. Несмотря на то, что данный оним не зафиксирован в современных топонимических словарях, деревни и села с подобным названием обнаружены в Белоруссии, Польше, Болгарии, Сербии, Боснии, что говорит об общеславянском характере этого топонима и указывает на его распространенность. В поэме находим следующие строки:

А за Явором,
Под Украйною,
Услыхали мужики
Весть печальную

[2; с. 82].

Само название *Явор* пошло от названия дерева рода *клен*.

Топоним *Сибирь* напрямую связан с фигурой А.В. Колчака, который в ноябре 1918 года в Омске Советом министров был избран Верховным Правителем Российского государства, а также принял на себя звание Верховного Главнокомандующего. Колчак постарался собрать под своим началом разрозненные политические силы. Поначалу положение на фронтах благоприятствовало этим планам, и Сибирская армия А.В. Колчака успешно провела ряд наступательных операций:

А на помог им,
Как лихих волчат,
Из Сибири шлет отряды
Адмирал Колчак

[2; с. 83].

Отдельного рассмотрения требует парадигма топонимов *Питер-град* (10) – *Питер* (3) – *Петроград* (1), поскольку она выполняет в поэме локально-темпоральную функцию. Данная функция имени собственного обычно возникает у топонимов, когда они соотносятся не только с местом (географическим объектом), но и с целой эпохой историческим временем в жизни и сознании народа. Так, в первой части «Песни о великом походе» мы встречаем следующий оним:

Царь дурак-батрак
Сопли жмет в кулак,
Строит *Питер-град*
На немецкий лад

[2; с. 75].

И в рамках той же поэмы, но уже во второй ее части – совсем другая номинация города:

Курток кожаных
Под Донцом не счесть.
Видно, много в *Петрограде*
Этой масти есть

[2; с. 90].

Разные именованья одного города в разные эпохи символизируют эти эпохи и перекличку времен – дореволюционного Питер-града и современного поэту Петрограда. Дополнительная номинация первого онима *град* работает на стилизацию поэмы, которая обозначена еще в ее заглавии («*Песнь* о великом походе»).

При этом любопытно, что третий, наиболее нейтральный оним из парадигмы (*Питер*) употребляется в поэме в тех случаях, когда за город идут сражения, то есть он уже не *Питер-град*, но еще и не *Петроград*:

Там под Лиговом

Страшный бой кипит.
Питер траурный
Без огней. Не спит

[2; с. 88].

Вдруг над Питером
Слышен новый гуд

[2; с. 84].

Многие поэты XIX и XX веков обращались в своих произведениях к этому магическому топониму, по-разному обыгрывая его в своих стихотворениях. Так, Г.Р. Державин более чем за сто лет до переименования города первым употребил название *Петроград*:

Нет, не древних див картина
Удивляет смертных взгляд;
Шествует Екатерина
Со Георгом в Петроград!

(«Шествие по Волхову российской Амфитриты», 1810 г.).

Однако локально-темпоральный потенциал данного онима в полной мере проявилась возможность раскрыть лишь после октябрьского переворота, и С.А. Есенин активно ее реализует в «Песни о великом походе».

Особого внимания в поэме заслуживает хороним *Русь*, который выступает в нескольких значениях. Наиболее частотным является метонимический перенос, при котором *Русь* (3) воплощает собой весь русский народ:

Не народ, а дрыхва
Подбитая!
Русь нечесаная,
Русь немытая

[2; с. 75].

В остальных контекстах данный хороним выступает в трех разных значениях:

1. *Русь* (1) как родина:

«В страшной доле я
За родную Русь...»

[2; с. 79].

2. *Русь* (1) как символ царского режима, уходящей в небытие страны, на смену которым придет новая власть и новая страна:

И все пьют за царя,
За святую Русь,
В ласках знатных шлюх
Забывая грусть

[2; с. 91].

3. *Русь* (2) – патриархальная, допетровская Русь, контекстуально противопоставляется просвещенной Европе:

«Видно, делать ему
Больше нечего,
Принялся он Русь
Онемечивать»

[2; с. 76].

Гидронимы в «Песни о великом походе» немногочисленны: *Дон* (3), *Дунай* (1), *Нева* (2), *Донец* (1).

Топоним *Индия* (1), казалось бы, явно выпадающий из общего топонимического контекста поэмы, по мнению Н.И. Шубниковой-Гусевой, играет важную роль в прояс-

нении смысла поэмы. Неслучайно именно такими строками С.А. Есенин завершает свою поэму:

В берег бьет вода
Пенной индевью...
Корабли плывут
Будто в *Индию*...

[2; с. 93].

Н.И. Шубникова-Гусева так расшифровывает финальные строки поэмы: «Образ «Индии духа» как мира личной духовной свободы противопоставлен неотвратимому року исторического бытия» [6; с. 332].

В заключении отметим, что хронотоп «Песни о великом походе» глубоко уходит своими корнями в традицию русского литературного наследия. Эту стилевую особенность поэзии поэта отметил Е. Наумов: «В «Песне о великом походе» очень выразителен национальный колорит. Он чувствуется во всем стиле этого произведения: в его ритмике, лексике, образной системе. Легко заметить близость «Песни...» к стилевым особенностям поэзии Кольцова и Никитина... В духе «Слова о полку Игореве» в «Песни...» Есенина рассказ начинается со стародавних времен (со времени основания Петербурга), силы природы принимают активное участие в ходе событий» [4; с.176]. Во второй части поэмы, где речь идет о советском времени, Е. Наумов усматривает стилистическую близость С.А. Есенина к Д. Бедному, который так охотно прибегал в годы гражданской войны к современной частушке.

Ю. Прокушев в свою очередь отсылает нас к некрасовской «Железной дороге» [5; с. 279]. Завершенность подобной стилизации, безусловно, придает ономастикону поэмы, реально отражающий и сочетающий в себе фон двух великих и кровавых эпох в истории России, а также доказывает, что хронотоп ономастического пространства «Песни о великом походе» созвучен традициям народной поэзии и русской классической литературы.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Есенин С.А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1978. 286 с.
3. Ковалев Г.Ф. Писатель. Имя. Текст. Воронеж: ВГУ, 2004. 340 с.
4. Наумов Е. Сергей Есенин. Жизнь и творчество. Л.: Учпедгиз, 1960. 288 с.
5. Прокушев Ю.Л. Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха. М.: Современник, 1986. 432 с.
6. Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека». М.: ИМЛИ РАН, 2001. 688 с.

References

1. Bahtin M.M. The questions about literature and esthetic. Different ages studies. M., 1975. 415 p.
2. Esenin S.A. Collected works in 6 vol. Vol. 3. M., 1978, 286 p.
3. Kovalev G.F. Writer. Proper name. Text. Voronezh, 2004. 340 p.

4. Naymov E. Sergey Esenin. Life and creative writing. L., 1960. 288.
5. Prokushev J.L. Sergey Esenin. Image. Poetry. Epoch. M., 1986. 432 p.
6. Shubnikova-Guseva N.I. Esenin's poems: From «Prophet» to «Black man». M., 2001. 688 p.

УДК 81'367

*Елецкий государственный университет им.
И.А. Бунина*

*Доктор филологических наук, профессор
Казарина В. И.*

*Россия, г. Елец, тел. 8(919)167-85-43;
e-mail: kazarina39@mail.ru*

*студентка 5 курса филологического факуль-
тета Елецкого государственного универси-
тета Рыбина Ю. А.*

*Россия, г. Елец, тел.8(904)692-06-22;
e-mail: yuliya.rybina.92@mail.ru*

*Elets state university of teaching named
after I.A. Bunin;*

*Doctor of philological sciences, professor
Kazarina V. I.*

*Russia, Elec, tel. 8(919)167-85-43;
e-mail: kazarina39@mail.ru*

*Department of Philology
5th year student Rybina Ju.A.*

*Russia, Elets, tel. 8(904)692-06-22;
e-mail: yuliya.rybina.92@mail.ru*

В.И. Казарина, Ю.А. Рыбина

ВВОДНЫЕ СЛОВА КАК МАРКЕР МОДАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

В работе представлена классификация вводных конструкций как маркеров одного из компонентов эпистемической модальности предложения в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети». Учтено их функционирование в речи главных героев в качестве портретной характеристики последних.

Ключевые слова: вводные слова, субъективная модальность, семантика.

V.I. Kazarina, J.A. Rybina

PARENTHETICAL WORDS AS A MARKER OF THE MODAL EVALUATION IN THE NOVEL «FATHERS AND SONS» BY I. S. TURGENEV

In the article the authors present the classification of parentheses as markers of one of the components of epistemic modality in the novel «Fathers and Sons» by I.S. Turgenev, take into account their functioning in the main characters' speech as portrait description of the lasts.

Key words: parenthetical words, subjective modality, semantics.

Ориентация на языковую личность в современной лингвистике определяет интерес исследователей к такой категории предложения, как модальность – неотъемлемый атрибут предложения как коммуникативной единицы, несущей определенную информацию. Она представляет собой сложное и многоплановое явление, по-разному проявляющее себя на разных уровнях структурной и семантической организации

предложения. Учитывая утвердившийся в отечественной лингвистике подход к модальности как к «функционально-семантической категории, выражающей разные виды отношения *высказывания* к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [5; с. 302], на первом уровне членения модальной оценки сообщаемого выделяем модальность как компонент предикативной оси предложения, устанавливающий отношение содержания высказывания (его информативного, диктумного компонента) к внеязыковой действительности, характеризуя его как реальное или ирреальное. За предикативной модальностью закреплен термин «объективная модальность».

© Казарина В.И., Рыбина Ю.А., 2013

Объективирует этот компонент модальности глагольная категория наклонения.

Вторым компонентом модальности предложения является модальная оценка сообщаемого со стороны модального субъекта, дающего оценку (квалификацию) диктумного компонента высказывания или его части. Эта квалификация, представленная в терминах разного рода оценок (желательности, достоверности, необходимости и под.), не определяет предикативной оси предложения. Она факультативна в структурно-семантической организации высказывания, наслаивается на предикативную модальность, переплетается с нею. В отличие от предикативной модальности, ее называют субъективной модальностью.

В оценке излагаемого события, факта, модальный субъект исходит из своего опыта, своих знаний или знания и суждения других людей. Логически обоснованную опытом и знаниями, субъективную модальность называют эпистемической модальностью (от греч. эпистема – высший тип достоверного знания). Эпистемическая модальность, по мнению лингвистов, объективируется различными лексическими средствами: вводными словами, частицами, словами знаменательных частей речи с оценочной семой. Мы к эпистемической относим модальность, объективируемую структурными элементами высказывания. Таковыми считаем вводные слова и вводные синтаксические конструкции (словосочетания, предложения), выполняющие функцию модальных модификаторов. Специфика эпистемической (субъективной) модальности впервые была отмечена академиком В.В. Виноградовым. Он писал: «Модальность, выражаемая вводными синтагмами совершенно иного типа, чем модальность, включенная в форму предиката» [2; с. 68]. И далее: «... очевидно, что модальные краски и оттенки, создаваемые вставкой или введением этих синтагм, образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение» [2; с. 71].

Структурная независимость, несвязанность с компонентами предложения, положение «вставки» в структурной организации высказывания характеризуют ее как «внешнюю» модальность в отличие от модальности внутрисинтаксической [4; с. 152], формирующей предикативную ось предложения, а также маркирующей модальными модификаторами отношение модального субъекта высказывания к предикативному признаку, типа: – *Так как же, Аркадий, – заговорил опять Николай Петрович, оборачиваясь к сыну, – сейчас закладывать лошадей, что ли? Или вы отдохнуть **хотите?*** (Тургенев. *Отцы и дети*); – *Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить* (там же).

Цель нашего исследования – выявление семантических групп вводных конструкций в функции модальных модификаторов в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» и их роль в описании портретных характеристик героев.

Выборка представлена 248 высказываниями, включающими модальный модификатор в позиции вводного компонента: *бесспорно, вероятно, должно быть, во всяком случае, казаться, как известно, к счастью, к стыду, право, признаться* и мн.др.

Лексическое значение модификатора определяет обогащение содержательной структуры высказывания, ее смысла соотносительными модальными семемами. Неоднородность, разнообразие лексического значения неполнозначных лексических модификаторов, данные «Граматики русского языка» [3; с. 142 – 176], позволили произвести их дифференциацию в исследуемом романе на следующие группы:

Модификаторы, обогащающие смысл высказывания семой различного уровня достоверности сообщаемого;

Модификаторы, обогащающие смысл высказывания семой обычности;

Модификаторы, обогащающие смысл высказывания эмоциональной оценкой;

Модификаторы, обогащающие смысл высказывания семой источника сообщения.

К первой группе, информирующей о достоверности информативного компонента, мы отнесли следующие модификаторы: *правда, без сомнения, право, наверное, разумеется, кажется, может, вероятно, очевидно, может быть, как оказалось, как надо полагать* и др., представленные 210 высказываниями нашей картотеки.

Уровень достоверности в лексическом значении модификатора различен, что определило второй уровень дифференциации модально-вводных слов этой группы на модификаторы, маркирующие семему «достоверность сообщаемого», семему «предположение наличия сообщаемого» и семему «неуверенность».

а) Наиболее частотными (93 примера) в функционировании являются немногочисленные модификаторы со значением неуверенности в достоверности сообщаемой информации. К таковым относим:

должно быть «вероятно, по всей вероятности»: – *Либо я глуп, либо это все – вздор. Должно быть, я глуп* [7; с.88]; *Над средним диваном висел портрет обрюзглого белокурого мужчины – и, казалось, недружелюбно глядел на гостей. «Должно быть, сам, – шепнул Базаров Аркадию и, сморщив нос, прибавил: – Аль удрать?»* [7; с.117]; – *В самом деле? Солнце меня, должно быть, распарило, да и малины нельзя так много есть* [7; с.158];

может быть, быть может «возможно, можно думать»: *Слуга, из чувства приличия, а может быть, и не желая остаться под барским глазом, зашел под ворота и закурил трубку* [7; с.53]; *Не будь она богата и независима, она, быть может, бросилась бы в битву, узнала бы страсть...* [7; с.123];

б) Модификаторы со значением полной достоверности сообщаемого представлены в 72 высказываниях лексемами:

бесспорно «несомненно, совершенно очевидно»: *Одинцова очень мила – бесспорно, но она так холодно и строго себя держит, что...* [7; с.112];

в самом деле «действительно, точно»: *Одинцова слегка пожала плечом. – Мне будет скучно, – повторила она. – В самом деле? Во всяком случае, долго вы скучать не будете* [7; с. 80];

действительно «выражает уверенность»: *И действительно, Аркадию отлично спалось в своем предбаннике: в нем пахло мятой, и два сверчка вперевивку усыпительного трещали за печкой* [7; с. 151];

конечно «само собой разумеется, без сомнения»: – *Я вас понимаю и одобряю вас вполне. Мой бедный брат, конечно, виноват: за то он и наказан* [7; с. 186];

правда «действительно, точно»: *Одна, правда, была иностранная, из плохоньких.* [7; с. 99];

право «действительно, в самом деле, правда»: *Я все смотрел: этикие у него удивительные воротнички, точно каменные, и подбородок так аккуратно выбрит. Аркадий Николаич, ведь это смешно? – Пожалуй; только он, право, хороший человек [7; с.63]*

разумеется «без всякого сомнения, правда»: *Тебе, Евгений, я, разумеется, представлю мой кабинет [7; с.147].*

точно «действительно, в самом деле»: *Ты стараешься не забыть того, чему тебя учили, а там -- хват! -- оказывается, что все это вздор, и тебе говорят, что путные люди такими пустяками больше не занимаются и что ты, мол, отсталый колпак. Что делать! Видно, молодежь, точно, умнее нас [7; с.72].*

В эту же группу относим и вводное словосочетание **во всяком случае** со словарным значением «в любом случае», контекстуально используемое для передачи семы полной уверенности: *– Мне будет скучно, – повторила она. – В самом деле? Во всяком случае, долго вы скучать не будете [7; с.129].*

в) Семема предположения, зафиксированная в 45 примерах, представлена лексемами:

верно (разг.) «по-видимому, должно быть, вероятно»: *– Ты матери своей не знаешь, Евгений. Она не только отличная женщина, она очень умна, право. Сегодня утром она со мной с полчаса беседовала, и так дельно, интересно. – Верно, обо мне все распространялась? [7; с.164];*

вероятно «по всей вероятности, по-видимому»: *Впрочем, ты, конечно, будешь вправе осудить меня. В мои лета... Словом, эта... эта девушка, про которую ты, вероятно, уже слышал... [7; с.57];*

видимо «по-видимому, кажется»: *Она надела на него красную рубашечку с галуном на вороте, причесала его волосики и утерла лицо: он дышал тяжело, порывался всем телом и подергивал ручонками, как это делают все здоровые дети; но щегольская рубашечка, видимо, на него подействовала: выражение удовольствия отразилось на всей его пухлой фигурке [7; с.79];*

очевидно «вероятно, по-видимому»: *Уже по тому, как их встретил дворецкий на крыльце одинцовского дома, приятели могли догадаться, что они поступили неблагоразумно, поддавшись внезапно пришедшей им фантазии. Их, очевидно, не ожидали. [7; с.167].*

Считаем, некоторые модификаторы требуют пояснения.

Так, лексема **пожалуй** в соответствии со словарной дефиницией имеет значение «выражает допущение возможного, склонность согласиться». Однако в речи Е. Базарова она обозначает не просто склонность согласиться, а уверенность в том, например, что Одинцова не способна на увлечение: *Одинцова опять усмехнулась.*

– Вы решительно не хотите верить, что я способна увлекаться?

Базаров исподлобья взглянул на нее.

– Любопытством – пожалуй; но не иначе [7; с. 131].

Или в дискуссии Базарова и одного из Кирсановых: *– Вы столь высокого мнения о немцах? – проговорил с изысканною учтивостью Павел Петрович. Он начинал чувствовать тайное раздражение. Его аристократическую натуру возмущала совершенная развязность Базарова. Этот лекарский сын не только не робел, он даже отвечал отрывисто и неохотно, и в звуке его голоса было что-то грубое, почти дерзкое.*

– Тамошние ученые дельный народ.

– Так, так. Ну, а об русских ученых вы, вероятно, но имеете столь лестного понятия?

– **Пожалуй**, что так [7; с.70] равно «та же полная уверенность в том, что немцы достигли в естественных науках значительно большего по сравнению с русскими учеными». Иногда сема уверенности подчеркивается введением второго модального конкретизатора такой же семемы: – *Да ведь ты не знаешь, – ответил Аркадий, – ведь он львом был в свое время. Я когда-нибудь расскажу тебе его историю. Ведь он красавцем был, голову кружил женщинам.*

– *Да, вот что! По старой, значит, памяти. Пленять-то здесь, жаль, некого. Я все смотрел: такие у него удивительные воротнички, точно каменные, и подбородок так аккуратно выбрит. Аркадий Николаич, ведь это смешно?*

– **Пожалуй**; только он, **право**, хороший человек [7; с.63].

В соответствии со словарной дефиницией **кажется** «как будто, по-видимому» является знаком семемы «неуверенность». Например: – *Нет, зачем говорить о любви, – промолвил Базаров, – а вот вы упомянули об Одинцовой... Так, **кажется**, вы ее назвали? Кто эта барыня?* [7; с.108]. Однако в речи таких героев романа, как Е.Базаров, Аркадий, Е.Одинцова, отец Базарова эта лексема является носителем семемы «уверенность» при выражении своего мнения: «я так думаю». У Базарова из 9 случаев использования этого модификатора в 6 он передает смысл, не соответствующий словарной дефиниции: – *Вот и изменило вам хваленое чувство собственного достоинства, – флегматически заметил Базаров, между тем как Аркадий весь вспыхнул и за сверкал глазами. – Спор наш зашел слишком далеко... **Кажется**, лучше его прекратить. А я тогда буду готов согласиться с вами, – прибавил он, вставая, – когда вы представите мне хоть одно постановление в современном нашем быту, в семейном или общественном, которое бы не вызывало полного и беспощадного отрицания* [7; с. 94] «считаю необходимым»; *Холодная усмешка скривила губы Базарова. – Ну, насчет общины, – промолвил он, – поговорите лучше с вашим братцем. Он теперь, **кажется**, изведal на деле, что такое община, круговая порука, трезвость и тому подобные штучки* [7; с. 94] «уверен»; – *Я тебя не совсем понимаю, – промолвил Аркадий, – **кажется**, тебе не на что было пожаловаться* [7; с.143] равно «уверен, считаю».

Сочетание **не правда ли** равно «не так ли, ведь действительно так» функционирует в вопросительных предложениях с семой «поиск подтверждения сообщаемого»: *Мы заживем с тобой на славу, Аркаша; ты мне помогать будешь по хозяйству, если только это тебе не наскучит. Нам надобно теперь тесно сойтись друг с другом, узнать друг друга хорошенько, **не правда ли?*** [7; с.59].

2. Лексемы со значением **источника** сообщения отмечены в 27 высказываниях и представлены конструкциями:

говорят «высказывают мнение» как без указания на источник информации: – **Говорят**, германцы в последнее время сильно успели по этой части [7; с.70], так и с указанием на обобщенное лицо: ... *что бы она ни делала (женщина), вам постоянно казалось, что она именно это-то и не хотела сделать; все у ней выходило, **как дети говорят** – нарочно, то есть не просто, не естественно* [7; с.104];

как говорится «как принято говорить»: *Между тем Николай Петрович успел, еще при жизни родителей и к немалому их огорчению, влюбиться в дочку чиновника Преполовенского, бывшего хозяина его квартиры, милостивую и, **как говорится**, развитую девицу: она в журналах читала серьезные статьи в отделе «Наук»* [7; с.53];

как известно «знают все»: *Он состарился, поседел; сидеть по вечерам в клубе, желчно скучать, равнодушно поспорить в холостом обществе стало для него потребностью, – знак, как известно, плохой. О женитьбе он, **разумеется**, и не думал* [7; с.75];

помнится «как припоминаю»: – *Тэ-тэ-тэ-тэ... То-то я все себя спрашивал: где слышал я эту фамилию: Базаров?.. Николай, **помнится**, в батюшкиной дивизии был лекарь Базаров?*

– *Кажется, был [7; с.68];*

по-вашему, по-моему «по вашему (моему) мнению»: – *Аристократизм, либерализм, прогресс, принципы, – говорил между тем Базаров, – подумаешь, сколько иностранных... и бесполезных слов! Русскому человеку они даром не нужны.*

– *Что же ему нужно, **по-вашему**? [7; с.90].*

3. Группа модификаторов со значением **степени обычности** того, о чем информирует говорящий, в романе «Отцы и дети» представлена 8 высказываниями, ее формируют следующие конструкции:

не зафиксированное в словаре в качестве вводного **по обыкновению** функционирует в значении «как всегда, по привычке»: *В одно утро Арина явилась к нему в кабинет и, **по обыкновению**, низко поклонившись, спросила его, не может ли он помочь ее дочке, которой искра из печки попала в глаз [7; с.81].* При этом, как правило, автор акцентирует внимание на принадлежности этой привычки субъекту высказывания. Ср.: *Княжна, **по обыкновению своему**, сперва выразила на лице своем удивление, точно он затевал нечто неприличное, потом злобно уставилась на него; но он не обратил на нее внимания [7; с.134];*

как водится «как обычно бывает»: *Она похудела от непрестанной внутренней тревоги и, **как водится**, стала еще милей [7; с.187].*

как всегда «постоянно, во всякое время»: *Базаров шел сзади ее (Анны Сергеевны), самоуверенно и небрежно, **как всегда**, но выражение его лица, хотя веселое и даже ласковое, не понравилось Аркадию [7; с. 124].*

случается «бывает редко»: *Идут за советом – нельзя же гнать в шею. **Случается**, бедные прибегают к помощи. Да и докторов здесь совсем нет [7; с.149].*

4. Непродуктивна в функционировании также модальная группа со значением **эмоциональной окраски** диктумного компонента высказывания, представленная 3 примерами:

к сожалению «очень жаль, приходится сожалеть»: – *Прелесть! прелесть! – записал Ситников. – Я вас представляю. Умница, богачка, вдова. **К сожалению**, она еще не довольно развита: ей бы надо с нашею Евдоксией поближе познакомиться [7; с.108];*

как нарочно (разг.) «как назло»: *Сердце Аркадия понемногу сжималось. **Как нарочно**, мужички встречались все обтерханные, на плохих клячонках; как нищие в лохмотьях, стояли придорожные ракиты с ободранною корой и обломанными ветвями; исхудалые, шершавые, словно обглоданные, коровы жадно щипали траву по канавам [7; с.59]; Катя с Аркадием не могли их видеть, но слышали каждое слово, шелест платья, самое дыхание. Они сделали несколько шагов и, как нарочно, остановились прямо перед портиком [7; с. 202].*

Модальный субъект, как правило, дает характеристику всему информативному компоненту высказывания или диктумной части одной из предикативных единиц в сложном предложении (121 пример). Ср.: «*Зачем же он меня не спрашивает, почему я еду? и так же внезапно, как и он? – подумал Аркадий. – **В самом деле**, зачем я еду, и зачем он едет?» – продолжал он свои размышления [7; с.141] — Я уже не говорю о том, что он не раз выручал отца из беды, отдавал ему все свои деньги, – имение, ты, может быть, не знаешь, у них не разделено, – но он всякому рад помочь и, между прочим, всегда вступает за крестьян; **правда**, говоря с ними, он морщится и нюхает*

одеколон... [7; с. 76]. При этом не исключена модальная характеристика диктумного компонента, не только расположенного в постпозиции по отношению к модальному компоненту, но и в препозиции по отношению к нему. Ср.: *Одинцова очень мила – бесспорно, но она так холодно и строго себя держит, что...* [7; с. 112]; в диалоге

– *Притом, вы, может быть, слишком требовательны, – промолвил он, наклонившись всем телом вперед и играя бахромою кресла.*

– *Может быть. По-моему, или все, или ничего* [7; с. 132].

Также частотна модальная оценка, соотносимая не со всем информативным компонентом высказывания, а только с приписываемым субъекту высказывания предикативным признаком: – *Впрочем, ты, конечно, будешь вправе осудить меня* [7; с. 57]; – *Необходимо... Что ж? Прежде всего надо долг исполнять... Так выслать лошадей? Хорошо. Мы, конечно, с Ариной этого не ожидали* [7; с. 165].

В единичных случаях модальный субъект характеризует один из компонентов позиционной схемы высказывания, его означаемое: *Она была не то что робка, а недоверчива и немного запугана воспитавшею ее сестрой, чего, разумеется, та и не подозревала* «Одинцова не подозревала в сестре запуганности» [7; с. 122]; – *Как вы думаете, – спросил Василий Иванович после некоторого молчания, – ведь он не на медицинском поприще достигнет той известности, которую вы ему пророчите?*

– *Разумеется, не на медицинском, хотя он и в этом отношении будет из первых ученых* [7; с. 155]. «Аркадий соглашается с тем, что блестящее будущее Базарова не на медицинском поприще, утверждает это».

В позиции модального субъекта выступает как автор теста, так и его герои. Модальная оценка дается автором (77 примеров) вместе с введением в текст нового героя, при описании его наиболее характерной черты.

Наиболее продуктивной в речи автора является модальность неуверенности, представленная лексемой *казаться* (21 высказывание). Другие лексемы менее частотны: *может быть* (2) и *быть может* (4): *Казалось, они только что вырвались из чьих-то грозных, смертоносных когтей -- и, вызванный жалким видом обессиленных животных, среди весеннего красного дня вставал белый призрак безотрадной, бесконечной зимы с ее метелями, морозами и снегами...* [7; с. 59]; *Слуга, из чувства приличия, а может быть, и, не желая остаться под барским глазом, зашел под ворота и закурил трубку* [7; с. 53].

Модальная семема «предположение» маркирована лексемами *вероятно* (3), *видимо* (4), *очевидно* (2), *пожалуй* (2): *Анна Сергеевна недавно вышла замуж, не по любви, но по убеждению, за одного из будущих русских деятелей, человека очень умного, законника, с крепким практическим смыслом, твердою волей и замечательным даром слова, – человека еще молодого, доброго и холодного как лед. Они живут в большом ладу друг с другом и доживутся, пожалуй, до счастья... пожалуй, до любви* [7; с. 221]; *Она (женщина) говорила и двигалась очень развязно и в то же время неловко: она, очевидно, сама себя считала за добродушное и простое существо, и между тем что бы она ни делала, вам постоянно казалось, что она именно это-то и не хотела сделать; все у ней выходило, как дети говорят -- нарочно, то есть не просто, не естественно* [7; с.104].

Оценка достоверности высказываемой мысли или информации представлена вводными словами: *в самом деле* (1), *действительно* (4), *правда* (8), *разумеется* (5); *точно* (2): *Фенечка и свои волосы привела в порядок, и косынку надела получше, но она могла бы остаться, как была. И в самом деле, есть ли на свете что-нибудь пленительнее молодой красивой матери с здоровым ребенком на руках?; Он состарился, по-*

седел; сидеть по вечерам в клубе, желчно скучать, равнодушно поспорить в холостом обществе стало для него потребностью, -- знак, как известно, плохой. О женитьбе он, разумеется, и не думал [7; с.75].

Другие модальные семемы в авторской речи менее частотны.

В речи героев функционирование модальных модификаторов и их частотность не равнозначны. Так, в речи Е. Базарова оценка событий и фактов окружающей его действительности наиболее частотна. При этом его высказывания чаще окрашены модальностью полной достоверности, уверенности в подлинности излагаемого: из 63 высказываний, принадлежащих ему как модальному субъекту, 34 окрашены указанной семой и только 16 – семой «неполной уверенности» (соответственно 54% – 36,5%). Превалирующее использование модальной оценки со значением полной достоверности (как и манера его разговора и отношения к окружающим) позволяет характеризовать Базарова как личность сильную духом, рассуждающую, с твердыми убеждениями, вполне откровенно высказывающую свои взгляды, прямолинейную до грубости, убежденную в правильности своей позиции, своих требований к окружающим и оценки их жизни и поступков.

В речи Аркадия Кирсанова, причисляющего себя также к нигилистическому молодежному движению, модальные модификаторы реже (41 высказывание), однако модальность уверенности у него также превалирует: соответственно 41% (27 примеров) – 30% (8 примеров).

Тогда как у представителей старшего поколения Кирсановых, не принимающих и не понимающих взглядов молодых нигилистов, соотношение модальной оценки диктумного компонента высказываний иное. Так, в речи Павла Петровича сема полной уверенности представлена 5 примерами, а сема неуверенности в достоверности сообщаемого – 9, что составляет соответственно 31% – 56% из 16 высказываний. То же самое имеем и в речи Николая Петровича: твердая убежденность в истинности сообщаемого представлена 20% высказываний (3 из 15), отсутствие убежденности, или неуверенность в 47% (7 из 15).

Библиографический список

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 2001. 298 с.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // В.В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. с. 53 – 87.
3. Грамматика русского языка. Т.2, книга вторая. М., 1954. 703 с.
4. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. – 368 с.
5. Ляпон, М.В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 303 – 304.
6. Тургенев И.А. Отцы и дети. М., 1978. – 240 с.

References

1. Bally Ch. General Linguistics and French Linguistics. M., 2001. 298p.
2. Vinogradov V.V. About Category of Modality and Modal Words in Russian // Vinogradov V.V. Selected Works. Russian Grammar Research. M., 1975. p. 53 – 87.
3. Russian Grammar. Volume 2, 2nd book. M., 1954. 703 p.
4. Zolotova G.A. Essay of Russian Functional Syntax. M., 1973. 368 p.
5. Lyapon M.V. Modality // Linguistic encyclopaedia. M., 1990. p. 303 – 304.
6. Turgenev I.S. Fathers and Sons. – M., 1978. – 240 p.

УДК 81'373.612.2

*Южный федеральный университет
Аспирант кафедры русского языка
Кондова Н.В.
Россия, г. Ростов-на-Дону, тел. +7(989)708-87-58;
e-mail: kondova@mail.ru*

*Southern federal university
Department of Russian language
Ppost-graduate student Kondova N.V.
Russia, Rostov-on-Don, tel. +7(989)708-87-58;
e-mail: kondova@mail.ru*

Н.В. Кондова

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ Б.Ю.ПОПЛАВСКОГО: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

В статье рассматривается синтаксическая организация романа Б.Поплавского «Домой с небес», который по праву можно отнести к шедеврам орнаментальной прозы начала двадцатого века. Предметом исследования являются сравнительные конструкции, которые задерживают внимание читателя на фрагменте текста, а следовательно, актуализируют заключенную в нем информацию.

Ключевые слова: орнаментальная проза, кинематографичность литературного текста, конструкции прибавления, сравнение, конструкции усечения.

N.V. Kondova

SYNTACTIC ORGANIZATION OF B. POPLAVSKY'S ORNAMENTAL PROSE: COMPARATIVE CONSTRUCTIONS

The article deals with syntactic organization of B.Poplavsky's novel «Coming home from the skies», which can be considered a masterpiece of ornamental prose of the beginning of the 20th century. The object of the research is comparative constructions that arrest readers' attention on an extract of the text and thus actualize the information concluded.

Key words: ornamental prose, film looking of the literary text, attaching constructions, comparison, cutting constructions .

Орнаментальная проза, возникшая в творчестве писателей модернистов, не подразумевает под собой изображение чего-то единого и неразрывного, в ее основе не заложено стремление изображать настоящую действительность. Скорее она является отра-

жением мира подобий и определенных соответствий, в результате чего писатели постоянно стремятся показать поиск этих соответствий «между предметами внешнего мира, между внутренним состоянием человека и предмета, между миром природы и человека» [2; с. 58].

При всей своей на первый взгляд разрозненности (нарушение пропорций объективного видения мира, смешение субъекта и объекта действия, поэтизация низкого и снижение высокого, вытеснение частью целого) орнаментальная проза все же является единым смысловым «организмом». Именно поэтому при исследовании артефактов орнаментальной прозы предпочтительно рассматривать не отдельные элементы, а их совокупность в целом.

© Кондова Н.В., 2013

Изучая текст, нельзя ограничиваться только выразительными конструкциями, а необходимо видеть их содержательную сторону произведения. Как пишет И.В.Арнольд, «сложная структура содержания требует и сложной системы выражения и передается не отдельными элементами, а их взаимодействием в целостной структуре сообщения» [1; с. 42].

Яркое подтверждение особой синтаксической организации орнаментальной прозы мы находим в романе Б.Ю.Поплавского «Домой с небес», который полон разнообразными конструкциями прибавления и усечения. К первым относятся лексический повтор (упорядоченный и неупорядоченный), сравнение (распространенное и одиночное) и синтаксический параллелизм. Вторые включают в себя эллипсис; фрагменты текста, синтаксически, пунктуационно и графически оформленные по правилам научного стиля; представление монолога в виде диалога; фрагмент текста, оформленный как драматургический; оформление чужой речи как вставки. Синтез конструкций прибавления и усечения в произведении тридцатых годов двадцатого века явился незаурядным примером соединения двух основных синтаксических тенденций в русском языке двадцатого века - расчленения и слияния. Об этих тенденциях актуализирующего синтаксиса двадцатого века говорит Е.А.Покровская в своей книге «Русский синтаксис в XX веке: лингвокультурологический анализ». По ее словам, конструкции, относящиеся к данным тенденциям, построены на эффекте обманутого ожидания, поэтому они одновременно стирают выразительность функциональных стилей и в то же время образуют новые и радикальные элементы в них.

Интересным является то, что синтаксис романа «Домой с небес» можно сравнить с процессом кино съемки. В таком случае синтаксические единицы подобны кадрам, особое расположение которых (различные виды конструкции) ведет к тому или иному итогу воспроизведения картинки в целом. Именно такое воссоздание несет в себе комплекс философских, религиозных и художественных воззрений автора, основной целью которого является определенное послание читателям. Конструкции прибавления сравниваются с ускоренной кино съемкой, в основу которой заложена операторская съемка с частотой свыше 36 кадров в секунду вместо 24 кадров в секунду, что обеспечивает на экране кажущееся замедление снятых явлений. В случае с синтаксисом автор использует прием ретардации для того, чтобы дать читателю возможность глубже проникнуть в атмосферу произведения. Таким образом формируется ассоциативный ряд, который, с одной стороны, расширяет фоновое описание реальности и подробно характеризует внешний и внутренний портрет персонажей. С другой стороны, создается эффект слияния нескольких пространственных пластов в едином временном отрезке. В итоге это

слияние образует быстрый переход от плоскости к объему, который акцентирует внимание читателя на нескольких опорных смысловых точках.

Конструкции усечения, в свою очередь, позволяют Б.Ю.Поплавскому ускорить ход действия. Такой прием можно сравнить с замедленной киносъемкой (когда используются для работы какие-то определенные кадры, которые могут сделать мысль понятной без дополнительных распространений, благодаря чему и получается быстрое прочтение). В случае с прозаическим произведением конструкции усечения обеспечивают эффект обманутого ожидания, а также наполняют произведение эмоциональной насыщенностью. В результате происходит постоянная игра адресанта с адресатом. На первый взгляд может показаться, что такие конструкции перегружают текст, намеренно затрудняют его прочтение и восприятие, но в итоге создают объемное, многоплановое произведение.

Подробнее будет рассмотрена только одна из конструкций прибавления – сравнение. Как известно, в ее основе заложен признак схожести, но это не всегда подразумевает факт подобия сравниваемых объектов. Наоборот, очень часто писатели или поэты при помощи этого приема раскрывают предмет или явление с новой, иной стороны. Сравнение позволяет автору найти совершенно неожиданные совпадения между ничем, на первый взгляд, не связанными предметами. Такой выразительное средство позволяет провести своеобразную параллель между уже данной художественной реальностью и мимолетной новой реальностью.

Обычно авторы сравнивают объект с каким-то единичным образом. В таком случае внимание читателя заостряется на обоих образах и происходит сопоставление этих объектов. Адресат начинает искать те общие черты, которые позволили писателю применить данный прием. Если сравнение совсем очевидное, то сразу возникает понимание, по каким критериям адресант рассматривал эти объекты. Но в ином случае читателю нужно поразмыслить некоторое время для того, чтобы определить сходство, ведь без этого сложно будет в дальнейшем перейти на другой уровень восприятия образов. Таким образом, адресат для себя раскрывает содержание каждого из сравниваемых объектов, а затем сопоставляет их. В результате может получиться неограниченное количество новых картинок в рамках одного и того же произведения.

В романе Б.Ю.Поплавского мы встречаем различные виды сравнения. Распространенные сравнительные конструкции помогают автору выстроить для читателя определенный ассоциативный ряд, который глубже раскрывает образы и показывает их с разных сторон. Такой прием направлен не на смежность сравниваемых объектов, а на поиск новых и неожиданных граней. Он делится по способу выражения на синтаксически неразрывный и прерываемый, который вводится с помощью союза «как».

Первая разновидность (неразрывная) включают в свою структуру несколько временных или пространственных пластов. «Небо давно уже сияло безупречной голубизною, и вот наконец между розовыми корпусами фабрик, как синий луч, как дивное тело в разрезе античной дерюги, блеснуло оно, и около него огромными буквами было написано: «Briqueterie Centrale de Marseille» [4; с. 234].

Небо блеснуло, как синий луч – первый пласт сравнения раскрывает читателю вполне стандартный ассоциативный ряд, основывающийся на неразрывной связи неба и синего цвета в многовековом представлении человека. Действие объекта (блеснуло) сопоставляется по образу и подобию с лучом. Таким образом, происходит отсылка к солнцу, которое и создает как блеск, так и лучи.

Небо блеснуло, как дивное тело в разрезе античной дерюги – во втором пласте сравнения небо уподобляется телу, ему приписывается физическая оболочка. Получается своеобразная персонификация неодушевленного объекта, которая неоднократно появляется в романе, поскольку герои произведения пытаются воспринять природу не только как окружающую среду, но и в качестве духовного начала всего сущего. Речь не

идет о поклонении природным силам, как было в язычестве. Стихия, а также различные небесные или земные объекты воспринимаются в качестве источника, где можно найти и обрести себя. Духовные искания героев не ограничиваются одной метафизикой.

В следующем примере автор дает ассоциативный слой, который базируется на подмене понятий. Кроме того, писатель указывает на неразрывную связь сознания и подсознания человека. «И действительно, что-то сгоревшее, давящее, мертвое, чужое было в этой грандиозной природе, лишенной всякой мягкости, как оперная декорация, как кошмарный сон, где все с первой минуты подозрительно ярко и отчетливо» [4; с. 245].

Что-то сгоревшее, давящее, мертвое, чужое было в природе, как оперная декорация – природа сравнивается с оперной декорацией, а не наоборот, хотя именно декорация является неким воплощением и повторением природы, окружающего мира. Таким образом, наблюдается переверот, который произошел в сознании людей. Понимание о его появлении происходит благодаря смешению первичных и вторичных признаков. Искусственно воссозданная в декорациях окружающая среда выходит на первый план, в отличие от самой природы, с которой изначально и писались периакты. Благодаря такому сравнению подчеркивается дополнительная чуждость стихии.

Что-то сгоревшее, давящее, мертвое, чужое было в природе, как кошмарный сон – во втором пласте природа сравнивается с кошмарным сном. Автор проводит параллель между реальностью и бессознательным восприятием этой реальности главными героями. Сравнение предполагает то, что чуждое сознанию человека в окружающем мире передается его подсознанию при помощи кошмарного сна. Негативная коннотация иллюзорного мира подчеркнута согласованным определением («кошмарный»). В итоге получается, что писатель передает отрицательное восприятие мира через искусственность театральной декорации и страхи подсознания.

Порой автор ставит сравнение перед изображаемым объектом. Получается, что в сознании читателя создается определенная ассоциативная картинка, а потом уже выявляется необходимый объект. Таким образом, адресату предоставляется возможность предварительно пофантазировать и сопоставить два сравнительных словосочетания. «Время идет адски медленно, слышится биение сердца, звон в ушах, тело чешется, но чесаться нельзя, и вдруг, как волшебный фонарь, как огненное наводнение, - картины, ассоциации, воспоминания, внутренний голос опять зарокотал, и Олег в мгновение побывал уже на Монпарнасе, в Дании и в астральном мире, но вдруг очнулся...» [4; с. 309].

Внутренний голос зарокотал, как волшебный фонарь – возникновение внутреннего голоса подобно по звуку работе волшебного фонаря. Последний использовался в начале двадцатого века для проекции различных изображений. Видимо его действие сопровождалось в какой-то момент сильным шумом. Об этом можно догадаться из общего контекста предложения, поскольку писатель подчеркивает громкое пробуждение внутреннего голоса героя.

Внутренний голос зарокотал, как огненное наводнение – в данной конструкции Б.Ю.Поплавский приравнивает рокот внутреннего голоса к мощи взрыва вулкана. Огненное наводнение, о котором идет речь, происходит громко и с большим шумом, эти же характеристики приписываются и внезапно возникшему внутреннему голосу Олега. Получается, что в начале предложения перед читателем предстает работа волшебного фонаря и извержение вулкана, а затем объясняется сходство двух явлений. Писатель акцентирует внимание на характере звуковой оболочки голоса главного героя.

Следующая разновидность распространенного сравнения является синтаксически прерываемой. Она так же, как и первая, вводится с помощью союза «как». Благодаря таким конструкциям читатель плавно переносится из одной плоскости в другую. Это

осуществляется за счет первичного умолчания, а затем постепенного раскрытия образа. Сравнительные пласты даны не последовательно, а разорваны сказуемым. «Слишком еще много в тебе горячей, ледяной, люциферической крови, этого холода звезд, который, как железо на морозе, жжет, как огонь» [4; с. 407].

Который (холод звезд) жжет, как железо на морозе – звезды сравниваются с железом, на основании общего признака холодности (это ясно благодаря контексту). Создается некая параллель между объектами бытового мира и астрального (небесного). Все настолько смешалось в сознании главного героя, что периодически грань между реальностью и ирреальностью стирается.

Который (холод звезд) жжет, как огонь – холод и огонь приравняются по силе предполагаемого ущерба, который они могут нанести. Олег рассуждает о высоком уровне внутреннего смятения (много в тебе горячей, ледяной, люциферической крови). Весьма яркая контрастность ощущений говорит о внутренней дисгармонии, которую еще не смог перебороть герой. Стремление к постижению небесного мира постоянно прерывается земным существованием.

В тексте встречаются также одиночные сравнения, которые вводятся с помощью союза «как» и находятся или в пре-, или в постпозиции, либо в интерпозиции относительно грамматической основы предложения. Одиночные сравнения создают перечислительный ряд, который вводит новый пласт сознания героя. «Почему ты меня не возьмешь с собой, не уведешь с собой в свою ледяную безобразовщину?» -- не понимая, что влюбленный и Безобразов -- понятия несоединимые, невозможные, смешные, если бы только не встретил он такого же второго, стального, стремительного, беспощадного, как смерть, человека, на легких ногах, со стеклянными крылышками -- воплощение свободы, полноты, неподкупности и юмора, как сокол, как судьба, терзающего все живое, но полного до краев нерастраченным, чудовищно интенсивным электричеством жизни...» [4; с. 384].

Он не встретил человека, как сокол – сравнение человека и сокола, на первый взгляд, может показаться не новым, поскольку русский фольклор часто в своих произведениях говорит о схожести доброго молодца и птицы, а иногда даже о превращении одного в другого (сказки «Марья Моревна», «Чудесная рубашка»). Такое уподобление, как правило, имело положительную коннотацию: молодец, превращаясь в сокола, совершал героические поступки. Птица, таким образом, становилась олицетворением силы, отваги, доблести. Из контекста данного предложения становится ясным, что два объекта имеют негативную окраску. Человек и сокол объединены по признаку «терзания всего живого», то есть происходит эффект обманутого ожидания. Читатель, воспитанный на русских сказках, видя такое сравнение, сразу положительно воспринимает описываемого персонажа. Однако писатель практически сразу развенчивает эту мысль при помощи лексического значения действительного причастия настоящего времени «терзающий». Негативная окраска, которая воплощена в этом слове, подталкивает адресата к иному восприятию сравнения.

Он не встретил человека, как судьба – сопоставление человека и судьбы является весьма нестандартным и неожиданным, поскольку в сознании людей эти явления обычно сливаются в единое и неразрывное целое. Конкретное и абстрактное существительные в предложении также объединены по признаку «терзания всего живого». В результате получается, что человек воплощает в себе терзающее начало как живой действительности, так и иллюзорного мира.

Одиночные сравнения, вводимые союзом «как», могут находиться в интерпозиции относительно грамматической основы предложения. «Олег еще дрожал, чувствуя во всей руке разлитое наслаждение, еще живое ощущение того, как чужое тело, как вещь, как мешок, как гиря, поддается, валится, уступает, и как часто после драк он с любовью поглаживал разбитую и заслуженную свою кисть» [4; с. 415].

Чужое тело поддается, валится, уступает, как вещь – другое тело настолько инородно и отдалено, что воспринимается героем как неодушевленный, лишенный тепла предмет. Это очень важно в ключе восприятия автором телесного и духовного мира. Ведь первый уходит на задний план, когда герои занимаются обретением мировой гармонии. Нельзя сказать, что для писателя телесная оболочка не играет никакой роли и полностью устраняется. Главные герои отчасти стараются при помощи физического совершенства достичь духовного просветления. В данном случае речь идет о драке из-за приступа ревности. Подробно описываются ощущения Олега после удара соперника, который напоминает ему некий неодушевленный объект.

Чужое тело поддается, валится, уступает, как мешок – ослабевшее тело настолько безвольно и доступно, что находится под контролем героя, подобно мешку в человеческих руках. Своеобразный груз был побежден Олегом благодаря его физической силе. Нужно отметить, что герой стремился к физическому совершенству долгое время, и эта драка стала своеобразным триумфом.

Чужое тело поддается, валится, уступает, как гиря – безжизненное тело по своей тяжести и весу приравнивается к гире. Есть определенная масса, которая сама по себе не может двигаться, и только под воздействием сил Олега соперник начинает производить движения. Таким образом, в глазах читателя чужое тело полностью обездвижено, безжизненно и холодно.

Различные сравнительные конструкции помогли писателю нестандартно изобразить окружающую героев действительность. Автор распределяет их в романе таким образом, что они не загромаждают собой художественную реальность. Созданное многогранное произведение соединяет в себе несколько пространственных пластов, в том числе иллюзорного, ирреального мира. Очевидно, что культурная парадигма эпохи отразилась в новаторском синтаксисе позднего творчества Б.Ю.Поплавского.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика декодирования. Ленинград, 1974. 348 с.
2. Кожевникова Н.А. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35. № 1. С. 55–66.
3. Покровская Е.А. Русский синтаксис в XX веке: лингвокультурологический анализ. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 2000. 436 с.
4. Поплавский Б.Ю. Домой с небес. // Собрание сочинений в 3-х т. Т.2. М., 2000. С.227–430.

References

1. Arnold I.V. The stylistic of decoding. Leningrad. 1974. 348 p.
2. Kozevnikova N.A. From observations on non-classical («ornamental») prose. // Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. A series of literature and language. 1976. Vol.35. №1. P.55-66.
3. Pokrovskaya E.A. Russian syntax of 20th century: linguocultural analysis. Rostov-on-Don. 2000. 436 p.
4. Poplavsky B.U. Coming home from the skies. // Collected works. Vol.2. M. 2000. P. 227-430.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 372.881.161.1

*Российский университет дружбы народов
Профессор кафедры русского языка №1
факультета русского языка и общеобразо-
вательных дисциплин Гадалина И.И.
Россия, г. Москва, тел. +7 (495) 433-01-01;
e-mail: prep@adm.pfu.edu.ru*

*Russian university of peoples' friendship
Department of Russian Language and
General Studies
The chair of Russian language №1
Professor I.I. Gadalina
Moscow, Russia, tel. +7 (495) 433-01-01;
e-mail: prep@adm.pfu.edu.ru*

И.И. Гадалина

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ ПО ГЛАГОЛУ ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ФАКУЛЬТЕТА (ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ И БАЗОВЫЙ УРОВНИ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ)

В статье рассматривается необходимость создания специализированных учебных пособий по изучению русского глагола в период довузовского обучения с помощью мнемотехнических средств.

Ключевые слова: деавтоматизация навыков оформления глагола, частотность глагольных ошибок, глагольная методическая подсистема, абстрактно-графическая наглядность как средство мнемотехники

I.I. Gadalina

PRINCIPLES OF FORMING VERB TUTORIALS FOR INTERNATIONAL STUDENTS' PREPARATORY COURSE (ELEMENTARY AND BASIC LANGUAGE LEVEL)

The article focuses on the necessity of developing specific tutorials to study Russian verb by means of mnemonics within the pre-university period.

Key words: de-automation of verb forming skills, verb error rate, verb methodology subsystem, abstract and graphic visibility as mnemonics means.

«Великий арсенал» учебно-методической литературы, созданный на подготовительном факультете РУДН за время его существования в соответствии с объективно изменяющимися социальными условиями, а также появлением новых методических тенденций, обеспечивал и обеспечивает преподавание русского языка как иностранного.

Можно сказать, что в настоящее время преподаватель и студент «вооружены» необходимыми учебными материалами «на вход» и «на выход» в процессе обучения РКИ: программа, учебные планы – учебник, учебные пособия – контрольные материалы, тесты. Безусловно, это значимо. Однако реальность такова, что учебно-методическая литература имеет склонность «морально устаревать», что по сути является положительным фактором, т.к. влечет за собой её обновление. В связи с этим создаются новые по форме и содержанию учебные пособия, которые, по мнению их авторов, могут быть отнесены к инновационным.

Следовательно, качество, надежность, достаточность учебных материалов – величины не постоянные, а требующие изменения и пополнения. В этом и заключается диалектика создания обучающих материалов. Данная статья посвящена проблеме создания и использования комплекса специализированных учебных пособий и материалов по изучению русского глагола в период довузовского обучения. Это объясняется следующими причинами:

Основная причина – качественная характеристика речи студентов-иностранцев.

На основе лингводидактического анализа ошибок в русской речи, допускаемых студентами-иностранцами в конце II семестра (I сертификационный уровень владения языком), выяснилось, что более всего подвержены деавтоматизации навыки оформления глаголов, а также навыки их употребления в речи.

Экспериментально доказано [1; с. 14-30], что по количеству допущенных студентами ошибок глагол занимает первое место, в то время как в речи он встречается в два раза реже имени существительного. Среди глагольных ошибок наиболее частотны ошибки в управлении и ошибки в употреблении видов.

Отчасти такое глагольное несовершенство высказываний можно объяснить как лингвистическими, так и психолингвистическими причинами. Они следующие.

Лингвистические. Глагол представляет наиболее сложную часть речи, т.к. обладает наибольшим количеством категорий (вид, залог, наклонение, время, род, число). Они имеют для своего выражения разветвленную систему грамматических форм с присущими им грамматическими показателями: окончания, формообразующие суффиксы и префиксы, ударение, чередования звуков, предлоги, вспомогательные слова. Именно это категориальное «богатство» глагола является весьма существенной причиной того, что учащиеся, до конца не осознав и не закрепив его, допускают в письменной и устной речи наибольшее количество ошибок.

Психолингвистические. Оформление предикативной части, в центре которой стоит глагол-сказуемое, являющийся «средоточием» формирующего предложения категорий и, что самое главное, смысловым стержнем высказывания, протекает нелегко и непросто из-за некоторых противоречий психолингвистического порядка.

Первое из них состоит в том, что программа речевого высказывания во внутренней речи носителя любого языка однотипна в следующей последовательности элементов: S-O-P. Согласно существующим экспериментальным исследованиям о последовательности элементов в схеме высказывания по степени вероятной взаимообусловленности, первыми компонентами будущего высказывания являются логический субъект и объект (если он есть в нем) и лишь затем предикат. Несмотря на то, что в данных случаях речь идет о логических категориях, а не о грамматическом подлежащем и дополнении, характер которых определяется значительно позже [2], можно предположить, что это не способствует первостепенности оформления предиката-сказуемого. Как показывают опыт и практика, это ведет к тому, что очень часто при продуцировании предложения студент выделяет субъект и объект высказывания, а глагол в роли предиката или «теряется», или занимает место служебного слова, т.е. оформляется формой инфинитива: «Наш преподаватель вчера наши работы долго проверять и ошибки исправлять».

Второе противоречие заключается в том, что глаголы, по месту их нахождения в коре головного мозга, «причисляются» к структурным словам в противоположность существительным, прилагательным, наречиям, в порождении которых ведущие участие принимает другой участок коры [3; с. 36-47]. Согласно корковой «топологии частей речи», глаголы, имеющие исключительную важность для структурного и грамматического оформления предложения, обычно несут незначительную коммуникативно-информационную нагрузку. Сказав, например, слово «вчера», учащиеся уже не ощу-

щают коммуникативной надобности правильного выбора формы «пошёл», «сказал», «показал» и т.д. – она для них избыточна. Конкретный выбор личных, временных, залоговых и других форм глагола почти никогда не связан с выражением логико-психологического предиката, т.к. для обучающихся неродному языку выбор этих форм слабо мотивирован.

Не желая разделять мнение, согласно которому феномен возникновения ошибок, в частности глагольных, лежит за пределами методики, мы провели анализ учебно-методической литературы с целью выстроить систему методических мер и средств по предотвращению глагольных ошибок.

В результате анализа пришли к выводу, что в процессе формирования лексико-грамматических навыков по глаголу и становлению речевых умений по его употреблению в различных ситуациях общения следует опираться не только на материалы созданных учебников, но и на другие узконаправленные пособия по глаголу. Необходимо создать целостный комплекс учебно-методических средств, которые бы обеспечивали усвоение глагольной методической подсистемы (МП).

В этот комплекс должны входить:

- *таблицы и схемы*, предъявляющие средствами абстрактно-графической наглядности правила образования глагольных категорий и форм, способных выполнять роль опор и ориентиров на различных стадиях формирования морфолого-синтаксических навыков;

- *глагольные словники с переводом на иностранные языки*, содержащие четкую ориентировку на количественную индикацию, обязательную для каждого уровня владения в период довузовского обучения;

- *сборники, содержащие глагольные минимумы*, иллюстрирующие не только категориальные изменения, но и его употребление в грамматикализированном тексте (не в изолированном предложении!);

- *сборники текстовых материалов*, ситуативно-тематически организованных, с набором глаголов, обеспечивающих их «выход» в речь.

С целью создания комплекса учебных материалов по русскому глаголу автором были созданы следующие новые пособия:

- «Настенные таблицы по грамматике русского языка. Глагол» (Выпуск II)[4];
- «Глаголы в речевых ситуациях. Элементарный и базовый уровни» [5];
- «Учебные мнемотехнические таблицы по грамматике. Глагол (форма – значение – структура – наглядность – текст)» (рукопись).

Учебное пособие «Настенные таблицы по грамматике русского языка. Глагол» содержит набор таблиц-схем, выполненных с помощью мнемотехнических средств: абстрактно-графической наглядности, цвета, структурных компонентов, способствующих быстрому пониманию глагольных закономерностей, а также их произвольному и непроизвольному запоминанию.

В набор входят следующие по содержанию таблицы:

- Инфинитив. Спряжение. Функции;
- Функции и формы глагола;
- Модели образования глаголов;
- Значение и временные формы глаголов НСВ;
- Значение и временные формы глаголов СВ;
- Инфинитивные конструкции глаголов НСВ;
- Инфинитивные конструкции глаголов СВ;
- Бесприставочные глаголы движения;

- Конструкции с глаголами движения и глаголом «быть»;
- Образование приставочных глаголов движения;
- Глаголы движения с переносным значением.

Методическое назначение таблиц – быть материализованной опорой в процессе получения знаний о глагольных категориях и формах и ориентиром при формировании морфолого-синтаксических навыков с использованием глагольных единиц.

Учебное пособие «Глаголы в речевых ситуациях. Элементарный и базовый уровни» направлено на реализацию цели: дать в руки студента учебный материал по изучению русского глагола, который содержал бы чёткую количественную индикацию (ориентировку) как для преподавателя, так и для студента в глагольном массиве каждого конкретного этапа; способствовал бы быстрому и адекватному «узнаванию» глагола за счёт перевода на три языка; запоминанию парадигмы глаголов в рамках глагольных категорий вида (НСВ-СВ), времени (настоящего, прошедшего, будущего простого и сложного), а также глагольных форм (инфинитива, императива) и уяснению распространителей глаголов – падежного управления и примыкания за счёт использования абстрактно-графических возможностей мини-таблицы; давал бы возможность понимания правильного употребления НСВ-СВ глагольной единицы в речевой ситуации путём «погружения» в мини-текст.

Последнее требование особенно принципиально, т.к. демонстрация употребления глаголов того или иного вида в отдельном предложении не совсем надёжна, что в дальнейшем ведёт к большому количеству видовременных ошибок. Для предотвращения такого рода ошибок необходимо учитывать, что кроме «малого синтаксиса», анализирующего строение и наполнение отдельного предложения в учебном грамматическом материале, важное место принадлежит «большому синтаксису», отображающему структурно-смысловые параметры связного текста.

Согласно целевым установкам, разработанным автором, а также требованиям Программы и Стандарта по РКИ, учебное пособие «Глагол в речевых ситуациях» (Гадалина И.И., изд-во РУДН, 2009) представляет 283 русских глагола, каждый из которых употребляется в отдельном микротексте.

Пособие состоит из 2-х разделов. В первом разделе представлено 100 глаголов элементарного уровня, во втором разделе – 183 глагола базового уровня. Каждый раздел содержит «краткий список» глаголов и глагольные «информационные блоки».

«Краткие списки» первого и второго разделов соответственно имеют указанное количество глаголов в форме инфинитива несовершенного и совершенного видов с переводом на английский, французский и испанский языки. Порядковый номер в списке соответствует номеру в информационных блоках. Методическое назначение «кратких списков» - *ориентировка в учебном пособии*.

В «информационные блоки» входят сокращённая презентация видовой пары глаголов (НСВ и СВ) и иллюстративные микротексты.

Иллюстративные «глагольные» микротексты позволяют увидеть глагол во всём многообразии форм и значений в связи с употреблением в различных речевых ситуациях. Методическая значимость микротекстов том, что по аналогии с ними студент может «повернуть» речевую ситуацию «на себя», используя различные глагольные формы. Кроме того, в микротекстах сделана попытка использовать юмор. Тексты могут показаться реальными и нереальными, смешными или спорными. Но в этом состоит суть жизненных ситуаций, отражённых в микротекстах. В этом и заключается их методическая значимость.

Приложения пособия содержат два «полных списка» глаголов элементарного, и базового уровней. В отличие от «кратких списков» в них представлено глагольное

управление: вопросы и распространители. Методическая функция «полных списков» глаголов – быть материалом для контроля со стороны преподавателя и опорой для самоконтроля.

Методическое назначение пособия императивно может быть выражено так:

- Запоминай и употребляй глаголы, опираясь на микротексты!
- Учи формы глаголов по блокам НСВ и СВ!
- Занимайся самоконтролем и контролем по «кратким» и «полным» спискам!

Пример глагольной статьи в данном пособии (рис.1).

НСВ	СВ	ВОПРОСЫ и рас- пространители
НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ	БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ	
<u>СПРАШИВАТЬ-I</u>	<u>СПРОСИТЬ-II (С/Ш)</u>	<u>КОГО?</u> ДРУГА УЧИТЕЛЯ
Я СПРАШИВАЮ	Я СПРОШУ	<u>О ЧЁМ?</u>
ТЫ СПРАШИВАЕШЬ	ТЫ СПРОСИШЬ	О ПОГОДЕ
ОНИ СПРАШИВАЮТ	ОНИ СПРОСЯТ	О ДЕЛАХ
СПРАШИВАЛ, - ЛА, - ЛИ	СПРОСИЛ, - ЛА, - ЛИ	<u>О КОМ?</u>
СПРАШИВАЙ – ТЕ!	СПРОСИ – ТЕ!	О БРАТЕ

Рис. 1

Примеры грамматикализованных текстов пособия (рис.2).

1. Обычно на уроке мой друг часто **спрашивает** преподавателя. Он любит **спрашивать** не только его, но и меня, и свою подружку тоже.

Он спрашивает о погоде, о делах, работе, о жизни. Вчера, например, он **спросил**, какая погода будет через 3 дня. Конечно, я не смог ответить на его вопрос. Тогда он попросил меня **спросить** преподавателя о погоде. А я знаю, что преподаватель устал от его вопросов (= отвечать на его вопросы), поэтому не стал **спрашивать** преподавателя.

2. Мой друг очень любит **задавать** вопросы. На занятиях он больше всех и чаще **задаёт** вопросы по теме. Вчера, когда преподаватель объяснял нам новый материал, он тоже **задавал** много вопросов и поэтому мешал нам. Он задал 10 вопросов. Тогда преподаватель дал ему письменное задание. Он начал писать, поэтому замолчал.

Обычно студенты **задают** вопросы преподавателю после лекции. Во время лекции внимательно слушают и пишут конспект лекции.

3. Мой старший брат женился и теперь должен **зарабатывать** деньги не только для себя, но и для всей семьи. Он много работает и хорошо **зарабатывает**.

Младший брат тоже решил **заработать** деньги сам на покупку компьютера, поэтому каждый вечер ходит в клуб и играет там на гитаре. Платят ему неплохо. Думаю, он обязательно **заработает** на компьютер.

Летом я не отдыхал, потому что решил сам **заработать** деньги. Я **заработал** на стройке большую сумму денег. Работал, правда, с утра до вечера.

Рис. 2

Следует отметить, что работа с русскими глаголами проводится в течение всего периода довузовского обучения. На начальном этапе закладываются основы понимания и владения минимумом глагольного массива, его закономерностями образования и употребления. И оттого, насколько прочно сформированы грамматические навыки по образованию и употреблению русских глаголов в речи зависят результаты их использования на последующих этапах. Надежные учебные пособия по глаголу должны дополнять основной учебник, разнообразить процесс обучения, делать интереснее занятия по русскому языку как иностранному.

«Учебные мнемотехнические таблицы по грамматике. Глагол (форма – значение – структура – наглядность – текст)» представляют различные глагольные подсистемы. Метаязыком данных таблиц является абстрактно-графическая наглядность: символы, знаковая индикация в виде различных геометрических фигур, буквы, цифры, с помощью которых легко устанавливаются грамматические значения и категории глагола, а также их формальные показатели.

Апробация данных учебных пособий по глаголу в течение многих лет дает положительные результаты в изучении русского глагола в период довузовского обучения.

Библиографический список

1. Гадалина И.И. К вопросу об изучении ошибок в речи студентов-иностранцев // Экспериментальные исследования в методике преподавания русского как иностранного: Сборник научных статей. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 14-30.

2. Леонтьев А.А. Некоторые психолингвистические аспекты начального этапа процесса овладения языком // Вопросы обучения русскому языку иностранцев на начальном этапе. М.: Русский язык, 1976. С. 23-31.

3. Рогова Г.В., Гурвич П.Б. Некоторые вопросы обучения иноязычному словоупотреблению в свете психофизиологии речи // Иностранные языки в школе. 1969. №5. С. 36-47.

4. Гадалина И.И. Настенные таблицы по грамматике русского языка. Глагол (Выпуск II). М.: Изд. Русский язык. Курсы, 2009. 12 таблиц.

5. Гадалина И.И. Глаголы в речевых ситуациях. Элементарный и базовый уровни. М.: Изд. РУДН, 2008. 218 с.

References

1. Gadalina I.I. To the question of study of mistakes in foreign students' speech // Experimental research in methodic of teaching Russian as a foreign language. M., 1979. P. 14-30.

2. Leontiev A.A. Some psycholinguistic aspects of the initial stage of language study // The questions teaching Russian as a foreign language at the initial stage. M., 1976. P. 23-31.

3. Rogova G.V., Gourvich P.B. Some questions of teaching foreign word usage in the light of speech psychophysiology // Foreign languages at school. 1969. Vol.5. P. 36-47.

4. Gadalina I.I. Wall tables of Russian grammar. Verb (Ed. II). M, 2009. 12 tables.

5. Gadalina I.I. Verbs in speech situations. Elementary and basic levels. M, 2008. 218 p.

УДК 811.161.1. (81'243)

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

Старший преподаватель кафедры русского языка Тимошенко Г. Ю.

Россия, г. Воронеж,; 8-920-415-65-44;

e-mail:g.timoshenckova@yandex.ru

Military training scientific center of air forces «Academy of air forces named by professor N.E. Zhukovskiy and J.A. Gagarin»

The chair of Russian language

Senior teacher Timoshenkova G. J.

Russia, Voronezh;8-920-415-65-44;

e-mail:g.timoshenckova@yandex.ru

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

Кандидат филологических наук,

доцент кафедры русского языка

Садовская Е. Ю.

Россия, г. Воронеж; 8-920-419-58-55;

e-mail:sadovsk@list.ru

Military training scientific center of air forces «Academy of air forces named by professor N.E. Zhukovskiy and J.A. Gagarin»

The chair of Russian language

PhD, associate professor Sadovskaja E. J.

Russia, Voronezh; 8-920-419-58-55;

e-mail:sadovsk@list.ru

Г.Ю. Тимошенко, Е.Ю. Садовская

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОФОНА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

В статье рассматривается проблема формирования лингвокультурологической компетенции иностранного учащегося, изучающего русский язык как иностранный. Подчеркивается, что формирование лингвокультурологической компетенции является одним из обязательных условий комплексного обучения инофона. Ценность такого подхода заключается в преодолении стереотипов, в обеспечении перехода от репродуктивного обучения к продуктивному, деятельностному (проблемному, поисковому, творческому), следовательно, в активизации процесса обучения.

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция, учащийся-инофон, русская языковая картина мира, сопоставление культур, национально-ориентированная лексика.

G.J. Timoshenkova, E.J. Sadovskaja

DEVELOPMENT OF LINGVOKULTURAL INOFONS COMPETENCE ON RUSSIAN LESSONS

In article the development problem the lingvocultural competence of the foreign student Russian as foreign is considered. It is underlined that development the lingvocultural competence is one of indispensable conditions of complex training inofons. Value of such approach consists in overcoming of stereotypes, in maintenance of transition from reproductive training to productive, practical (problem, search, creative), hence, in activation of process of training.

Key words: the lingvocultural competence, the student-inofon, Russian language picture of the world, comparison of cultures, the national-focused lexicon.

В течение последних десятилетий не теряет актуальности такой аспект лингводидактики, как лингвокультурология. Лингвокультурология, что очевидно из названия, является синтетической дисциплиной, основанной на синтезе и взаимодействии языков, отражающих различные культуры.

Современной методикой преподавания РКИ культуро-ориентированный принцип признан не менее эффективным, чем коммуникативно-ориентированный, что соответствует общим гуманитарным тенденциям обучения. Поэтому собственно лингвистический аспект преподавания успешно коррелирует со страноведческим и культурологическим, что отражает разнообразие подходов к взаимосвязи культуры и отражающего ее языка.

Ранее существующая модель обучения «язык – цель, культура – средство» дополняется подходом «культура – цель, язык – средство» [1; с. 182]. Вопрос о доминировании одной из составляющих не представляется актуальным, важна результативность преподавания, основанная на взаимодополнении двух аспектов. Более того, в материалах МАПРЯЛ указывается, что культурологический подход будет определяющим в дидактике РКИ в XXI веке.

Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования, обозначая уровни владения иностранными языками, предусматривают лингвокультурологические и лингвострановедческие знания, в том числе представление об основных этапах истории страны изучаемого языка, памятниках культуры, сохранившихся на ее территории, языковых реалиях, связанных с важнейшими историческими событиями, культурно-историческими и социальными ассоциациями [2].

Культурологическая составляющая является обязательным условием межкультурной коммуникации, для осуществления которой необходимо понимание сходства и различия между культурами родной страны и страны изучаемого языка [3; с.105]. Культурный барьер, возникающий при столкновении (или сопоставлении) родной культуры с «чужими» культурами, может оказаться важнее языкового и вызвать трудности в осмыслении информации и в самом процессе коммуникации. К тому же, культурные ошибки инофона могут влиять не только на результативность, но и на эффективность общения и восприниматься намного негативнее, чем языковые ошибки.

В процессе обучения необходимо предусмотреть, объяснить, предотвратить неадекватные ассоциации, обусловленные культурно-историческими, социально-психологическими особенностями и своеобразием национальной культуры.

Постижение иной культуры является процессом двунаправленным, когда обучаемый овладевает не только русским языком и русской культурой, но и лучше осознает реалии родной культуры. В этом случае формируется осознанно ценностное отношение к культуре как таковой, сопоставительный принцип позволяет преодолевать мыслительные и культурные стереотипы, что помогает достичь взаимопонимания при иноязычном общении.

Следовательно, лингвокультурология помогает решать проблемы межкультурной коммуникации. Культурологическая составляющая способствует общей гуманизации образования и мышления. Поскольку культура в силу своей синкретичности и тенденции к взаимовлиянию не ограничивается национальными рамками, обучаемые имеют возможность существенно расширить представление о мировых культурных тенденциях и традициях. Следовательно, ценностное отношение к культуре формирует не только образовательный, но и воспитательный процесс. «... Ценности определяют главное для человека – его направленность, его развитие» [4; с. 17].

Таким образом, формирование лингвокультурологической компетенции является одним из обязательных условий комплексного обучения инофона. Лингвокультурологическая компетенция определяется как «знание идеальным говорящим/слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке» [5; с.114].

Вначале остановимся на культурной составляющей культурологического аспекта дисциплины «русский язык как иностранный».

Определяющей категорией культуры является ценность какого-либо понятия или явления. Ведущую роль категории ценности в формировании и развитии лингвокульту-

рологической компетенции отмечают многие методисты, среди них: Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., Воробьев В.В., Митрофанова О.Д., Лысакова И.П. и другие. «Культура – это ценности и определяют все именно они, а не «знания и умения», - констатирует Е.И.Пассов [6; с. 9].

Осознанию инофонами ценностных основ русской культуры способствуют учебные тексты на русском языке, подобранные и адаптированные с учетом определенных лексических, грамматических, стилистических средств. Тексты не только транслируют культурные ценности, являются источниками культурологической информации, но и являются материалом для усвоения и закрепления языковых знаний. Текстовый материал помогает понять особенности русского самосознания и мышления, сформировать отношение к «чужим» реалиям, традициям и обычаям, дает представление о важных явлениях русской действительности, вырабатывает отношение к истории культуры как к способу понимания современности, рассматривает сложные проблемы современности с опорой на историю и культуру.

При отборе и адаптации текстов культурологической направленности рекомендуется ориентироваться на антропоцентрический принцип, что позволяет использовать культурологическую информацию с точки зрения гуманистических ценностей, нравственно-этических критериев. Так, дидактические материалы помогают сопоставлять культурные ценности разных народов и национальностей и выявлять общечеловеческие ценности в культурах, а также осознавать национально-специфические черты.

Учебные тексты должны соответствовать двум критериям: в них должны быть отражены значимые для русской культуры явления и события, они должны быть актуальны для современного читателя, отражая исторические, социальные и культурные параллели. Последнее требование подтверждается практикой и объясняется стимулированием познавательной деятельности, основанной на пробуждении интереса, сопоставлении и анализе культурных ценностей, а также современностью подхода к изучаемым явлениям. Таким образом, помимо мотивированного изучения иностранного языка, обучаемые расширяют фоновые знания комплекса гуманитарных дисциплин, осмысливают целый ряд эстетических, этических и других проблем.

Итак, в процессе обучения лингвокультурологическому аспекту происходит аккумуляция, когда инофон усваивает основные факты, нормы и ценности осваиваемой культуры.

Выше дана была общая характеристика специфики лингвокультурологических текстов. Есть необходимость оговорить содержание материала, принципы отбора культурем в качестве дидактических.

При составлении текстов отбирались единицы культурной информации по принципам национальной специфичности, а также типичности, соотносимости с понятием семиотической памяти культуры [7; с. 4].

В материалах, подобранных для изучающих русский язык, довольно трудно отразить всю историю развития культуры России или отдельных видов искусства. Поэтому целесообразно дать представление о наиболее значимых явлениях русской действительности на разных этапах её истории, о ментальности русских людей. В качестве учебных материалов можно использовать различные тексты: публицистические, художественные, научно-популярные.

В соответствии с методикой преподавания РКИ изучение каждого текста необходимо предварять предтекстовыми заданиями (направленными на снятие не только языковых, но и фоновых трудностей), притекстовыми (делающими чтение текста целенаправленным) и послетекстовыми (направленными на глубокое, целевое осмысление текста, на развитие коммуникативных навыков). Следовательно, комплекс заданий должен сконцентрировать внимание обучаемых на понимании и осмыслении единиц текста, на овладении содержанием, на вычленении основной информации текста, а

также способствовать освоению культурологического фонда русского языка и контролировать правильность понимания получаемой информации. С точки зрения лингвистики задания обеспечивают обучаемых языковыми средствами, необходимыми для обсуждения проблем, затрагиваемых в тексте.

По наиболее важным и неоднозначным темам представляется целесообразным давать информацию с сопоставлением разных точек зрения, что позволяет выработать собственный взгляд на культурно значимые российские события, а также тренировать навыки и умения в области устной речи: умение аргументировано изложить свою точку зрения, выразить согласие или несогласие с мнением оппонента, использовать в своем выступлении пример, цитату из текста. Важно отрабатывать перечисленные навыки с использованием синонимичных конструкций.

Формирование лингвокультурологической компетенции происходит при помощи различных национально-культурных единиц, которые в силу своей специфики и уникальности вызывают особую трудность у инофонов.

Чтобы в языковом сознании обучаемого сформировалось когнитивно-культурное пространство, необходимое для диалога культур, проводится работа с лингвокультуремами, которые определяются В.В. Воробьевым как «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания и включают в себя языковое значение и культурный смысл» [8; с. 44].

В качестве учебно-речевых единиц, представляющих собой лингвокультуремы, можно назвать следующие: безэквивалентная лексика, фоновая лексика, цитаты, крылатые выражения, национально зафиксированные символы, лингвокультурные концепты.

Лингвокультурные концепты – категории, позволяющие охарактеризовать национальные особенности. Концепт, как указывает Ю.С. Степанов, существует в сознании человека не в виде четких понятий, а представляет собой совокупность представлений, знаний, ассоциаций, переживаний [9; с. 13]. По словам В.З. Демьянкова, «преподавая иностранные языки, ... мы исходим из того, что «в тех» языках примерно те же концепты, но часто понятия о них – иные» [10; с. 621]. Все концепты, изучаемые инофонами, должны создавать у обучаемых целостное представление о русской культуре, российской ментальности, чертах национального характера.

Повторимся, что специфика национально-культурных единиц заключается в их амбивалентной принадлежности к культурному фонду и языковой системе, поэтому они требуют особого внимания преподавателя РКИ. Национально-культурным единицам необходима тщательная семантизация с помощью всех известных способов: этимологического комментария, толкования лексемы, анализа контекста, культурологического комментария, способов употребления слов, словообразовательного гнезда, сочетаемости. Важным как основным, так и вспомогательным средством семантизации и активизации национально-культурных языковых единиц является наглядность, или иллюстрация. Сочетание лексического значения со зрительным образом эффективно помогает формировать лингвокультурологическую компетенцию.

Еще раз подчеркнем, что активизации национально-ориентированных единиц способствуют задания по сопоставлению культур с использованием различных языковых средств. Обучаемые, сопоставляя различные лингвокультуремы и употребляя национально-ориентированную лексику, выявляют сходные и отличительные черты культур-коммуникантов.

Образовательная ценность подобного подхода заключается в мотивации более глубокого изучения родной и «чужой» культур, в преодолении стереотипов, в обеспечении перехода от репродуктивного обучения к продуктивному, деятельностному (проблемному, поисковому, творческому), следовательно, в активизации процесса обучения.

Библиографический список

1. Митрофанова О.Д. Традиционное и новое в методике преподавания русского языка как иностранного // Язык и культура в филологическом вузе. Актуальные проблемы изучения и преподавания. М.: Русский язык, 2006. С. 179-186.
2. Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (ГОС ВПО). М., 2005. 285 с.
3. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. М., 2003. 146 с.
4. Пассов Е.И., Кибирева Л.В., Колларова Э. Концепция коммуникативного иноязычного образования. М.: Златоуст, 2007. 200 с.
5. Воробьев В.В. О статусе лингвокультурологии // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Доклады и сообщения российских ученых. Братислава, 1999. С. 113-119.
6. Пассов Е.И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. М.: Академический Проект, 2000. 187 с.
7. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История. М.: Наука, 1996. 586 с.
8. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Русский язык, 1997. 318 с.
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Изд-во МГУ, 1997. 426 с.
10. Демьянков В.З. Термин "концепт" как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 614-623.

References

1. Mitrofanova O.D. The traditional and the new in methodic of teaching Russian as a foreign language // Language and culture at philological university. Urgent problems of study and teaching. M., 2006. P. 179-186.
2. State educational standards of higher education. M., 2005. 285 p.
3. European competences of foreign language knowledge: study, teaching, estimation. M., 2003. 146 p.
4. Passov E.I., Kibireva L.V., Kollarova E. Conception of communicative teaching of foreign languages. M., 2007. 200 p.
5. Vorobyov V.V. On the status of linguistic and cultural studies // Materials of the 9th Congress of MAPRYAL. Bratislava, 1999. P. 113-119.
6. Passov E.I. Program and conception of communicative teaching of foreign languages. Conception of individuality development in cultural dialogue. M., 2000. 187 p.
7. Lotman J.M. Inside thinking worlds. Person – Text – Semiosphere – History. M., 1996. 586 p.
8. Vorobyov V.V. Linguistic and cultural studies (theory and methods). M., 1997. 318 p.
9. Stepanov J.S. Constants: Dictionary of Russian culture. Research experience. M., 1997. 426 p.
10. Demyankov V.Z. The term "concept" as the element of term culture // Language as the matter of science. M., 2007. P. 614-623.

УДК 378+159.923+37

Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами
Кандидат педагогических наук, доцент
кафедры методики преподавания русского языка и литературы Уразова М.Б.
Узбекистан, Ташкент,
тел. +9(9890)976-94-18;
e-mail: marina-20053@yandex.ru

Tashkent state university of teaching named after Nizami
The chair of methods of teaching Russian language and literature
PhD, associate professor Urazova M.B.
Uzbekistan, Tashkent,
tel. +9(9890)976-94-18;
e-mail: marina-20053@yandex.ru

М.Б. Уразова

ОБУЧЕНИЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ПРИМЕНЕНИЮ ИНТЕЛЛЕКТ-КАРТЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ

В статье описан опыт внедрения метода интеллектуальных карт в методику преподавания русского языка и литературы, способствующий развитию предметной компетенции будущих учителей русского языка и литературы, формирующий у них умения анализировать, классифицировать, систематизировать, структурировать, обобщать информацию, успешно обучать будущих учеников русскому языку и литературе. В результате использования интеллектуальных карт можно увидеть, насколько полно студент усвоил информацию, как структурировал и связал элементы между собой.

Ключевые слова: интеллектуальные карты, методика преподавания русского языка и литературы, будущий учитель, мышление

M.B. Urazova

LEARNING THE FUTURE TEACHERS TO USE INTELLECT-CARDS ON OCCUPATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE

In article is described experience of the introducing the method intellect-cards in methods of the teaching the Russian language and literature, abetting development to subject competency of the future teachers of the Russian language and literature, forming beside them skills to analyses, classify, systematize, структурировать, generalize information, successfully train future pupil on Russian language and literature. As a result of use intellect-cards possible to see, insofar packed student has adopted information, as структурировал and has ad elements between it.

Key words: intellect-cards, methods of the teaching the Russian language and literature, future teacher, thinking

Стратегия модернизации образования в Республике Узбекистан предъявляет новые требования, определяющие главную цель высших образовательных учреждений – формирование творческой и активной личности. Сегодня студент должен уметь самостоятельно приобретать знания; применять их на практике для решения разнообразных проблем; работать с различной информацией, анализировать, обобщать; самостоятельно критически мыслить, искать рациональные пути в решении проблем.

Задача преподавателя – вовлечь студентов в активную творческую деятельность, где участники процесса обучения взаимодействуют друг с другом, строят диалоги и самостоятельно получают знания. В формировании выше сказанных умений помогает метод интеллект-карт (ИК).

Интеллект-карты – это графически выражают процесс мышления и поэтому являются наиболее естественным способом мышления человеческого мозга. Это мощный визуальный метод, предоставляющий универсальный ключ к раскрытию потенциала, имеющегося в мозгу каждого. Интеллект-карты помогают нам понять разницу между способностью к хранению определенного объема информации, которая может быть запечатлена в памяти и эффективностью хранения информации, для чего этот метод и предназначен [4; с.31].

Эффективное хранение информации означает её усвоение и понимание. И чем больше информации усваивается, тем сильнее становятся память, мышление и интеллект. Карты Ума представляют собой шаг вперед на пути от одномерного линейного логического мышления сквозь латеральное (двухмерное) мышление к многомерному, неограниченному мышлению [1; с.16].

Карты Ума – это удобная техника для представления процессов мышления или структурирования информации в визуальной форме. Цели создания карт могут быть самые различные: запоминание сложного материала, передача информации, прояснение для себя какого-то вопроса. Карты Ума можно использовать в большом количестве разнообразных ситуаций: в профессиональной деятельности, в обучении, для индивидуального планирования [1; с.16].

Интеллект-карты мы начали применять в своей педагогической деятельности после освоения специального программного обеспечения Mind Genius, Concept Draw MIND MAP [4; 5]. Тщательное изучение перечисленных программ позволило нам сформулировать собственное определение карт разума - это промежуточная стадия между размышлениями и переносом мыслей на бумагу. Наведение моста между мышлением и письменным изложением представляет собой решающий фактор успеха в учебной работе.

Интеллект-карта реализуется нами на занятиях по определенным правилам, разработанным Тони Бьюзеном, которые подробно описаны в его книге «Супермышление»:

1. Основная идея, проблема или слово располагается в центре.
2. Для изображения центральной идеи можно использовать рисунки, картинки.
3. Каждая главная ветвь имеет свой цвет.
4. Для создания карт используются только цветные карандаши, маркеры.
5. Главные ветви соединяются с центральной идеей, а ветви второго, третьего и т.д. порядка соединяются с главными ветвями.
6. Ветви должны быть изогнутыми, а не прямыми (как ветви дерева).
7. Над каждой линией–ветвью пишется только одно ключевое слово.
8. Для лучшего запоминания и усвоения желательно использовать рисунки-ассоциации [2; с.11].

Интеллект-карты успешно практикуются нами при ведении лекционных и семинарских занятий по «Методике преподавания русского языка и литературы», «Современным педагогическим технологиям в преподавании русского языка и литературы» при пояснении научных терминов: введении новых терминов и их закрепление. Использование картинок и образов облегчает понимание и запоминание значения сложных научных терминов, так как студенты, представляя каждый термин в виде картинки, используют сложный букет навыков, характерных как для левого, так и для правого полушария мозга: слова – это функция левого полушария, а образы и фантазия – правого. Именно на этом и основывается чудодейственная сила умственных карт. Таким об-

разом, в создании мыслительных карт задействованы воображение, творческое и критическое мышление и все виды памяти: зрительная, слуховая, механическая, что и позволяет запоминать новые термины.

При изучении и закреплении новых терминов во время лекционного занятия нами применяются следующие способы работы с картами:

- Составление мыслительных карт педагога совместно со студентами на занятии.
- Составление мыслительных карт студентами на занятии индивидуально, в группе.
- Составление мыслительных карт студентами дома индивидуально, в группе.
- Для контроля знания новых терминов эффективно составление мыслительных карт студентами индивидуально на занятии и дома [3; с.211].

Порядок и особенности создания мыслительных карт покажем на примере темы «Понятие о педагогических технологиях».

1. В центре располагаем основную тему, то есть пишем термин «технология» (можно нарисовать любую технику в виде компьютера или другой образ, ассоциирующийся с техникой).

2. Далее рисуются толстые ветви (оптимальным является 5,6, но не меньше 3), каждая своим цветом. Над каждой ветвью пишется название техники, например, «компьютер», «телефон», «машина» и т.д. Можно добавить к каждому слову картинку или рисунок, обозначающий данное слово.

3. Затем работаем по очереди с каждой ветвью. От главной ветви рисуем несколько ответвлений, в зависимости от возникающих образов и ассоциаций. Например, слово «компьютер» ассоциируется у нас с серым цветом, следующая ветвь – мысли о компьютере – непрерывный процесс между элементами, входящими в данный компьютер. Далее от этой ветви второго порядка рисуем ветвь третьего порядка, например, приведённая выше мысль, может ассоциироваться с взаимодействием компьютера с человеком и т.д. Эти слова также желательно изображать в виде рисунков для лучшего запоминания слов, особенно при введении нового термина.

4. Когда работа с одной ветвью закончена, переходим к следующей; и так с каждой по очереди. Если во время работы с какой-либо ветвью возникают идеи по поводу другой, то их нужно записывать.

5. Поскольку время урока ограничено, мы рекомендуем ограничиться ветвями 3 или 4 порядка. Однако специфической особенностью мыслительных карт является, то, что никогда нельзя сказать, что карта завершена полностью, их необходимо постоянно дополнять и расширять по мере возникновения новых идей, расширения лексического запаса студентов. Однако возможно ограничиться существующей картой, особенно при контроле термина.

6. При совместной работе над созданием карты педагога и студентов, мы рекомендуем педагогу давать студентам возможность высказывать их собственное мнение, самостоятельно вспоминать слова, давать ассоциации, придумывать картинки, только слегка, направляя их, выступая лишь в роли «художника». При введении нового термина необходимо также соблюдать это правило, давая возможность студентам высказываться, развивать их самостоятельное суждение о данном термине. Опыт использования интеллект-карт позволяет нам сделать вывод о том, что если педагог сам рисует мыслительную карту на доске или показывает уже готовую, а студенты только перерисовывают её к себе на листы, составление карты является бессмысленным! Тем не менее, мы рекомендуем педагогу составить свою мыслительную карту заранее, чтобы не упустить термины, входящие в программу, и знать, в каком направлении работать. Однако мыслительная карта, созданная вместе со студентами, может отличаться от нарисованной педагогом самостоятельно, поскольку у каждого человека могут возникать свои ассоциации, связанные с тем или иным словом.

Составляя интеллект-карты, т.е. рисуя мысли, студенты демонстрируют индивидуальный способ восприятия, обработки и представления информации. Деятельность

становится наблюдаемой, более того, наблюдаемыми становятся и умения, формирующиеся у студентов в процессе деятельности.

При составлении мыслительных карт на занятии совместно со студентами педагог может рисовать карты на доске цветным мелом, а студенты – на листах формата А4 или на ватмане.

Оценивание мыслительных карт происходит с учётом соблюдения правил составления мыслительных карт, предложенных Тони Бьюзенем:

- правильность написания научных терминов и выражений;
- соответствие используемых слов, рисунков заданной теме, проблеме;
- наличие оригинальных идей, оформительских решений;
- проявление творческой деятельности студентов, их индивидуальности [3; с.211].

Эффективны интеллект-карты и при изучении жизни и деятельности писателей, которые могут включать в себя их основные произведения, ассоциации к ним, строки из стихотворений, крылатые выражения, биографию писателей и т.д. На занятиях по методике преподавания русского языка и литературы мы обучаем будущих учителей применять метод интеллект-карт при изучении творчества писателей. Приведем пример использования данного метода при изучении рассказа И.С.Тургенева «Муму». На лабораторных занятиях по методике преподавания литературы вместе со студентами составляем интеллект-карту «Герасим», выделяем ключевые ветви: отношение к людям, отношение к работе, каморка. Рассматриваем жильё героя. Выразительно читаем описание каморки, называем предметы, окружающие Герасима (они являются следующим ответвлением ветви «каморка»). Затем, работая в парах, студенты продолжают дополнять карту, описывая предметы жилья более подробно. После составления ветви «каморка» студентам не составляет труда сделать соответствующие выводы о Герасиме и составить устное описание каморки героя. Дома студенты завершают работу с интеллект-картой. Так студенты незаметно для себя обучаются анализировать, классифицировать, систематизировать, структурировать, обобщать информацию.

Таким образом, внедрение метода интеллект-карт в методику преподавания русского языка и литературы способствует развитию предметной компетенции будущих учителей, повышению мотивации, активизации деятельности, развитию интеллекта, пространственного мышления, познавательной активности, творческому мышлению, самостоятельному выявлению слабых мест в знании учебного предмета. Интеллект-карта позволяет увидеть, насколько полно студент усвоил информацию, как структурировал и связал элементы между собой.

Библиографический список

1. Архангельский Г. Тайм-драйв: Как успевать жить и работать. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2005.
2. Бьюзен Т. и Б., Супермышление. Минск: Попурри, 2003. – 211с.
3. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2007. -341с.
4. Общие ресурсы по программе Explain: сайт Олега Набатова. — 2009 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 05.10.2011. — URL: <http://www.mindmap.ru/download/setupxpl.exe> (дата обращения: 05.10.2008).
5. Общие ресурсы по программе ConceptDraw MindMap: сайт Малыгина Андрея.-2007 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 05.03.2009. — URL <http://www.mindmap.ru/soft/concept.htm>(дата обращения: : 05.03.2009

References

1. Archangelsk Period-драйв: What have time to to live and work. M.: Mannas, Ivanov and Ferber, 2005.
2. Biyuzen T. and B., Supermyshlenie. Minsk: Pot-pourri, 2003. - 211с.
3. Luriya A.R. The Lectures on the general psychology. SPB.: Peter, 2007. -341с.

4. Facility on program Explain: site Olega Nabatova. - 2009 [Electronic resource]. The Date of the renovation: 05.10.2011. - URL: <http://www.mindmap.ru/download/setupexpl.exe> (the date of the address: 05.10.2008).

5. Facility on program ConceptDraw MindMap: site Malygina Andreyana. - 2007 [Electronic resource]. Date of the renovation: 05.03.2009. - URL <http://www.mindmap.ru/soft/concept.htm> (date of the address: : 05.03.2009)

УДК 808.2(1-87):371.32

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Ревякина Т.Л.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 271-50-48;*

*Voronezh state university of architecture and civil engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication,
PhD, associate professor Revyakina T. L.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48;*

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
Кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры русского языка
Щур В.В.
Россия, г. Воронеж, тел. 8-910-586-27-91;*

*Military training scientific center of air forces «Academy of air forces named after professor N.E. Zhukovskiy and J.A. Gagarin»
The chair of Russian language and cross-cultural communication,
PhD, senior lecturer Shchur V. V.
Russia, Voronezh, tel. 8-910-586-27-91;*

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
Преподаватель кафедры русского языка
Федотова Н.В.
Россия, г. Воронеж, тел. 8-910-770-27-48;*

*Military training scientific center of air forces «Academy of air forces named after professor N.E. Zhukovskiy and J.A. Gagarin»
The chair of Russian language and cross-cultural communication,
Lecturer Fedotova N.V.
Russia, Voronezh, tel. 8-910-770-27-48;*

Т.Л. Ревякина, В.В. Щур, Н.В. Федотова

ЧТЕНИЕ КАК АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

В статье рассматриваются основные особенности обучения чтению как виду речевой деятельности на занятиях по РКИ. Указывается, что чтение – важное средство усвоения иностранного языка, а также источник знаний о стране изучаемого языка. Дается понятие о видах чтения. Предлагаются рекомендации по выработке навыков и умений, необходимых для достижения максимально полного восприятия и понимания написанного текста в зависимости от уровня владения языком.

Ключевые слова: чтение, речевая деятельность, информация, внимание, лексика, грамматика, содержание текста, устная речь, письменная речь, техника чтения.

T.L. Revyakina, V.V. Shchur, N.V. Fedotova

READING AS AN ASPECT OF TRAINING AT THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article sites the main peculiarities of teaching reading as a type of speech activity at the lessons of Russian as a foreign language. It is pointed that reading is an important means of understanding of a foreign language and the source of knowledge about the country where this language is spoken. The types of reading are described. Some methods of training of the skills necessary for the ultimate perception and understanding of written texts on a certain level are recommended.

Key words: reading, speech activity, information, attention, lexics, grammar, text content, oral speech, written speech, technique of reading.

Чтение является одним из четырёх видов речевой деятельности, необходимых при изучении иностранного языка. Это рецептивный вид речевой деятельности, направленный на восприятие и понимание написанного текста.

Обучение чтению как виду речевой деятельности является одной из главных проблем методики преподавания русского языка как иностранного. Этим и обусловлена актуальность данной темы.

Цель статьи – рассмотреть чтение как вид речевой деятельности и аспект обучения.

Чтение текстов на любом иностранном языке – это не только источник знаний о стране изучаемого языка, но и средство обучения языку. Чтение присутствует уже на первых занятиях и постоянно сопровождает процесс изучения языка.

В современной методике различают несколько видов чтения:

- по форме: чтение вслух, чтение про себя;
- по психологической установке: аналитическое чтение, синтетическое чтение;
- по степени участия родного языка в понимании текста: беспереводное чтение, переводное чтение;
- по степени помощи обучаемому: подготовленное чтение, чтение со словарем; неподготовленное чтение, чтение без словаря;
- по форме организации учебной работы: индивидуальное, классное; фронтальное, домашнее;
- по целевой направленности и характеру протекания процесса чтения: просмотровое, поисковое, изучающее, ознакомительное;
- по социолингвистической направленности: лингвострановедческое чтение [1; с 34-36].

Чтение вслух активно используется на первых этапах обучения. Оно позволяет овладеть соответствием графической и звуковой системы языка, правилами интонационного оформления предложений. При тренировке в громком чтении особое внимание следует уделять артикулированию предложений, а также ритмико-мелодическому оформлению читаемого текста, так как ошибки в звуках меньше влияют на понимание, чем неправильное интонирование и сохранение пауз.

Чтение вслух формирует внутреннее проговаривание текста, что особенно важно для развития беглости чтения. На начальном этапе обучения чтение вслух следует чередовать с чтением про себя. Обучение чтению про себя возможно, когда обучаемые овладели и некоторыми языковыми навыками, у них сформированы первичные навыки чтения, поэтому чтение про себя чаще всего присутствует на среднем и продвинутом этапах обучения.

© Ревякина Т.Л., Щур В.В., Федотова Н.В., 2013

Аналитическое чтение является учебным видом чтения, при котором внимание направлено на детальное восприятие текста с анализом языковой формы. Синтетическое чтение строится на базе прочного владения лексическим и грамматическим материалом, умением распознавать значение неизвестных слов по контексту или каким-либо формальным признакам, по семантике словообразовательных элементов, по функции слов в предложении.

Беспереводное чтение характеризуется преобладанием непосредственного восприятия текста и его понимания. Задача преподавателя сделать всё возможное, чтобы противостоять стремлению обучаемых переводить каждое слово в тексте и научить его понимать текст, как можно реже обращаясь к переводу. Переводное чтение основано на использовании родного языка обучаемого или языка-посредника [2; с. 57-59].

Подготовленное чтение предполагает снятие языковых трудностей при помощи специальных упражнений. Неподготовленное чтение проводится на облегчённых в языковом отношении текстах.

Классное и домашнее чтение различают по месту его проведения. Домашнее чтение позволяет преподавателю экономить время на занятии, проводя в аудитории лишь контроль понимания прочитанного.

В зависимости от коммуникативных задач, которые ставят преподаватель и обучаемый, различают просмотровое, поисковое, ознакомительное и изучающее чтение.

При просмотрном чтении решается задача получить самое общее представление о теме и круге вопросов, которые рассматриваются в тексте, или найти какую-либо информацию. Для этого иногда достаточно просмотреть заголовки, отдельные абзацы или предложения. Для просмотрного чтения часто предлагаются следующие типы упражнений: определите, о чём говорится в тексте; определите тематику статей в журнале; найдите в газете статью о ...; найдите в тексте цитату о ...; найдите в тексте факты, подтверждающие (опровергающие)...

Поисковое чтение ставит задачу найти конкретную информацию (факты, цифровые данные, правило и т.п.), о существовании которой стало известно из другого источника. Характер поискового чтения во многом совпадает с просмотрным чтением.

В практической работе по обучению языку преподаватели используют все виды чтения, однако наибольшей подготовки требуют ознакомительное и изучающее чтение.

При ознакомительном чтении предметом внимания читающего становится всё произведение (книга, статья). Задача ознакомительного чтения – охватить целое, понять текст без предварительного анализа лексики, грамматических форм. Такое понимание должно происходить на базе уже изученного. Для осуществления целей обучающего чтения бывает достаточным понимание 70% текста. Ознакомительное чтение должно развивать догадку (доказано, что текст на иностранном языке можно понять, если в нем есть до 30% новых слов, а 10% новых слов вообще не влияют на понимание содержания текста). Для ознакомительного чтения обычно предлагаются следующие задания: найдите в тексте основные мысли, подтверждающие заголовков; определите количество смысловых частей текста; составьте план этого текста (назывной, вопросный, тезисный); перескажите содержание текста по плану.

Изучающее чтение является одним из главных видов чтения, используемых при изучении русского языка как иностранного. Его целью является максимально полное восприятие и понимание читаемого текста. Чтение происходит в более медленном темпе, сопровождается перечитыванием отдельных фрагментов текста.

Этот вид чтения предполагает серьезную предварительную работу над текстом, а также целую систему упражнений и заданий, связанных с различными уровнями понимания текста после его прочтения, с выходом в устную и письменную речь.

Речевые упражнения для изучающего чтения делятся на предтекстовые, притекстовые, послетекстовые.

Предтекстовые – это упражнения, направленные на прогнозирование, построение предложений, умение закончить предложение и т.д.

Притекстовые определяют коммуникативную установку, цель чтения. Задания могут быть сформулированы следующим образом: «Определите основную мысль текста», «Ответьте на поставленные вопросы», «Найдите фразы, подтверждающие заголовок».

Послетекстовые упражнения направлены на проверку понимания прочитанного. Выделяются четыре уровня понимания: первый – общее, поверхностное восприятие – ответы на вопросы типа «да / нет». Второй уровень – понимание смысловых связей текста. Здесь могут быть предложены вопросы, требующие развернутого ответа («согласитесь или опровергните мнение», «составьте вопросы»). Третий уровень – понимание того, как изложены в тексте основные мысли (найти описания человека, обстановки, выписать существительные, прилагательные и т.д.). Четвертый уровень – понимание основного смысла текста, главной его мысли. Необходимо определить количество смысловых частей, дать им название, в каждой из них выделить главную мысль, объяснить выбор автором названия, предложить свои варианты названий [3; с. 87-95].

Лингвострановедческое чтение включается методистами в группу изучающего чтения, так как его задачей является изучение текста, извлечение из этого текста лингвострановедческой информации и ознакомление с элементами культуры через факты, лексические единицы или невербальные средства общения.

Умение читать складывается из техники чтения (правильного озвучивания, произношения слов, словосочетаний, предложений) и понимания прочитанного.

На начальном этапе внимание обучаемых нередко сосредоточено на технике чтения (они стараются произнести слово с правильной постановкой ударения, а фразу – с правильной интонацией). В результате связи между словами, значения отдельных слов и предложений не устанавливаются. Читая, обучаемые часто не понимают содержания, стараются сначала прочитать вслух, затем еще раз быстро про себя, чтобы понять содержание, и процесс чтения превращается в процесс озвучивания текста.

Поэтому задачей преподавателя на начальном этапе должно быть нацеливание внимания обучаемых на смысл читаемого (для этого рекомендуется не исправлять ошибки во время чтения, чтобы читающий постоянно не прерывался).

Технические навыки и умения формируются при чтении вслух и при внутреннем проговаривании.

Начинать обучение технике чтения надо уже во время вводно-фонетического курса параллельно с овладением графическими навыками.

Для формирования техники чтения можно использовать следующие упражнения: озвучивание слогов, слов, предложений вслед за преподавателем, за диктором или самостоятельно; чтение вслух предложений различных интонационных конструкций; чтение предложений с постепенно увеличивающимся количеством язы-

ковых единиц, так называемый «снежный ком» (*Мы читаем...; Мы читаем текст...; Мы читаем интересный текст...; Мы читаем интересный текст о животных... и т.д.*); чтение и повторение, не глядя в текст, увеличивающегося количества предложений, так называемое «наизывание бус» (*Мы читаем текст. Мы читаем текст. А Майкл не читает текст. Мы читаем текст. А Майкл не читает текст. Он смотрит в окно*); чтение текста вслух или про себя с ограничением во времени; выразительное чтение, заучивание наизусть стихотворений и прозаических отрывков.

При формировании коммуникативной компетенции чтения необходимо руководствоваться требованиями, сформулированными в Государственных образовательных стандартах, и учитывать уровни владения языком.

На элементарном уровне иностранные обучающиеся должны уметь читать текст с установкой на общий охват его содержания; определять тему текста; понимать достаточно полно и точно основную информацию текста, а также некоторые детали, несущие важную смысловую нагрузку.

Вид чтения: чтение с общим охватом содержания, изучающее чтение.

Тип текста: специально составленные или адаптированные сюжетные тексты (на основе лексико-грамматического материала, соответствующего элементарному уровню).

Тематика текста актуальна для бытовой, социально-культурной и учебной сфер общения.

Объём текста: 250-300 слов.

Количество незнакомых слов: 1-2%.

На базовом уровне иностранные обучающиеся должны уметь читать текст с установкой на общий охват его содержания; изменять стратегию чтения в зависимости от установки; определять тему текста, понимать его основную идею; понимать как основную, так и дополнительную информацию, содержащуюся в тексте, с достаточной полнотой, точностью и глубиной.

Вид чтения: изучающее чтение, чтение с общим охватом содержания.

Тип текста: сообщение, повествование, описание, а также тексты смешанного типа. Специально составленные или адаптированные сюжетные тексты, построенные на основе лексико-грамматического материала, соответствующего базовому уровню.

Тематика текста актуальна для сферы повседневного общения, социально-культурной и учебной сфер.

Объём текста: 600-700 слов.

Количество незнакомых слов: 3-4%.

На первом сертификационном уровне иностранные обучающиеся должны уметь: использовать различные стратегии чтения в зависимости от коммуникативной установки; определять тему текста, понимать его основную идею; понимать как основную, так и дополнительную информацию, содержащуюся в тексте, с достаточной полнотой, точностью и глубиной; интерпретировать информацию, изложенную в тексте, выводы и оценки автора.

Вид чтения: чтение с общим охватом содержания, изучающее чтение.

Тип текста: сообщение, повествование, описание, а также тексты смешанного типа с элементами рассуждения. Тексты аутентичные (допустима минимальная степень адаптации) с учётом лексико-грамматического материала данного уровня.

Тематика текста актуальна для социально-культурной сферы общения.

Объём текста: 800-1000 слов.

Количество незнакомых слов: до 5-7%.

Скорость чтения: при изучающем чтении – 40-50 слов в минуту; при чтении с общим охватом содержания – 80-100 слов в минуту.

На втором сертификационном уровне иностранные обучаемые должны уметь: читать и понимать разнообразные типы текстов; применять в зависимости от коммуникативной установки и характера текста разные стратегии и тактики чтения, используя различные виды чтения: изучающее, ознакомительное, просмотровое; полно и точно понимать содержащуюся в тексте информацию (при изучающем чтении); понимать общее содержание текста (при ознакомительном чтении); находить в текстах содержательные блоки, ориентироваться в их семантической, структурной устроенности и коммуникативной направленности; вычленять в содержательных блоках главную, дополнительную (детализирующую, конкретизирующую, иллюстрирующую) и избыточную информацию (при изучающем виде чтения для последующей передачи информации в устном и письменном виде с разной степенью точности и полноты); вести целевой поиск информации (при поисковом чтении); соотносить информацию двух и более текстов, вычленять информацию, необходимую для дальнейшего её использования, выделять новое; адекватно интерпретировать коммуникативные намерения автора текста; уметь определять важность и полезность информации текста для дальнейшего её использования [4].

Тип текста: аутентичные (неадаптированные) тексты смешанного типа.

Объем текста: 1200 слов (для изучающего чтения); 1600 слов (для быстрых видов чтения); 2-3 текста общим объёмом 2000-2200 слов (для комбинированного чтения с целью последующего написания реферата).

Скорость чтения: при изучающем чтении – не менее 60 слов в минуту; при ознакомительном чтении – 200-220 слов в минуту; при просмотрово-поисковом чтении – 400-450 слов в минуту.

Полнота восприятия информации: при изучающем чтении – 85-90%; при ознакомительном чтении – не ниже 70%.

На третьем сертификационном уровне иностранные обучаемые должны уметь: понимать и адекватно интерпретировать тексты, относящиеся к социокультурной сфере общения (с достаточно высоким уровнем содержания прецедентной информации); понимать и адекватно интерпретировать тексты официально-деловой сферы общения, представленной текстами постановлений, законов, официальными сообщениями; понимать основное содержание научно-популярного текста, а также логические и эмоционально-образные составляющие этого содержания; идентифицировать однотипные содержания, выраженные разными языковыми средствами; понимать художественный текст на уровне, позволяющем проводить элементарный филологический анализ (выделять основные темы текста, определять функционально-смысловые типы речи, выявлять позицию рассказчика); детально понимать информацию, содержащуюся в тексте, критически ее осмысливать; извлекать новую информацию при просмотрово-поисковом чтении текстов, при сопоставлении нового текста с прочитанным ранее [4].

Вид чтения: просмотрово-поисковое и изучающее.

Тип текста: полилог-дискуссия с элементами описания и повествования в качестве аргументирующих элементов, содержащий эксплицитно и имплицитно выраженную оценку; интервью, содержащее элементы устной разговорной речи; официально-деловые тексты информационно-описательного и информационно-регламентирующего характера (законы, постановления, информационные сообщения); художественные тексты (рассказ, законченный фрагмент повести, романа и т.д.).

Тематика текста актуальна для социально-культурной, официально-деловой сфер общения.

Объём текста: 1400-2300 слов.

Количество незнакомых слов: до 10%.

Скорость чтения: при изучающем чтении – 90-100 слов в минуту; при просмотрово-поисковом – 450-500 слов в минуту.

Таким образом, обучение чтению как виду речевой деятельности представляет собой определенную систему, направленную на отработку и систематизацию различных навыков и умений с целью достижения максимально полного восприятия и понимания написанного текста.

Библиографический список

1. Капитонова Т.И., Москвин Л.В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. СПб.: Златоуст, 2006. 245 с.
2. Крючкова Л.С. Практическая методика обучения русскому как иностранному: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 78 с.
3. Мощинская Н.В. Обучение чтению как виду общения. Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного. М.: Наука, 1987. 124 с.
4. Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку / Под ред. И.П. Лысаковой. М.: Владос, 2004. 157 с.

References

1. Kapitonova T.I., Moskvina L.V. Methodic of teaching Russian as a foreign language before university. SPb., 2006. 245 p.
2. Kryuchkova L.S. Practical methodic of teaching Russian as a foreign language. M., 2009. 78 p.
3. Moshchinskaya N.V. Teaching reading as a type of communication. Linguistic and methodical problems of teaching Russian as a foreign language. M., 1987. 124 p.
4. Russian as a foreign language. Methodic of teaching Russian /Ed. I.P. Lysakova. M., 2004. 157 p.

УДК 802.0:801.559

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

*Кандидат педагогических наук, доцент
кафедры иностранных языков*

Кочнева М.Г.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)276-39-73

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering*

*The chair of foreign languages, candidate of
ped. science, associate professor*

Kochneva M.G.

Russia, Voronezh, tel. +7(473)276-39-73

М.Г. Кочнева

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматривается проблема употребления модальных глаголов в технической литературе и выделяются особенности их перевода на русский язык. Проводится сравнение перевода модальных глаголов, используемых в разговорной речи и в технических текстах. Подробно описываются и демонстрируются многочисленными примерами основные случаи употребления и перевода модальных глаголов, характерных для технической литературы. Приводятся образцы упражнений, используемых при работе по их усвоению.

Ключевые слова: модальные глаголы, техническая литература, частота употребления, особенности перевода, разговорная речь, упражнения.

M.G. Kochneva

FEATURES OF THE USE OF MODAL VERBS IN TECHNICAL LITERATURE AND THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

The article deals with the problem of using the Modal Verbs in technical literature and their peculiarities of translating into the Russian language. The comparison of translating the Modal Verbs used in colloquial speech and in technical texts is presented. Main cases of using and translating the Modal Verbs typical for technical literature are described and demonstrated by numerous examples. Some patterns of exercises used when working at the Modal Verbs are given.

Key words: the Modal Verbs, technical literature, frequency of using, peculiarities of translation, colloquial speech, exercises.

В состав английского сказуемого наряду со вспомогательными глаголами (to be и to have) входят модальные глаголы в качестве первого компонента, изменяющие смысл сказуемого, усиливая или ослабляя его категоричность, что сопоставимо с ролью сказуемых, обслуживающих сложные подлежащие с инфинитивом [1; 28].

Модальными глаголами называются такие, которые не называют действия или состояния, а выражают лишь отношение подлежащего к действию или состоянию, выраженному инфинитивом, т.е. выражают значение возможности, допустимости, вероятности, необходимости и т.д. совершения этого действия.

Модальные глаголы отличаются от других глаголов следующими особенностями:

1. В отличие от вспомогательных глаголов они сохраняют свое значение, а следовательно переводятся на русский язык;
2. У них нет форм инфинитива, причастия и герундия;
3. Они не изменяются по лицам и числам;
4. Они не употребляются в повелительном наклонении;
5. Эти глаголы образуют вопросительную и отрицательную формы без вспомогательных глаголов [2; 17].

Анализ лингвистической и методической литературы по данной проблеме показал, что вопросам, связанным с особенностями употребления и перевода модальных глаголов уделено мало внимания. Вместе с тем, представляется, что обученность студентов рецепции и пониманию предложений, содержащих модальные глаголы, должна быть более высокого уровня.

С целью выявления частоты употребления и особенностей перевода модальных глаголов в технических текстах по специальностям "Строительные и дорожные машины" и «Сервис строительной техники и оборудовании», был проведен анализ 200 отрывков по 250 словоупотреблений каждый, заимствованных из английских и американских журналов "Excavating Engineering", "Construction Methods and Equipment", "New Engineer International" [3, 4, 5].

Анализ показал, что наиболее употребительными модальными глаголами являются глаголы: can, may, must в Present Simple и заменители глагола must: should, to be to, to have to. Глаголы ought to, need, прошедшее время глаголов can (could) и may (might) в упомянутой выше литературе нам не встретилось ни разу.

Хотелось бы подчеркнуть, что при исследовании частоты употребления модальных глаголов использовался метод сплошной выборки. В каждом тексте зафиксировано не менее 8 – 10 случаев их употребления.

Рассмотрим данные глаголы более подробно.

© Кочнева М.Г., 2013

Глагол *can* в проанализированной литературе имеет оттенок *способности* машины или оборудования выполнять какие-либо действия, а именно: копать, работать, поднимать, переносить и т.д. и переводится как «мочь».

Например: *Multi-bucket loader can scoop the material in a quarry directly at a face, although it cannot operate on compacted and frozen loose material.* Многоковшовый погрузчик *может* выкапывать материал в карьере прямо перед собой, хотя он *не может* работать на плотно слежавшихся и смерзшихся сыпучих материалах.

Если мы сравним перевод отрицательных предложений с глаголом *can* в непрофессиональной, разговорной речи, то *cannot* + Indefinite Infinitive переводится на русский язык сочетанием «не может быть чтобы».

Например: *They cannot come tomorrow.* *Не может быть, чтобы* они приехали завтра. С перфектным инфинитивом *cannot* переводится этим же сочетанием, но прошедшим временем. Например: *He cannot have refused to help you.* *Не может быть, чтобы* он отказался помочь Вам.

В вопросительных предложениях при переводе глагола *can* часто используются слова «*неужели*», «*разве*».

Например: *Can you like this book? Неужели* тебе нравится эта книга? [6; 270]. Данные случаи употребления не характерны для технической литературы.

Глагол *may* в проанализированной литературе встретился с оттенком *допустимости, возможности* выполнения определенных действий машинами и их использования в различных обстоятельствах.

Например: *Different kinds of equipment may be mounted on tractors.* На тракторах *могут быть* смонтированы различные виды оборудования. Или: *The material may be discharged by the centrifugal force arising when a fast-moving chain runs round the sprocket.* Материал *может быть* разгружен центробежной силой, возникающей, когда быстро движущаяся цепь проходит вокруг звездочек.

Глагол *may* в технической литературе также используется в значении *предположения* о рациональности использования машины в определенных условиях.

Например: *When a scraper has to operate on heavy soil, the pull of one tractor may be insufficient to cut a slice and fill the bowl.* Когда скрепер должен работать на тяжелых грунтах, тяга одного трактора *может* быть недостаточной для срезания слоя и наполнения ковша.

Следует подчеркнуть, что в технических текстах по указанным специальностям глаголы *may* и *can* часто взаимозаменяемы. Это имеет место при описании технических характеристик машин или оборудования и их возможности выполнить какие-то действия. Например: *The bulldozer blade may be raised and lowered.* Отвал бульдозера *может* подниматься и опускаться. Здесь мы имеем констатацию факта. Или: *The share arm can be raised with a disk knife in order to change the penetration of the knife into the soil.* Плужная балка *может* подниматься с дисковым ножом, для того чтобы изменить проникновение ножа в грунт. В данном предложении оттенок возможности усиливается дополнением, выраженным словами *a disk knife*.

По нашим наблюдениям и подсчетам глагол **can** используется в технической литературе по указанным выше специальностям намного чаще чем другие модальные глаголы, по-видимому, это объясняется тем, что информация о классификации машин, о их технических характеристиках, о их способностях выполнять различные виды работ и т.д. намного объемнее, чем информация, касающаяся возможности, предположения и необходимости их применения.

Что касается глагола **must**, то по сравнению с глаголами **can** и **may**, в технической литературе он используется намного реже, что нельзя сказать о художественной литературе и разговорной речи.

В проанализированной литературе он встретился нам в значении *необходимости, требования*, обусловленной определенными обстоятельствами к устройству и конструкции машин и оборудования в силу каких-то причин. Например: *The number of plies in the conveyor must be enough to endure the maximum tension in the belt where it runs onto the drive drum. Количество слоев в транспортере должно быть достаточным, чтобы выдержать максимальное натяжение на ленте, там, где она проходит по ведущему барабану.* Глагол **must** также используется в устойчивых словосочетаниях, таких как: *It must be understood, it must be proved* и т.д.

Например: *It must be understood that tractor engine requirements differ considerably from that of automobile engines. Необходимо понимать, что требования к тракторным двигателям значительно отличаются от требований к автомобильным двигателям.*

Наиболее часто вместо глагола **must** употребляются его заменители **should, have to, to be to**. Глагол **should** в данной литературе используется с оттенком рекомендаций к использованию строительного оборудования в определенных условиях.

Например: *Scrapers should be used on moderately wet sandy soils and loams. They should not be used on soils containing large stones. Скреперы следует использовать на умеренно влажных грунтах и суглинках. Они не должны использоваться на грунтах, содержащих большие камни.* Но чаще всего глагол **should** в данной литературе используется в устойчивых словосочетаниях, таких как: *It should be stressed, it should be pointed out, it should be noted, it should be remembered, etc.*

Например: *It should be noted that crawler cranes can operate without outriggers and move easily off the road. Следует отметить что гусеничные краны могут работать без выносных опор и легко передвигаться вне дороги.*

Модальный глагол **have to** имеет оттенок *потребности, необходимости* выполнения определенного действия.

Например: *Heavy graders are used when large volumes of soil have to be handled or when the soil is difficult to move. Грейдеры для тяжелого режима работ используются, когда необходимо переместить большой объем грунта или когда его трудно переместить.*

Глагол **to be to** также как и глагол **to have to** имеет оттенок *необходимости*, но в отличие от него, вытекающей из предварительной обусловленности или предварительного плана к выполнению какого-то действия.

Например: *The employment of self-dumping bodies on trailers and semi-trailers are especially useful when bulk load is to be carried over short distances. Использование самосвалов на прицепах и полуприцепах особенно целесообразно, когда объемный груз необходимо переместить на короткие расстояния.*

Многолетний опыт работы в техническом вузе показывает, что наибольшую трудность студенты испытывают при понимании и переводе модальных глаголов **to have to, to be to, should** и часто допускают ошибки и дают неправильный перевод. Поэтому при обучении модальным глаголам особое внимание необходимо уделять именно на эти случаи их употребления.

Приведем образцы упражнений, которые мы используем в своей работе.

1. Выпишите из следующих предложений все модальные глаголы. Объясните, по каким признакам вы их определили;
2. Переведите следующие предложения на русский язык, обратите внимание на модальные глаголы. Объясните, почему они используются в данных утверждениях;
3. Заполните пропуски соответствующими модальными глаголами;
4. Определите предложения, в которых модальные глаголы используются неправильно. Исправьте ошибки;
5. Сделайте заключение по данным утверждениям. Используйте модальные глаголы;
6. Переведите предложения на английский язык. Обратите на особенности употребления модальных глаголов.

Каждое упражнение содержит не менее 10 -12 предложений.

Хотелось бы отметить, что предлагаемые упражнения не представляют собой законченной системы. Они приводятся как типовые образцы упражнений, которые могут быть использованы при обучении студентов правильному опознаванию и переводу модальных глаголов в различных ситуациях.

В качестве выводов хотелось бы отметить следующее:

1. В техническом вузе модальные глаголы следует изучать в более расширенном объеме, причем информация о значениях и контекстуальных употреблениях должна даваться студентам в наиболее компактном и полном контрастивно-сопоставительном виде.
2. Модальные глаголы следует трактовать как компоненты, внедряющиеся на первое место в сказуемое и изменяющие их смысл, усиливая или ослабляя их категоричность, что сопоставимо с ролью сказуемых, обслуживающих сложные подлежащие с инфинитивом.

Библиографический список

1. Беляев Н.Н., Кочнева М.Г. Модальные глаголы в обучении профессионально-профилированному английскому языку. Лінгвометодичні концепції навчання мови для спеціальних цілей. Науково-методичні матеріали 2-ї Міжнародної конференції 27-28 квітня 1995 року.- Киев, 1995.- С.27-28.
2. Кочнева М.Г., Ерофеева Л.А. и др. Практикум по переводу профессионально-ориентированных текстов. – Воронеж, 2012. – С. 141.
3. Excavating Engineering. New York. No 9-11, 1998. – С. 35.
4. Construction Methods and Equipment. New York. No 2. 1999. – С. 37.
5. New Civil Engineering. London, December, 2001. – С. – 45.
6. Качалов К.Н., Израилевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка. – Внешторгиздат. Москва, 1959. - С. – 719.

References

1. Belyaev N.N., Kochneva M.G. Modal verbs in teaching professional-and-special English. Linguistic-and-methodical teaching language for special purposes. Scientific-and-methodical materials of the 2-nd International conference. June 27-28, 1995. –Kiev, 1995. - 27-28 p.
2. Kochneva M.G., Erofeeva L.A. Textbook on teaching translation of professionally-oriented texts. – Voronezh, 2012. – 141 p.
3. Excavating Engineering. New York. No 9-11, 1998. – С. 35.
4. Construction Methods and Equipment. New York. No 2. 1999. – С. 37.
5. New Civil Engineering. London, December, 2001. – С. – 45.

6. Kachalov K.N., Izrailevich E.E. Practical Grammar of the English Language. – Vneshtorgizdat. Moscow, 1959. – 719 p.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ASPECTS OF RESEARCHING OF FICTION

УДК 808. 2

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
Кандидат филологических наук, доцент ка-
федры русского языка и межкультурной
коммуникации Ревякина Т.Л.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 271-50-48;
e-mail: kafedra_rus*

*Voronezh state university of architecture
and civil engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication,
PhD, associate professor Revyakina T. L.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48;
e-mail: kafedra_rus*

Т.Л. Ревякина

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА

В статье с целью выявления особенностей семантической поэтики О.Мандельштама анализируются стихотворения поэта, которые являются вольными переводами сонетов Ф.Петрарки. Подчеркивается, что в данных произведениях формируется особое лингвокультурное пространство, выражаемое на всех уровнях организации поэтического текста.

Ключевые слова: семантическая поэтика, перевод, лингвокультурное пространство, мировая культура, традиция, поэтический текст.

T.L. Revyakina

SPECIFICITY OF SEMANTIC POETIC OF O.E. MANDELSTAM

To achieve the research aim we analyze Mandelstam's liberal translations of Petrarch's sonnets. We emphasize that in these pieces special linguistic and cultural space is formed which is expressed at all the levels of organization of the poetic text.

Key words: semantic poetic, translation, linguistic and cultural space, world culture, tradition, poetic text.

Творчество О.Э. Мандельштама как представителя так называемой «семантической поэтики» сознательно ориентировано на диалог с текстами мировой культуры, открыто для различного рода влияний и перекличек. Четыре сонета Ф.Петрарки, переведенные О.Э.Мандельштамом, представляют собой особый интерес для исследования.

Произведения Франческо Петрарки всегда являлись для русских поэтов одной из вершин мировой поэзии, однако большинство известных поэтических переводов его сонетов на русский язык было сделано в начале и в первой половине XX столетия, что можно объяснить особенностью культурной ситуации, сложившейся в России в этот период. Увеличение числа образованных людей как в городах, так и в провинции, стремительный рост интереса к разным жанрам искусства, в особенности к литературе, желание деятелей искусства осознать и ввести русскую культуру и тип русской духовности в общемировой культурный контекст (см., Например, речь Ф.М.Достоевского произнесенную им в честь открытия в Москве памятника А.С.Пушкину) провоцировала появление многочисленных переводов произведений мировой литературы.

На русский язык переводятся как отдельные значимые для развития мировой литературы тексты (Например, «Божественная комедия» Данте, «Гильгамеш», «Песнь о Гайавате», «Гамлет», «Макбет» и другие драмы Шекспира, представленные по-русски в нескольких вариантах), так и предпринимаются попытки перевода всего корпуса произведений того или иного автора (Например, Шекспира, Петрарки, Бокаччио, Ронсара, Гюго, Верлена и др.). Переводчики – в основном, сами являвшиеся оригинальными поэтами, – преследовали самые разнообразные цели. Некоторые рассматривали свой труд переводчика как возможность ознакомить с иностранной литературой русскоязычного читателя, другие стремились обогатить и усложнить форму русского стиха в процессе поиска адекватных способов передачи чужого текста. Третьи отработывали заказ издателей. Четвертые обращались к переложению на русский язык чужого иноязычного текста по каким-либо личным причинам (вольный перевод). Сообразно задачам, стоящим перед переводчиком, подбирались стилистические и образные средства, акцентировалось то или иное семантическое наполнение оригинального текста.

Перевод, который делает в 1934 году Осип Мандельштам, является вольным. По мнению некоторых исследователей, поэт не приближается к Петрарке, а приближает Петрарку к своей поэтике, в которой поэтический текст характеризуется «чудовищно уплотненной реальностью». Любое слово подобного текста «является пучком и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну точку» («Разговор о Данте»). Образуется поэтическое пространство, каждый элемент которого взаимодействуя с другими, максимально раскрывает свое значение и порождает огромное количество ассоциаций (языковых, семантических, звуковых, культурных и т.п.). Особо интересным становится при таком подходе обращение к чужой стилистической системе, отдаленной во времени и в пространстве (географическом и культурном) [1; с. 78-85].

Создавая варианты сонета, переводчики пытались передать свое понимание особенностей поэтики Ф.Петрарки и делали это на всех уровнях организации поэтического текста.

1. Фоника. В переводе О.Мандельштама музыкальность многочисленных сонорных чередуется с резким шипением и клекотом свистящих и заднеязычных, нагнетанием непривычных и неудобных для русского произношения звуковых сочетаний (*плачу-чи, зернится скорбь в гнезде былых веселий, мощь воды морской зефир колышет*). В других русских переводах (Например, Вяч. Иванова и А.Эфроса) звучание стихотворных строк предельно напевно: частотны сочетания сонорных и гласных. Очевидно, это делалось для передачи устоявшегося в европейской традиции мнения об итальянском языке как о языке, идеально подходящем для пения.

2. Рифмовка. О.Мандельштам катрены рифмует традиционно – АБАБ, а в терцетах прибегает к нетрадиционной для сонета опоясывающей рифмовке: ВГВ ВГВ. Отметим, что Мандельштам в своем переводе использовал только женские рифмы, что является типичным для стихотворений, созданных на итальянском языке, т.к. большинство слов в нем имеет окончание на предпоследнем слоге.

3. Ритмика. Силлабический итальянский стих Вяч.Иванов и А.Эфрос традиционно для русских переводчиков передают 5-стопным ямбом, что формирует у читателя ассоциацию с классическими образцами русской философской поэзии или драмы. О.Мандельштам позволяет себе чередовать пятистопный ямб с силлабическими строками. Отметим, что число слогов в каждой строке мандельштамовского перевода равно 11, в двенадцати из четырнадцати строк ударными являются 4-ый и/или 6-ой слоги. Эта ритмическая организация строки в точности соответствует итальянской силлабике. В некоторых случаях ритмика нарушается: Например, выбиваются две строки в терцетах СССХI сонета – первая строка первого терцета *О радужная оболочка страха!* и последняя строка сонета *Ресничного недолговечней взмаха*, т.к. именно эти строки являются смысловыми центрами сонета[2; с. 92-103].

4. Стилистическая окраска. О. Мандельштам вводит в текст наряду с устаревшими словами (*очи, плачучи, нудит, мыто, краса, лебяжий, зефир, днесь, веселия, себе на диво, наго, тлен, ужели, дол*) разговорные (*по-над, всю-то, щекочет, люлька, птаха, распухший, чую, на самом деле, ватага, тяга*) и слова, относящиеся к терминам: *пернатый, силок, радужная оболочка, эфир, зернистый гранит, полужестка* (о воде), *семицветный мир* (призма, разлагающая солнечный свет на 7 спектров), *сухожилия, очаг лазури*. Мандельштам использует в своих переводах окказионализмы: сонеты СССІ и СССХІ содержат слова промуравленный и муравит, которые в данных поэтических контекстах приобретают значение *заставляет искать неведомый таинственный путь*, сохраняя на периферии общезыковое значение *покрывать глазурью, придавать окончательный блеск изделию из глины*, (текст заставляет читателя вспомнить, что по библейской легенде Адам создан из глины, а творчество, по мысли поэта, завершает формирование человеческой личности), а также через звуковую ассоциацию со словом мурава, *идти по траве за городом, вне цивилизации*. В сонете CLXIV окказионализм *сверхобычно* использован как элемент осовременивания текста: созданный по принципам официально-делового стиля он несет на себе важную семантическую нагрузку: абсолютно невозможный в действительности процесс многократного умирания-воскресения документально протоколируется, т.е. подтверждается его абсолютная истинность. Можно также отметить окказиональные словосочетания, в изобилии встречающиеся в мандельштамовских переводах сонетов: *каленный шепот, силой любви затверженные глыбы, радужная оболочка страха, горящая пряжа ночи, вода разноречива – полужестка, полусладка, семицветный мир лживых явлений*. Смешением стилистически разнородной лексики поэт в своем переводе добивается создания образа неустоявшегося, неочищенного, свежего поэтического языка, создающего стихи «бог знает, из какого сора» [3; 4].

5. Смещение традиций. В переводах Мандельштама создается особое культурное пространство, характеризующееся смешением множества традиций (или философий): античной/фольклорной (образ пряжи, вытягивающей из хаотического скопления шерсти нить человеческой судьбы, параллелизм: соотношение мира природы и мира человеческой души (соловей, звери, олени)), христианской (наличие тленного мира и нетленной лазури, возможность воскресения после смерти, посмертное вознесение праведной души в обитель блаженных), ренессансной (возлюбленная является высшим существом и через любовь к ней возможно приобщение к высшей истине (эфир очей, глядевших вглубь эфира)). Используются поэтом обращения к произведениям русской литературы: например, в сонете СССХІХ встречается словосочетание *печаль жирна*, что является цитатой из «Слова о полку Игореве». В сонете CLXIV можно усмотреть аллюзию на пушкинское стихотворение «Ночной зефир струит эфир...». Помимо литературных отсылок, встречаются аллюзии на культурные произведения. Например, в терцете СССХІХ сонета *И я догадываюсь, брови хмура: / Как хороша? К какой толпе пристала? / Как там клубится легких складок буря?* идет отсылка к живописным и графическим работам художников итальянского Ренессанса, в особенности Алессандро Боттичелли, Рафаэля, Микеланджело. Использование научных терминов также значительно расширяет пространство художественного текста, придавая ему особую достоверность.

Что касается соответствия рассматриваемых переводов принципам поэтики Петрарки, то тут надо отметить следующее. Все переводчики его сонетов так или иначе соотносят стилистику своих произведений со своим пониманием особенностей поэтики Возрождения. Позиции Вяч. Иванова и Эфроса во многом сходны: стилистика ренессансного текста передается при помощи стилистических средств того исторического периода развития русской культуры, который многими мыслителями осмысливался и осмысливается как русский эквивалент Ренессанса – начало XIX века, «золотой век»

русской поэзии. Использование, например, Вяч. Ивановым романтических, а А.Эфросом сентименталистских или библейских речевых клише расширяет историко-культурную перспективу перевода: и романтизм, и сентиментализм, и библейские тексты были изначально восприняты русской культурой извне, «переведены» вместе со своими стилистическими штампами.

О.Мандельштам также ориентируется в своем переводе на «золотой век» русской культуры, однако направление его взгляда принципиально отлично от направления взглядов Вяч. Иванова и А.Эфроса. Представляется возможным утверждать, что именно перевод Мандельштама, считающийся вольным и самым поэтом ввопившимся в общий корпус собственных стихотворений, наиболее точно отражает новаторство Петрарки: стремление к народности поэтического языка, увод его от готовых поэтических схем, навязанных Средневековьем, «истончение» поэтической маски, передача личного чувства. Мандельштам следует в своем переводе за Пушкиным – создателем русского литературного языка: смешение разнообразных стилистических пластов, смелая игра ритмических конструкций, сложное звукоподражание, придание известному слову новых значений дает читателю возможность почувствовать страстность и оригинальность поэзии Петрарки, понять, чем именно его творчество так значимо для европейской и мировой литературы, осознать, что в период Возрождения действительно происходила ломка старой стилистической системы и формирование национальных поэтик и языков.

Таким образом, для Осипа Мандельштама создание нового поэтического языка, который был бы в состоянии передать все оттенки мысли и чувства человека середины XX века, обогащенного опытом развития мировой цивилизации и участвующего, вольно или невольно, в фантастических по своим масштабам социальных процессах, было основной творческой задачей.

Библиографический список

1. Буркхарт Д. Автор, лирический субъект и текст у Осипа Мандельштама // Автор и текст: Сборник статей. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996. С. 408-428.
2. Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма. М., 2001. С.305.
3. Мандельштам О.Э. Сочинения в двух томах. М., 1990.
4. Палий О.В. Структурно-семантическая организация поэтического макротекста в книге стихов Осипа Мандельштама 1916 – 1920 гг. «Tristia»: Дисс...канд. филол. наук. Воронеж, 2003.

References

1. Bourkhardt D. Author, lyrical subject and text in O. Mandelstam's poetry // Author and text. SPb., 1996. P. 408-428.
2. Levin J.I., Segal D.M., Timenchik R.D., Toporov V.N., Tsivyan T.V. Russian semantic poetic as a potential cultural paradygm. M., 2001. P.305.
3. Mandelstam O. E. Poetic works in 2 vol. M., 1990.
4. Palij O.V. Structural and semantic arrangement of poetic macrotext in the book "Tristia" by O.E. Mandelstam (1916 – 1920 гг.). Voronezh, 2003.

УДК-821.161.1-3

*Воронежский архитектурно-
строительный университет
Ассистент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Рыжков Л.А.
Россия, г. Воронеж, тел. 8(900)-307-91-63
e-mail: LARyzhkov@yandex.ru*

*Voronezh state university of architecture and
civil engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication
Assistant lecturer Ryzhkov L.A.
Russia, Voronezh, tel. 8(900)-307-91-63
e-mail: LARyzhkov@yandex.ru*

Л.А. РЫЖКОВ

ВЛИЯНИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ НА МЕТОДОЛОГИЮ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ИДЕИ В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ А.С. ХОМЯКОВА

В статье рассмотрена зависимость методологической специфики от соответствующей литературоведческой проблемы и ее обоснование в ракурсе исследования русской идеи в поздней лирике А.С. Хомякова.

Ключевые слова: методология, проблема, русская идея, поэзия, текст, исследование.

L.A. Ryzhkov

THE INFLUENCE OF THE PROBLEM OF LITERATURE STUDY ON THE METHODOLOGY OF RESEARCH OF RUSSIAN IDEA IN A.S. KHOMYAKOV'S LATE VERSE

The article sites the dependence of methodological specificity on the corresponding problem of literature study and its justification in the light of research of Russian idea in A.S. Khomyakov's late verse.

Key words: methodology, problem, Russian idea, poetry, text, research.

Исследование поэтического текста сопряжено с необходимостью выработки методологического подхода, от которого в конечном итоге будет зависеть полнота решения литературоведческой проблемы. В свою очередь, цель и задачи исследования, вытекающие из литературоведческой проблемы, определяют систему методологических приемов. Граней и аспектов изучения поэзии, как нам представляется, может быть великое множество, и выбор приоритетов в этом списке зависит в большей степени от сути поставленной цели. Один из видных теоретиков XX века в сфере русского стиховедения Ю.М. Лотман отмечал по этому случаю: «Анализ художественного текста в принципе допускает несколько подходов: произведение искусства может изучаться как подсобный материал для рассмотрения исторических, социально-экономических или философских проблем, может быть источником сведений о быте, юридических или нравственных нормах той или иной эпохи и т. п. В каждом случае специфике научной проблемы будет соответствовать и присущая ей методика исследования» [3; с. 21]. В данной статье речь пойдет о зависимости исследовательской методологии от литературоведческой проблемы на примере описания и обоснования специфики исследования русской идеи в поздней лирике А.С. Хомякова.

Озвученная выше тема подразумевает работу с совокупностью текстов, поэтому следует заметить, что исследование одного и исследование нескольких поэтических текстов имеют некоторую разницу. При доминировании системообразующего общеметодологического аспекта все же предполагается вариативность приемов в каждом конкретном случае. Стихотворения, объединенные определенным идейно-тематическим мотивом, тем не менее, произведения самостоятельные, обеспеченные видимой поэтической индивидуальностью, и, следовательно, сохранение общего методологического стержня во время их исследования не отменяет необходимости использования частных приемов, которые в зависимости от степени необходимости могут быть востребованы или не востребованы в отдельно взятом лирическом тексте.

Исходя из того, что тема исследования звучит как «Русская идея в поздней лирике А.С. Хомякова», следует, что и специфика методологического подхода будет соотноситься с теми детерминирующими положениями, которые вытекают из поставленной проблемы. В первую очередь, она направляет нас к изучению идейного замысла художника и формам его осуществления. Данный аспект неразрывно связан с необходимостью осветить особенности мировоззренческой концепции автора, обрисовать общественно-политический и исторический фон, соответствующий времени создания произведений, а также указать (при необходимости) на роль биографических факторов, повлиявших на поэтическую материализацию мыслей и чувств поэта. Иными словами, встает задача выявить причинно-следственные взаимоотношения поэзии с авторским мировоззрением, биографией и историей. Однако следует помнить о том, что поэтическая форма находится в неразрывной связи с идейно-поэтическим содержанием. Как отмечает М.Л. Гаспаров: «Стихотворная форма произведения во всех своих специфических особенностях (метр, ритм, рифма, строфа) теснейшим образом связана с содержанием» [1; с.3]. Но структурно-стиховедческие аспекты (метрика, ритмика, рифмика) в данном случае уходят на второй план и, в какой-то степени, лишь сопутствуют исследованию, но не определяют его рисунка. Необходимость в отдельной характеристике структурно-композиционных или интонационно-синтаксических конструкций и приемов может быть продиктована их явной взаимосвязью с идейным контекстом. К примеру, для некоторых стихотворений А.С. Хомякова, в которых поэтически озвучивается мысль о русской идее, характерно использование императивно-побудительных предложений таких как: «Держи стяг божий крепкой дланью, Ты избрана! Скорей омой / Себя водою покаянья» в стихотворении «России» или «Иди! тебя зовут народы!» в стихотворении «Расскавшейся России» [4; с. 136-137]. Это обусловлено не только особенностями авторского стиля в целом, но и некоторыми другими причинами. Одна из них – это всегдашнее тяготение поэта-философа к полемике, как своего рода отголосок кружково-идеологического противостояния западников и славянофилов, или мотив проповеди как отзвук богословствования. В этой связи интересен опыт известного советского и российского литературоведа Б.Ф. Егорова (см. вступительную статью к книге А.С. Хомяков «Стихотворения и драмы»), в работе которого гармонично совмещены идейно-художественные, структурно-лингвистические и биографические аспекты творчества поэта.

С учетом всего сказанного, построение методологической стратегии можно осуществлять, отталкиваясь от категориальной разбивки темы исследования, которая в нашем случае распадается на три условные части: русская идея, поэзия и А.С. Хомяков. Каждая из частей во взаимодействии и в совокупности друг с другом и будут определять методику исследования. Данные категории отсылают нас к соответствующим секторам гуманитарных знаний. Русская идея – категория более философская, поэзия – литературоведческая, а персоналию позволительно отнести к истории литературы и к таким ее областям, как критика, биографистика и

мемуаристика. Если продолжать говорить о методологической специфике, то каждая из трех выше озвученных детерминант налагает на нее свои сущностные особенности. Так как предметом исследования является русская идея, а она представляет собой в большей степени категорию философскую, точнее, религиозно-философскую, то неизбежно сопряжение с историей русской философской и религиозной мысли. Само собой разумеется, что речь идет о тех теориях и учениях, сопряжение с которыми актуально в перспективе исследования. При освещении философского аспекта следует помнить, что данная работа должна оставаться в русле литературоведческого исследования и что существует риск чрезмерного углубления в философский аспект творчества А.С. Хомякова (имеется в виду углубление с чисто философских позиций и излишнее использование относящихся к этой науке понятий и терминов), несмотря на то, что именно он является ключевым в свете достижения поставленной цели. Философской сущностью русской идеи объясняется необходимость цитирования русских религиозных мыслителей и писателей, в том числе и современных (Ф.М. Достоевского, Вл. Соловьева, Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, А.В. Гулыгу, С.С. Хоружего и др.), и целесообразность использования соответствующих терминов и понятий. Именно в философском аспекте кроется объяснение мировоззренческой парадигмы А.С. Хомякова, которая в основном и определяла идеологический подтекст поэтической линии автора, связанный с русской идеей. Поэтому цитирование богословских и историсофских постулатов самого Хомякова также вполне оправдано, так как именно в этом рефлексивном поле и разрабатывалась авторская концепция русской идеи.

Литературоведческий аспект исследования также предполагает особую совокупность методологических приемов. Сопутствующая данному аспекту систематика исследовательских действий ориентирована на анализ авторской идеи и спектра художественно-стилистических средств поэтического выражения данной идеи. Заданная литературоведческая проблема предусматривает в первую очередь рассмотрение традиционных для большинства художественно-поэтических текстов конструкций, фигур, воплощений, начиная фонетическими и тропообразными и заканчивая синтаксическими и концептуально-композиционными. То есть, освещается наличие метафоризации, гиперболизации, градуальности, параллелизации и т. п., но в контексте идейной, а в случае со стихотворениями А.С. Хомякова еще и идеологической, линии текста. Рассматривается функциональное участие традиционных художественно-стилистических фигур в осуществлении идейного замысла через поэтическое пространство. К традиционно литературоведческим вехам исследования авторской идеи справедливо будет отнести также толкование поэтических образов, символов, аллегорий, при этом соблюдая констатацию их взаимосвязи с соответствующей проблематикой. Во время исследования возникают ситуации, когда приходится выходить за границы очевидного выразительного спектра, прибегая к особой исследовательской углубленности. В случае с поэтическим вариантом русской идеи Хомякова, представленной в его поэзии, подобная ситуация прослеживается при рассмотрении соборного начала, отраженного в поэтической линии автора. Если историсофская составляющая русской идеи не только очевидна, но еще и отмечена мотивом призыва, а иногда и проповеди, то идея соборного единения выражена не так явно и озвучивается через философско-поэтические концепты и категории. Речь идет о концептуально-композиционных конструктах, которые в тексте являются носителями имплицитно выраженной идеи. При этом данные лексико-синтаксические образования становятся интеграционно-композиционным признаком для всего исследуемого поэтического поля. Таким образом, выразителем соборной идеи выступает градационное триединство «брат-молитва-братья», функционируя одновременно как композиционный каркас и идейный конструкт. Еще раз скажем, что совсем

отказываться от комментирования особенностей метра, рифмы или лингвистических аспектов поэтического текста в связи со спецификой литературоведческой проблемы не целесообразно, но следует использовать его как сопутствующий, дополнительный материал.

Анализ идейного контекста произведения будет неполным, если не внести в него сопоставительные комментарии с текстами других авторов, в которых просматриваются тематические, идейные или художественные взаимосвязи с объектом исследования. В ракурсе темы «Русская идея в поздней лирике А.С. Хомякова» выглядит необходимым сравнение с соответствующими стихотворениями Ф.И. Тютчева, так как мировоззренческо-идеологические позиции обоих поэтов во многом были схожи. В поэзии тематическое и идейное родство проявляется в произведениях, посвященных славянскому братству и объединению славянских народов. Избранная методологическая ориентация в исследовании идейной магистрали лирических произведений предусматривает также изучение влияния биографии художника на ход поэтического творчества. Например, в стихотворении «Ночь», в котором Хомяков раскрывает некоторые грани соборно-молитвенной идеи, а она, в свою очередь, составляет существенную часть поэтизированной концепции русской идеи в целом, очень чувствуется связь с личной молитвенной практикой поэта. Использование литературной критики, мемуаров, литературоведческих работ, связанных с темой исследования, поможет не только в случаях, когда требуется подтверждение какого-либо утверждения, но может послужить катализирующим звеном в ходе научной работы.

Исследовательские акценты, как представляется, необходимо распределять в соответствии с проблемным спектром и тематической ориентацией работы, избегая, по возможности, чрезмерной углубленности в одном направлении и не заходя за границы выбранной методологической и литературоведческой специфики. В этой связи выдающийся советский языковед и литературовед В.М. Жирмунский писал: «...вопрос об искусстве как о социальном акте или как о продукте душевной деятельности художника, изучение произведения искусства как явления религиозного, морального, познавательного остаются как возможности; задача методологии – указать пути осуществления и необходимые пределы применения подобных приемов...» [2; с.18].

Таковы, на наш взгляд, общие черты методологического каркаса, на котором могло бы строиться литературоведческое исследование русской идеи в поздней лирике А.С. Хомякова. Предложенное в статье разделение данной методики на части носит условно-теоретический характер. В практической плоскости методологические ходы, находящиеся в гармоничном взаимодействии, обеспечивая логическое, научное и стилевое единство, определяют общее развитие исследовательской работы, итогом которой должна стать решенная литературоведческая проблема.

Библиографический список

1. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 352с.
2. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. 407с.
3. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. С. Пб.: Искусство СПб, 1996. 848 с.
4. Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л.: Наука, 1969. 483 с.

References

1. Gasparov M.L. The sketch on history of Russian verse. M., 2000. 352 p.
2. Zhirmounsky V.M. Theory of literature. Poetics. Stylistics. L., 1977. 407 p.
3. Lotman J.M. On poets and poetry. SPb., 1996. – 848 p.
4. Khomyakov A.S. Verse and plays. L., 1969. 483 p.

УДК-88

*Воронежский государственный университет
Аспирант кафедры русской литературы 20 и
21 века и теории литературы и фольклора
Новикова М.В.
Россия, г. Воронеж, тел. 8(919)-246-62-11
e-mail: marisha-number1@yandex.ru*

*Voronezh state university
The chair of Russian literature of the 20th
and the 21st cent., theory of literature
and folklore postgraduate student
Novikova M.V.
Russia, Voronezh, tel. 8(919)-246-62-11
e-mail: marisha-number1@yandex.ru*

М.В. Новикова

ОБРАЗ МИРОВОГО ДРЕВА В ТВОРЧЕСТВЕ С.ЕСЕНИНА

В статье рассматривается, как раскрывается образ мирового древа в творчестве С.А. Есенина. Устанавливается взаимосвязь древесного образа с религиозной и антропологической тематикой.

Ключевые слова: древесный образ, поэзия, религия, мировое древо, славяне, антропоморфизм.

M.V. Novikova

THE IMAGE OF THE WORLD TREE IN S.ESENIN'S WORKS

The article sites how the image of the world tree in Esenin's works is revealed. The connection between tree images and religious and anthropological themes is determined.

Key words: tree image, poetry, religion, world tree, Slavs, anthropomorphism.

Центральным, всеобъемлющим понятием поэтических воззрений славян, согласно А. Афанасьеву, является образ мирового древа, или «древа жизни», олицетворяющего собой мировую гармонию, единство всего сущего. Сергей Есенин, как один из самых выдающихся крестьянских поэтов, просто не мог не отразить в своем творчестве самобытную идеологию наших предков. В «Ключах Марии» поэт отмечает: «Все от древа. Вот религия мысли нашего народа...» [1; 5, с. 170].

В поэзии С. Есенина древесный образ многофункционален: древо предстает одновременно как вертикаль или, как выразилась Т.В. Цивьян, «материализованный образ соединения земли и неба» [2; с. 43], и горизонталь. С одной стороны, по его стволу и веткам (своеобразной лестнице) осуществляется движение вверх или вниз, древо представляет структуру космоса, а с другой - оно своей ветвистой кроной, как крыша, покрывает землю, соединяя мир животных и растений в единое целое. Специфическое понимание пространственных характеристик древа объясняет, почему в поэзии С. Есенина весь природный мир предстает живым, одухотворенным началом всего сущего.

© Новикова М.В., 2013

Исследователь В.А. Доманский отмечает: «Две функции мировой вертикали и горизонтали соединяет в себе также христианский образ Мамврийского или Мамрийского (у Есенина в статье «Ключи Марии» он назван Маврикийский дубом). Под его сенью библейский Авраам с Сарой встречают Святую Троицу, в честь которой и назван один из главных христианских праздников. Мамврийский дуб для Есенина является как вселенским деревом-храмом, под сенью которого объединяются народы в мировую семью, так и мировым деревом славян [3; с. 189]. Так, в стихотворении «Октиох» мы видим образ Маврикийского дуба, который предстает перед нами деревом-прародителем:

Под Маврикийским дубом
Сидит мой рыжий дед,
И светит его шуба
Горохом частых звезд [1; 2, с. 37].

В «Ключах Марии» С. Есенин отмечает древность данного образа: «Это древо родилось в эпоху пастушеского быта. В древности никто не располагал временем так свободно, как пастухи. Они были первые мыслители и поэты, о чем свидетельствуют показания Библии и апокрифы других направлений... «Я не царь и не царский сын, — я пастух, а говорить меня научили звезды», — пишет пророк Амос. Вот эти-то звезды — золотая книга странника — и вырастили наше вселенское символическое древо» [1; 5, с. 170].

Приведенные строки очень важны для понимания стихотворения «Октиох»: получается, что под дубом сидит «мой рыжий дед» - пастух, предок славян, мыслитель, находящийся у истоков, корней мирового древа, а значит, и у начала всей человеческой жизни. Символично и использование в тексте местоимения «мой» в значении «наш», общий предок всех людей. Отсюда же и специфика его костюма, усыпанного звёздами - небесными светилами, породившими само представление о древе. Получается, что в этих строках проглядывается не просто образ пастуха, а образ единого природного мира, в котором все взаимосвязано, слито в одно, будь то шапка-месяц или шуба - звездное небо, а может, и сам человек как прародитель других людей.

Мировое древо не только связывает мир земной и небесный, оно по сути превращает землю в продолжение неба, поэтому в жизни природы прочитываются тайны небесной жизни, христианская история. Образы «дома», «храма» и самого «древа» создают в творчестве С. Есенина устойчивую модель «деревянной», патриархальной, «голубой Руси» [1; 1, с. 168], где дерево, роща, лес символизируют либо атрибутику храма (его аналой, алтарь, свечи, кадила и т.д.), либо сам храм, как в стихотворении «Сохнет стаявшая глина...»:

У лесного аналая
Воробей псалтырь читает [1; 1, с. 161].

Здесь обряд богослужения проводится в «лесном храме», где воробей выступает в качестве чтеца псалмов.

Приведем еще один пример из стихотворения «Я последний поэт деревни...»: «За прощальной стою обедней / Кадящих листвою берез...» [1; 1, с. 94].

Вновь мы видим церковный обряд, где березы предстают свечками, поставленными в память об умерших людях.

В стихотворении «Край любимый! Сердцу снятся...» поэт сравнивает древо со служительницами богу: «И вызванивают в чётки / Ивы - кроткие монашки...» [1; 1, с. 84].

В стихотворении «Возвращение на Родину» поэт избирает местом молитвы лес, который выступает аналогом храма, а иконами служат осины:

Уж я хожу украдкой нынче в лес,

Молюсь осинам...

Может, пригодится... [1; 2, с. 78].

Следует заметить, что на уподобляемую дереву церковь переносятся и все его свойства, поэтому церковь может расцветать, чахнуть, стареть, как это и происходит в стихотворении «Сторона ль моя, сторонка...»: «Чахнет старая церквушка, / В облака закинув крест...» [1; 1, с. 94].

Кроме образа церкви и ее атрибутов, связанных с древесной символикой, в поэзии С. Есенина появляется и образ Христа. Исследователь У. Даньдани отмечает: «Еще одна ипостась Иисуса Христа в лирике Есенина – Его претворение в природе» [4; с. 5]. В стихотворении «Чую радуницу Божью...» мы наблюдаем появление в лесном храме Христа, который в своем облике имеет «древесные черты»:

Между сосен, между елок, Меж берез кудрявых бус,

Под венком, в кольце иголок,

Мне мерещится Иисус [1; 1, с. 96].

Интересно и сравнение Христа с рябиновым кустом в стихотворении «Осень»: «И целует на рябиновом кусту / Язвы красные незримому Христу» [1; 1, с. 87].

Здесь поэт представляет Христа одним целым с природой. Его творение и есть «он сам». Символично и то, что Христос выступает именно в образе рябины, поскольку в старину это дерево считалось одним из основных магических растений, энергия которого позволяла произносить лечебные заговоры, противостоять испугам, страхам. Так и Христос помогает нам противостоять всем своим недугам. Интересна здесь и цветовая гамма, ведь красный цвет рябины и цвет христовых язв - это еще и один из основных цветов иконописи. Также красный является сакральным цветом, он тесно связан с образом страдающего Христа. Возможно, что рябиновый куст выступает вместо иконы с изображением Спасителя. В своей книге «Пути развития новокрестьянской поэзии» А.И. Михайлов отмечает: «Образ Христа у Есенина предельно связан с крестьянской Русью <...> Его образ предстает на фоне иного, чем в литературном источнике, пейзажа – северной весны, иной страны - мужицкой России <...> есенинский Христос трогателен и прост...» [5; с. 49].

Простота это выражается в изображении Христа в земной среде, а именно в окружении лесного массива.

С деревом Есенин связывает и само происхождение человека. Эту особенность есенинского творчества подтверждает исследователь У. Даньдани: «...в есенинском восприятии деревьев проявилась философская коннотация человечества как чада древа... Древесные образы Есенина антропоморфны, поэт придает им портретные характеристики» [4; с. 14]. Так, в стихотворении «Я по первому снегу бреду ...» у ивы появляются контуры человеческого тела: «Так и хочется руки сомкнуть / Над древесными бедрами ив...» [1; 1, с. 151].

В стихотворении «Пороша» поэт сравнивает главную героиню с сосной, которая выступает как «старушка»:

Словно белою косынкой

Подвязалась сосна.

Понагнулась, как старушка,

Оперлася на клюку... [1; 4, с. 47].

Другим примером может служить стихотворение «Черемуха», где ветки березы уподобляются человеческим волосам:

Черемуха душистая

С весною расцвела

И ветки золотистые,

Что кудри, завила... [1; 4, с. 80].

Надо отметить, что замещение происходит не только на уровне частей тела, физических характеристик, но и психической жизни человека в целом. Дерево шепчет, разговаривает, любит, страдает, печалится, стареет, умирает и даже может вызывать эротические чувства у лирического героя. Примером может служить ряд стихотворений, посвященных березе. Одним из таких является стихотворение «Я по первому снегу иду»:

Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив... [1; 1, с. 151].

В дендронимической символике, к которой часто прибегает поэт, отчетливо проявляется оппозиция мужского и женского начал. Девичье, женское начало у него чаще всего связано с образом березы, липы, черемухи, рябины, сирени, ивы, а мужское с образом клена, дуба, тополя. Этим и объясняется появление в его стихотворениях эротических образов природы. Примером являются строки стихотворения «Мой путь»:

Зеленокося,
В юбчонке белой
Стоит береза над прудом.
Уж и береза!
Чудная... А груди...
Таких грудей
У женщин не найдешь... [6; с. 232].

Нередко в этой оппозиции мужского и женского происходит замещение, и функцию мужского начала может выполнять шалун-ветер, примером служит стихотворение «Закружилась листва золотая...»: «Отрок-ветер по самые плечи / Заголил на березке подол ...» [1; 1, с. 173].

Наиболее частотным образом, который олицетворяет собой русскую природу, является образ березы, столь любимой поэтом. Она воплощала в себе женское начало, считалась покровительницей юных девушек. В стихотворении «Письмо к сестре» поэт сравнивает девушку с березкой:

Березки!
Девушки-березки!
Их не любить лишь может тот,
Кто даже в ласковом подростковом
Предугадать не может плод [1; 2, с. 147].

Примером может служить и стихотворение «Микола», где поэт сравнивает березу с невестой:

Под березкою-невестой,
За сухим посошником,
Утирается берестой,
Словно мягким рушником [1; 2, с. 12].

Любопытно, что поэт именно березу наделяет всеми свойствами девушки, хотя в фольклорной традиции в соответствии с культом славянской Берегини она чаще сопоставляется с женщиной, матерью. В качестве примера приведем строки из стихотворения «Зеленая прическа...», посвященного Л.И. Кашиной:

Зеленая прическа,
Девическая грудь.
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд? [1; 1, с. 149].

В литературной работе С. Есенина, как и в народном творчестве, мы встречаемся и с обратным перенесением тех или иных свойств природы на человека. Так, в стихо-

творении «К теплому свету, на отчий порог...» поэт наделяет человека качествами березы: «Строен и бел, как березка, их внук...» [1; 4, с. 133].

В стихотворении «Певущий звон» поэт говорит о людях: «Все мы яблони и вишни голубого сада», поэтому так естественно звучат в его стихах слова о том, что «любимая отцветёт черёмухой» [1; 1, с. 243], что у его подруги «глаз осенняя усталость». [1; 1, с. 217]. О подобной персонификации говорит и А.И. Михайлов в своей книге «Пути развития новокрестьянской поэзии»: «Однако в противоположность Блоку, вообще символистам, неизменно подчеркивавшим «нездешнюю», неземную сущность своих идеальных героинь, Есенин идеальность облика своей ушедшей вслед за Лаурой, Беатриче и блоковской Незнакомкой возлюбленной воссоздает, так сказать, из земного «сырья» - из деталей реального мира природы, входящего в круг крестьянского бытия: «Со снопом волос твоих овсяных...», «Зерна глас твоих осыпались, завяли...» и т.д.» [5; с. 64].

Представление природных сил и явлений в образе человека применимы не только к характеристикам женского начала, но особенно сильно поэтический прием персонификации звучит там, где поэт говорит о себе, скорбя об утраченной молодости: «Ах, увял головы моей куст» [1; 1, с. 180], «головой моей жёлтый лист» [1; 1, с. 133]. «Был я весь, как запущенный сад» [1; 1, с. 212], - сожалеет он о прошлом. Варьируя этот прием, он все более углубляет его, создает ряд образов, внутренне связанных между собой: «Я хотел бы стоять, как дерево, при дороге на одной ноге» [1; 4, с. 158]; «Как дерево роняет тихо листья, так я роняю грустные слова» [6; с. 103]. И, наконец, даже не упоминая само древо, он вызывает этот образ словами: «Скоро мне без листвы холодеть» [1; 1, с. 175].

Особое место в поэзии С. Есенина отводится такому дереву, как клен. Именно ему поэт уподобляет своего лирического героя. Как пишет А. Марченко в своей книге «Поэтический мир Есенина», «позднее из зеленой толпы Есенин выделит самое золотое в русской осени древо - клен - за то, что «головой» на него «похож». И значение образа станет сложнее: уже не просто излюбленная деталь, своего рода обрезная печатка, но иносказательный автопортрет» [7; с. 45]. Связь поэта с кленом подтверждается и строками стихотворения «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»:

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?
Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а вовсю зеленым.
И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку [1; 4, с. 199].

Здесь клен выступает двойником поэта, а березка уподобляется чьей-то жене. С. Есенин не просто развивает идею происхождения человека от древа: он сам избирает клен как своего прародителя.

Необходимо обратить внимание на стихотворение «Я покинул родимый дом...», где ствол клена сравнивается с человеческой ногой: «Стережет голубую Русь / Старый клен на одной ноге...» [1; 1, с. 168]. В нем важен не только антропоморфизм. Исследователь М. А. Попова говорит о двойничестве: «В стихотворении «Я покинул родимый дом...» он (герой) тесно связан с элегическим хронотопом странничества. «Уход» лирического героя превращает здесь не только разрыв (пусть временный) родственных уз и обычаев, но и вынужденное «замещение» образом «древесного» двойника, который является плотью от плоти крестьянской вселенной, ее малым «мировым древо»».

Клен - двойник поэта, удалой парень с буйной копной непричесанных волос. Такое сопоставление обеспечивает круглая крона клена, похожая на копну волос или на шапку. Из этого первичного сходства и развился образ лирического героя: «Оттого что тот старый клен «Головой на меня похож...».

В стихотворении «Сукин сын» лирический герой грустит об ушедшей юности, которая «отшумела» [1; 1, с. 232], как подгнивший под окнами клен. Клен или явор в этнологических преданиях славян дерево, в которое превращен человек («заклят»).

Итак, мы видим, что в своем творчестве С. Есенин обращался к мифу, фольклору, народному искусству. В подтверждение данной мысли можно привести слова исследователя В.В. Коржина о том, что поэт неоднократно обращался к фольклорным истокам: «В связи с этим его творчество впитало в основном лишь отдельные крупницы обрядовой поэзии, которые, пройдя сквозь призму есенинского мироощущения, органически вплетались в произведение художника» [8; с. 211].

Библиографический список

1. Есенин С.А. Собрание сочинений: В 6т. М.: Художественная литература, 1979.
2. Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М.: Индрик, 1999.
3. Дендронимы в творчестве С. Есенина// Есенинское энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 111-летию со дня рождения С.А. Есенина. Москва- Константиново-Рязань. 2007. С. 189-200.
4. Даньдань У. Традиции фольклора и авангарда в поэзии С.А. Есенина 1910-х годов./ У. Даньдань.- Автореф. дисс. к.ф.н. М.,2013.
5. Михайлов А. И. Пути развития новокрестьянской поэзии. М.: Ленинград Наука,1990.
6. Есенин С.А. Избранные сочинения. М.: Художественная литература,1983.
7. Марченко А. Поэтический мир Есенина. М.: Советский писатель,1972.
8. Базанов В.Г.Есенин и русская поэзия. Л.: Наука,1967.

References

1. Esenin S.A. Collected works in 6 vol. M., 1979.
2. Tsivyan T.V. Motion and way in Balkan picture of the world. Research on text structure. M., 1999.
3. Dendronyms in S.Esenin's works // Esenin encyclopedia: Conception. Problems. Prospects. Moscow-Konstantinovo-Pyazan. 2007. P. 189-200.
4. Dandan W. Tradition of folklore and avant-guard in S.A. Esenin's verse of the 1910s. годов. М., 2013.
5. Mikhailov A. I. The ways of development of new peasant poetry. M.,1990.
6. Esenin S.A. Selected works. M.,1983.
7. Marchenko A. Esenin's poetic world. M.,1972.
8. Bazanov V.G. Esenin and Russian poetry. L.,1967.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 801.3=82(045/046

Воронежский государственный архитектурно-строительный

Старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

Сычёва Л.В.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 271-50-48;

e-mail: luvas@inbox.ru

Voronezh state university of architecture and civil engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication

Senior lecturer Sychyova L.V.

Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48;

e-mail: luvas@inbox.ru

Л.В. Сычёва

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматриваются и анализируются принципы функционального использования иноязычных вкраплений, введённых в художественные тексты в связи с их национально-культурной спецификой.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, речевая ситуация, билингвизм.

L.V. Sychyova

TO THE QUESTION OF CONNECTION BETWEEN THE ELEMENTS OF FOREIGN LANGUAGES WITH NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF FICTION TEXTS OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENT.

In the article we concern and analyze the principles of functional usage of the elements of foreign languages brought into literary texts in connection with their national and cultural specificity.

Key words: elements of foreign languages, speech situation, bilingualism.

Иноязычные вкрапления, представляющие собой слова, словосочетания, фразы, отрывки текста и тексты на иностранном языке, включённые в русскую речь без изменений или с теми или иными изменениями, являлись предметом изучения многих лингвистов (А.А. Леонтьев, Л.П. Крысин, А.М. Бабкин, Н.А. Колесова, Ю.Т. Листрова-Правда и др.).

Иноязычные вкрапления появляются в речи в результате языкового контактирования. Языковой контакт определяется в лингвистической литературе как «попеременное использование двух и более языков одними и теми же лицами» [5; с. 61-81]. Нужно согласиться и с тем, что «особо большое значение приобретает изучение языковых контактов в тех странах, где существуют иноязычные народности, т.е. языковые контакты проходят там с большей интенсивностью» [1; с. 122-133].

Сказанное относится и к нашей стране, занимающей по числу населяющих её разноязычных этнических групп первое место в мире. Языки вступают в контакт со вступлением в контакт народов, говорящих на них. Языковые контакты приводят к формированию дву- и многоязычия (би- и полилингвизма). Верно то, что «причиной двуязычия являются социальные факторы, разные в различные исторические периоды, а его целью – обслуживание разных видов общения или отдельных социальных слоёв коллектива» [4; с. 14].

В лингвистической литературе описаны разные типы двуязычия, связанные с разной степенью владения языками и другими признаками. Чтобы ни являлось причиной билингвизма, индивид, владеющий двумя или несколькими языками, испытывает желание говорить на чужих языках (например, проверить своё умение общаться на них, продемонстрировать знание иностранного языка в силу его престижности или по другим причинам). Различают билингвизм активный, который предполагает владение вторым языком в его устной и письменной форме, и билингвизм пассивный, предполагающий неполное, частичное владение вторым языком. Для исследуемого нами периода характерен активный билингвизм, хотя наблюдается заметная тенденция к пассивному билингвизму.

При языковых контактах решающую роль играет языковая ситуация. Языковая ситуация – это «живое, динамичное объединение языковых образований на основе их функционирования в общей внеязыковой среде» [6; с. 30].

Языковая ситуация формируется под влиянием преимущественно экстралингвистических факторов, но «организация» языковой ситуации со стороны институтов общества возможна лишь на определённом этапе её формирования. При формировании языковой ситуации имеет значение как «сознательный» элемент, так и «стихийный». «Сознательное воздействие общества на язык проявляется на разных уровнях и в различных формах: 1) общество может способствовать развитию языка или постепенному выходу его из употребления; 2) общество располагает возможностями расширять социальные функции языка путём создания письменности, путём организации обучения в школах, вузах, издания литературы и т.д.; 3) общество вправе регулировать процессы взаимодействия языков, в частности, направлять должным образом иноязычные взаимодействия» [2; с. 180-181].

Одним из признаков иноязычных вкраплений (ИВ) считается их неассимилированность, неосвоенность, употребление часто в графике языка-источника, но этим признаком обладает лишь часть ИВ. Большая часть ИВ удовлетворяет признаку их окказиональности (невоспроизводимости в литературной речи), но есть узуальные ИВ, регулярно используемые в тот или иной период развития русской литературной речи в определённых речевых стилях и составляющие международный фразеологический фонд (МФФ).

Стилистическое использование ИВ определяется содержанием сообщения, в которое они включены. «Национально-культурное своеобразие содержания сообщения имеют прежде всего тексты (оригинальные или переводные), изображающие вариативную или стандартные речевые ситуации, требующие от контактирующих использования иностранного языка или ИВ» [3; с. 27].

В стандартных речевых ситуациях вербальное и невербальное поведение человека подчиняется определённым законам. «К числу вариативных речевых ситуаций мы относим такие, в которых форма речи существенно меняется в зависимости от обстоятельств» [3; с. 29]. Для нашего исследования важно использование сконструированной типовой речевой (вариативной) ситуации, которая «характеризуется набором признаков, влияющих на выбор языка общения и характер проявления двуязычия у билингвов: 1) место языкового контакта (родная страна, заграница); 2) характеристика контак-

тирующих (национальность, социальный статус, пол, гражданство); 3) степень владения родным и иностранным языком (от нулевого до «в совершенстве»); 4) цель общения (установка на качество речи)» [3; с. 27].

ИВ, введённые в текст в связи с его национально-культурной спецификой, могут обозначать предметы и явления нерусской культуры, участвовать в изображении жизненных или сюжетных ситуаций, где в качестве действующих лиц выступают носители нерусской культуры. Национально-культурная специфика текста складывается из многих составляющих, в том числе из участия в речевом акте персонажей-билингвов, из изображения реалий чужой культуры или действия, происходящего в условиях чужой культуры, и некоторых других.

В оригинальных русских текстах ИВ классифицируются следующим образом:

1. Непосредственно связанные с национально-культурной спецификой содержания сообщения, участвующие в изображении речевой стандартной ситуации, при которой контактирующие пользуются только иностранным языком. Это бывает в тех случаях, когда, кроме своего родного, иностранцы никакого другого языка не знают (таких вкраплений сравнительно немного). Например, у И.А. Бунина в рассказе «Господин из Сан-Франциско» герой американец разговаривает со слугой итальянцем /-*Na sonato, signore? ... - Yes, come in.../; /- Не хабар? – спросил Хаджи-Мурат старика, т.е.: «что нового?» - Хабар нок – «нет нового», - отвечал старик (Толстой. Хаджи-Мурат).*

В исследуемом материале представлена также ситуация, когда один участник коммуникации – нерусский, владеющий только родным языком, а другой – билингв, знающий и родной язык (русский), и язык своего собеседника. Так, в повести Л.Н. Толстого чеченец Хаджи-Мурат общается с русскими офицерами с помощью переводчика, знающего одинаково хорошо два языка.

Довольно многочисленны случаи изображения авторами ситуаций, когда нерусский собеседник-билингв знает (часто плохо) русский язык, а русский не знает языка своего собеседника. Так, в повести А.В. Амфитеатрова «История одного сумасшедшего» немка изъясняется при помощи контаминированной русской речи (присутствует интерференция на фонетическом, грамматическом и синтаксическом уровнях). «- Я очень помнил. Потому что каспадин был очень *bleich* (бледный), и я очень себе много удивлений давал, зачем такой *braver Herr* есть так много очень *bleich*». В рассказе К.М. Станюковича «Максимка» персонаж-китаец также объясняется при помощи контаминированной на фонетическом уровне речи. «- Фуляски... любахи... люсиан!»

В исследованном материале представлена также ситуация, когда русский персонаж, желая войти в речевой контакт с персонажем-иностранцем, не знающим русского языка, вынужден использовать свои (часто минимальные) знания иностранного языка. Так, в романе К. Станюковича «Вокруг света на «Коршуне» русские моряки общаются с французскими контаминированной на фонетическом уровне русской и французской речью. «- Але наверх, водку пить... У нас, братец, водка бон, понимаешь. Шнапс тре бон... очень вкусна напитка! – продолжает матрос, уверенный, что коверкание своих слов в значительной мере облегчает понимание».

В материале присутствуют ИВ, участвующие в изображении вариативной речевой ситуации, при которой используются как иностранный, так и русский языки, так как общение осуществляется билингвами. Например, в речи персонажей А.В. Амфитеатрова многочисленны французские вкрапления, полные, частичные, разных типов в графике языка-источника, передающие особенности речи представителей высшего общества России, для которой были естественны ИВ, если даже использовался при общении русский язык. «- Вообрази, встретил меня Мезезов, - министры уверяют, будто *notre belle et toujours charmante Levantine* болела – *passons le mot!*» (Деревенский гипно-тизм).

К этому же разряду относятся вкрапления, обозначающие тему (предмет) сооб-

щения, имеющую национально-культурную специфику, например, итальянские вкрапления – названия улиц, площадей, театров в произведениях Б.К. Зайцева, посвящённых Италии.

2. Иноязычные вкрапления, косвенно связанные с национально-культурной спецификой содержания сообщения, например, название на латинском языке второй книги романа Д. Мережковского «Леонардо да Винчи», описывающего события эпохи Возрождения в Италии: *Esse duos – esse homo*.

3. Ассоциативно связанные с национально-культурной спецификой содержания сообщения. Так, полным французским вкраплением является цитата из произведения Гюстава Флобера, ассоциативно связанная с национально-культурным содержанием сообщения, которую вводит К. Бальмонт в качестве эпиграфа к своему стихотворению.

4. Никак не связанные с национально-культурной спецификой содержания сообщения, представляющие собой, как правило, слова и выражения из европейских языков, вошедшие в МФФ. Например, К.М. Станюкович вводит в авторскую речь повести «Свадебное путешествие», действие которой разворачивается в России, французское вкрапление, относящееся к МФФ: *A la guerre... come a la guerre*. То же делает Б. Зайцев в рассказе «Мой вечер»: В кадрили мы были визави.

Одно и то же ИВ, включённое в текст художественного произведения, может выполнять двойную функцию: в рамках речи отдельного персонажа не связываться с национально-культурной спецификой содержания его речи, но в рамках целого произведения быть связанным с национально-культурным своеобразием его содержания (передавать вариативную ситуацию, придуманную автором, в которой действуют русские билингвы), так как включение ИВ в речь персонажей отражает сложившиеся культурные традиции употребления иностранных языков в русском обществе в данный период времени.

Традиция XIX века «украшать» вкраплениями из МФФ речь автора в художественных произведениях сохраняется и в русской литературной речи XX века. Запас международных фразеологических выражений в исследованном материале обширен как по разнообразию языков, на основе которых он сложился, так и по типу заимствованных фразеологизмов. Они включают в себя отдельные слова и целые фразеологические сочетания и по своему происхождению связаны с классическими или новыми европейскими языками.

В составе иноязычных фразеологизмов значительное место принадлежит цитатам и отрывкам из низ, употребляющимся нередко без ссылки на их источник (*Natura parendo vincitur* В. Вересаев); *Noli tangere circulos meos* (А. Блок). Являясь стилистическим средством речевого выражения, такие цитаты, даже с предельно кратким контекстом, обладают яркой экспрессивно-эмоциональной насыщенностью, что обеспечивает их живучесть в языке.

Высокой степенью идиоматичности обладают пословицы и поговорки, являющиеся узуальными, многие из которых совершенно не поддаются переводу и используются в оригинале (у И. Бунина *Repetitio est mater studiorum*; у А. Чехова *Plenus venter non student libenter*).

Большое распространение приобретает использование латинских и итальянских выражений. Это прежде всего химические, анатомические, биологические и музыкальные термины («pubertas», «nocturne», «Passionata», «allegretto»).

Иноязычные выражения в авторской речи часто передаются в русской транскрипции. Это, как правило, связано с ироническим отношением к тому, что они обозначают, или с насмешкой над лицом, которое их произносит (у Тэффи «Вместе ехать в буатку»; у А. Белого «... сепаратные тэт-а-тэты»).

Иноязычные вкрапления часто используются в качестве названий сборников стихов, стихотворных циклов, в качестве эпиграфов (*ex oriente lux* (В. Соловьёв); *Urbiet*

orbi (В. Брюсов).

Для русской литературной речи указанного периода было характерно использование окказиональных и узуальных ИВ в «престижной» функции для украшения речи образованных людей и в силу профессиональной специфики авторов и их персонажей. Нужно отметить, что общее количество ИВ в произведениях снизилось по сравнению с текстами этого стиля второй половины XIX века. Традиции отбора и ввода вкраплений в тексты, сложившиеся в XIX веке в русской литературной речи, продолжают в исследуемый период не все авторы, а только те, которые сложились как личности на культурных традициях XIX века.

Библиографический список

1. Верещагин Е.М. Психолингвистическая проблематика теории языковых контактов // Вопросы языкознания. – 1967.- №6. 215 с.
2. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории. М: Наука, 1977. 287 с.
3. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. – Воронеж, 1986. 144 с.
4. Проблемы двуязычия и многоязычия./ Ред колл. Азимов П.А. (отв. ред.), Дешериев Ю.Д., Филин Ф.П. и др. – М.: Наука, 1972. 362 с.
5. Хаугэн Э. Языковой контакт. // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. 415 с.
6. Языковые ситуации и взаимодействие языков. – Киев: Наукова думка, 1989. 380 с.

References

1. Vereshchagin E.M. Psycholinguistic problems of theory of language contacts // Questions of linguistics. – 1967.- Vol. 6. 215 p.
2. Desheriev J.D. Social linguistics: To the basis of general theory. M., 1977. 287 p.
3. Listrova-Pravda J.T. Selection and usage of the elements of foreign languages in Russian literary speech of the 19th cent. – Voronezh, 1986. 144 p.
4. Problems of bilingualism and multilingualism/ Ed. Asimov P.A., Desheriev J.D., Filin F.P. – M., 1972. 362 p.
5. Haugen E. Language contact // New in linguistics. – M., 1972. – Iss. 6. 415 p.
6. Language situations and interaction of languages. – Киев, 1989. 380 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

УДК 802.0 : 625.712

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный
университет
Старший преподаватель кафедры
иностраных языков Крячко Л.Н.
Россия, г. Воронеж, тел. (4732)52-61-17;
e-mail: liliyankriatchko@mail.ru*

*Voronezh state university
of architecture and
civil engineering
The chair of foreign languages
Senior lecturer Kriachko L.N.
Russia, Voronezh, tel. (4732)52-61-17;
e-mail: liliyankriatchko@mail.ru*

Л.Н. Крячко

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ ВАРИАНТОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ ПОДЪЯЗЫКА ДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются типичные для современного английского подъязыка дорожного строительства варианты элементы и отношения. Приводится классификация терминов-вариантов исследуемого корпуса. Анализируются различные подходы к явлению вариантности в языке.

Ключевые слова: вариант, вариантность, термин, терминологическое словосочетание (ТСС).

L.N. Kriachko

ON SOME TYPES OF VARIANTS IN ENGLISH ROAD BUILDING TERMINOLOGY

The paper centers round some variant elements and relations typical of English road building terminology. The classification of the terms-variants is represented. Different approaches to the phenomenon of the linguistic variance are considered.

Key words: variant, variance, term, terminological word combination.

Кроме константных элементов и отношений, в языке, как известно, наблюдаются варианты элементы и отношения.

По данным, приведенным Ю.В. Сложеникиной в статье, посвященной метаязыку теории вариантности, степень избыточности речевого кода составляет около 50%. Это значит, что количество форм для выражения значений в два раза превосходит само количество этих значений, определенных человечеством за всю историю его развития. Такое разнообразие выразительных возможностей языка создается благодаря наличию в нем вариантных отношений, что делает проблему изучения языковой вариантности одной из первостепенных [1; с. 50].

Начало изучению проблемы вариантности в русском языке положили работы В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого, О.С. Ахмановой. Проблема вариантности во второй половине XX века получила интенсивную разработку в трудах отечественных и зарубежных лингвистов (Ч. Огден, Д. Ричардс). Рассматривалась возможность выделения учения о языковой вариантности – вариологии в качестве самостоятельного раздела лингвистики.

В современном широком употреблении под термином *вариантность* понимается существование, по крайней мере, двух модификаций (формальных или семантических) одной и той же языковой единицы (фонемы, морфемы, лексемы, синтаксической конструкции, семантического комплекса) [1; с. 50].

Целью нашего исследования является рассмотрение *некоторых типов формальных вариантов* англоязычных терминов (единиц, которые совпадают по своему значению, но отличаются по форме выражения), встречающихся в подязыке дорожного строительства.

Источниками материала исследования послужили: 1. *Русско-английский терминологический словарь инженера-дорожника* (под ред. проф. В.П. Подольского), включающий около 3000 терминов; 2. *Большой англо-русский политехнический словарь* (около 200000 терминов); 3. Публикации по проблемам дорожного строительства из американского периодического издания *Engineering News Records* за 2002-2003 гг.

Варианты, обусловленные экстралингвистическими факторами

Явление терминологической вариантности может быть обусловлено как **экстралингвистическими**, так и **внутренними языковыми факторами**. К экстралингвистически обусловленным в подязыке дорожного строительства можно отнести **британский** (В.Е.) и **американский** (А.Е.) варианты терминов.

Например: дорожная насыпь – В.Е. - embankment; А.Е. - fill; движение транспортных средств, предназначенных для перевозки пассажиров - В.Е. - passenger traffic; А.Е. - commuter traffic.

В большой степени влиянием экстралингвистических факторов, таких, например, как: контакт с иностранным языком и культурой, возрастание интернациональности науки и, вместе с тем, следование научным традициям, взаимная приспособляемость участников речевого контакта, - обусловлено использование в исследуемом подязыке **лексических заимствований**, которые употребляются в качестве альтернативы английским терминологическим единицам.

В качестве вариантов в исследуемой терминологии используются также **заимствования из разных языков**:

Так, значение *яркость* может быть выражено исконно английским словом *brightness* и словом латинского происхождения *luminance*. Значение *чернозем* может выражаться термином русского происхождения *chernozem* и английскими терминологическими словосочетаниями *black earth, black earth soil*. Подобным образом: *бархан* - *bar-khan* и *sand hill*.

Варьируются с помощью лексических заимствований и компоненты терминологических словосочетаний (далее ТСС).

Например: портландцемент гидрофобный – ТСС с компонентом английского происхождения - *water-repellent portland cement*; ТСС с компонентом – заимствованием из греческого языка - *hydrophobic portland cement*;

эмульсия медленнораспадающаяся - ТСС с компонентом исконно английского происхождения *slow-broken emulsion*; ТСС с компонентом – заимствованием из латинского языка – *slow-disintegrating emulsion*.

Например: напряжения температурные – ТСС с компонентом латинского происхождения – *temperature stress*; ТСС с компонентом греческого происхождения – *thermal stress*; солонцы (засоленные грунты) – термин арабского происхождения – *alkali*; термин русского происхождения – *solonchak*.

Лингвистически обусловленные варианты

По детерминирующим *внутренним языковым признакам* можно выделить:

I. Морфологические/словообразовательные варианты следующих подтипов:

1. Оба термина – однокоренные слова, принадлежащие к одной части речи, но одно из них образовано аффиксальным способом, а второе – совпадает с корневой основой:

Например: *coating*; *coat* – дорожное покрытие;
flooring; *floor* – настил.

2. Компоненты ТСС – однокоренные слова, принадлежащие к одной части речи, но один из компонентов – образованное аффиксальным способом слово, а второй – слово, совпадающее с корневой основой:

Например: *timber flooring on soft ground*; *timber floor on soft ground* – слань (деревянные настилы, устраиваемые на слабых грунтах в основании насыпи, обеспечивающие равномерное распределение нагрузки);

side slip; *side slipping* – занос боковой;
design slab thick; *design slab thickness* – толщина плиты расчетная
soil lumping; *soil lump* – грунтовый агрегат (комки грунта).

3. Оба термина – однокоренные, слова, образованные аффиксальным способом, но с помощью разных суффиксов, принадлежащие к одной части речи:

Например: *emulsification*; *emulsifying* – эмульгирование (процесс получения эмульсии);

aligning; *alignment* – трасса дороги.

4. Оба компонента ТСС – однокоренные, слова, образованные аффиксальным способом, но с помощью разных суффиксов, принадлежащие к одной части речи:

Например: *movable load*; *moving load* – подвижная нагрузка;

electric conduction; *electrical conduction* – электрическая проводимость.

5. Компонент одного из ТСС - производное слово, имеющее общую корневую основу с компонентом второго ТСС, который является словом, совпадающим с корневой основой. Оба слова принадлежат к разным частям речи.

Например: *wearing layer*; *wear layer* – слой износа;

asphaltic tar; *asphalt tar* – битумодеготь.

6. Компоненты ТСС – однокоренные производные слова, принадлежащие к разным частям речи:

Например: *drier drum*; *drying drum* – барабан сушильный;

reversed lane; *reversible lane* – полоса реверсивная;

deformation joint; *deformable joint* – шов деформационный.

7. Оба термина – сложные слова, варьируется одна из основ:

Например: *berghatch*; *bergdash* – бергштрихи (указатели уклона)

berg (айсберг; ледяная гора); *hatch* (штрих); *dash* (штрих);

footpath; *footway* – дорожка пешеходная;

wood-road; *forest-road* – дороги лесовозные.

8. Варьируется форма числа. Термин в форме множественного числа имеет соответствующее окончание -(e)s:

Например: *flux*; *fluxes* – отходы доменного производства;

marl; *marls* – мергель (горная порода);

marble; *marbles* – мрамор.

Нетипичным для подъязыка дорожного строительства является варьирование с помощью префиксов. В материале исследования нами была обнаружена всего одна пара вариантов-терминов с различными префиксами:

Ср.: *exsiccator*; *desiccator* – эксикатор (стеклянный сосуд для хранения лабораторных образцов).

II. Лексические варианты – разнокоренные термины-синонимы или ТСС, компоненты которых являются разнокоренными синонимическими единицами.

Э.Д. Головина пишет: «Формальные межсловные варианты суть синонимы. Это разные самостоятельные лексические единицы, обладающие тождеством ядерного лексического значения, но частично или полностью различающиеся в плане выражения ...» [2; с. 61].

О возможности включения разнокоренных синонимических единиц в разряд вариантов, отталкиваясь от факта существования двух подходов к языковым явлениям при исследовании феномена вариантности - физического и функционального, высказывается также С.Г. Бережан: «Физическая концепция характеризуется стремлением установить определенную зависимость между степенью физических (материальных) отличий означающих разных элементов и их означаемыми. Функциональная же концепция предполагает выделение функциональных единиц и проведение сопоставлений уже на уровне этих функциональных единиц. При таком подходе диапазон варьирования лексических единиц значительно расширяется: в качестве лексических позиционных вариантов предстанут не только однокоренные слова с разными, но омосемичными аффиксами, а в равной степени и разнокоренные слова, которые до сих пор никто не признавал вариантами» [3; с. 36-37].

Исследуя явление вариантности непосредственно в области терминологии, К.Я. Авербух подчеркивает, что «термин – понятие функциональное (т.е., субстанционально являясь словом или словосочетанием, термин отличается от других лексических единиц тем, что исполняет функции знака профессионального понятия). В этой связи вполне естественным представляется функциональный подход к исследованию вариантности термина, ибо именно установление тождества функций у сопоставляемых единиц номинации является необходимым и достаточным для констатации отношений вариантности между ними. Исходя из того, что функция термина – быть знаком профессионального понятия, инвариантом для ряда вариантов термина, различающихся исключительно в плане выражения, будет план содержания, точнее та его часть, которая соотносится с выражаемым понятием (сигнификатом). ... для термина возможности варьирования плана выражения ограничены лишь способностью выражать то же самое понятие. Только в том случае, когда выражаемое варьирующейся единицей понятие становится отличным от функционально обусловленного, можно говорить о появлении нового термина, - функционально иной единицы номинации» [4; с. 38- 39].

Исходя из вышеизложенного, к терминам-вариантам К.Я. Авербух относит термины и ТСС – синонимы по денотату и по сигнификату, то есть, обозначающие один и тот же объект и выражающие одинаковое понятие о нем.

Ср.: *screen; sieve* – грохот (один из видов обогатительного оборудования для сортировки песчаных, гравийных, щебеночных и других сыпучих материалов);

route; aligning – трасса дороги;

deicing material; anti-icing agent – противогололедные материалы;

air primary impurities; air primary pollutants – первичная примесь в атмосфере (примесь в атмосфере, сохранившая за рассматриваемый интервал времени свои физические и химические свойства).

Также к группе терминов-вариантов К.Я. Авербух относит синонимы по сигнификату, т.е. лексические единицы, у которых при совпадающем сигнификативном значении различны и знаки, и обозначаемые реалии. Автор подчеркивает, что данные варианты параллельно используются в основном в публицистике и научно-популярной литературе как взаимозаменяемые наименования, но они нетипичны для научного дискурса [4; с. 42-43].

Действительно, в исследуемом материале мы обнаружили всего одну пару вариантов-синонимов по сигнификату:

Ср.: *forecast; prediction* – прогноз; предсказание.

Уточним значения синонимов:

Прогноз – «заклучение, вывод о предстоящем развитии и исходе чего-нибудь на основании каких-нибудь данных». [5; с. 555].

Предсказание – «более или менее интуитивное определение вероятного события или времени его наступления, нередко (активно) неизвестных науке. В отличие от прогноза, предсказание машинно не моделируется, так как это продукт логического мышления, основанного на автоматическом учете порой мало осознанных деталей и фактов, «подкорковых» ассоциаций. Точное предсказание доступно лишь людям, обладающим талантом предсказания и очень широкими знаниями» [6; с. 180].

Таким образом, это две различные реалии, но вследствие заметного сходства цели – обрисовать картину будущего – становится возможным параллельное их использование при условии некоторого метонимического переосмысления термина *prediction*. (Если быть более точными, здесь мы имеем дело с синекдохой, так как *предсказание* более широкое понятие, которое может включать в себя и *прогноз*. Таким образом, мы можем говорить о соотношении целого и части).

Ср.: *environmental effect prediction (forecast)* – прогноз воздействия на среду (предсказание изменений в природной среде в результате воздействия на нее проектируемого, строящегося или недавно введенного в эксплуатацию производственного предприятия, сооружения или их совокупности).

III. Лексико-синтаксические варианты следующих подтипов:

1. Варианты, связанные с перестановкой лексических компонентов и изменением структуры ТСС. При этом возможно появление дополнительных компонентов в структуре одного из вариантов:

Например: *sensitivity threshold; threshold of sensitivity* – порог воздействия;

pile cluster; cluster of piles – группа свай, забитых в грунт;

density of traffic; traffic flow density – грузонапряженность дороги;

hot-mix asphalt; hot asphalt concrete mix – асфальтобетонная смесь горячая;

warm-mix asphalt; warm asphalt concrete mix – асфальтобетонная смесь теп-

лая;

cold-mix asphalt; cold asphalt concrete mix – асфальтобетонная смесь холод-

ная;

working front; front of work – фронт работ.

2. Варианты, создаваемые подстановкой синонимов в ТСС, изменением структуры и представляющие собой конкретное выражение тенденции к разнообразию использования языковых средств на уровне речи:

Например: *no-failure operation; freedom from failure; failure-free performance* – безотказность (безотказность объекта сохранять работоспособность без вынужденного перерыва);

non-waste technology; waste-free technology – безотходная технология;

radiation of sound; acoustical radiation – излучение звуковое;

part of length of building section; length of special road building – длина специализированного потока (длина участка строящейся дороги, занятая одной специализированной бригадой).

Все описанные выше типы явлений терминологической вариантности, встречающиеся в подязыке дорожного строительства, характеризуются как универсальные (внеконтекстные), регистрируемые в сфере фиксации терминов, они носят название **парадигматических вариантов**.

В подязыке дорожного строительства встречаются также **синтагматические варианты** – локальные явления терминологической вариантности, возникающие только в определенном контексте сферы функционирования.

Синтагматические варианты

I. Аббревиатура:

1. Акроним (буквенная аббревиатура):

Например: Orange County Transportation Authority; ОСТА – Транспортное управление графства Оранж;

California Public Transportation Company; СРТС – компания общественного транспорта штата Калифорния.

2. Усечение (контрактура):

Например: California; Calif. – штат Калифорния;

Department; Dept. – управление, министерство (транспорта).

II. Эллипсис – пропуск в речи легко подразумеваемого слова. Продукт эллипсиса – краткий и неполный вариант термина:

Например: *bituminous mixing plant; mixing plant* – асфальтосмесительная установка;

stone paving blocks; stone blocks – брусчатка каменная;

green hedge; hedge – изгородь живая;

traffic lane; lane – полоса движения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в подъязыке англоязычной дорожно-строительной терминологии встречаются разнообразные типы терминологических вариантов. Это *парадигматические* варианты, отражающие присущую языку специальности, способность к варьированию, и *синтагматические* варианты, репрезентирующие такое свойство языка, как лапидарность, стремление к экономии.

Парадигматические варианты включают *варианты, обусловленные экстралингвистическими факторами (британский и американский варианты терминов, термины-заимствования)* и *варианты, обусловленные лингвистическими факторами (морфологические / словообразовательные, лексические и лексико-синтаксические варианты)*. Синтагматические варианты включают *аббревиатуры и эллипсисы*.

Библиографический список

1. Сложеникина Ю.В. К вопросу о метаязыке теории вариантности//Филологические науки, 2005. N2. С. 50-58.
2. Головина Э.Д. К типологии языковой вариантности//Вопросы языкознания, 1983. N2. С. 58-63.
3. Бережан С.Г. К проблеме лексической вариативности. – В кн.: Вариантность как свойство языковой системы. М., 1982. 1599 с.
4. Авербух К.Я. Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты// Вопросы языкознания, 1986. N6. С. 38-49.
5. Словарь русского языка/Составитель С. И. Ожегов. – 3-е изд. - Государственное издательство иностранных и национальных словарей, Москва, 1953, 848 с.
6. Русско-английский терминологический словарь инженера-дорожника/Под редакцией профессора В.П. Подольского, 1999. 328 с.

References

1. Slozhenikina Y.V. On the meta-language of the theory of variance//Philology, 2005. N2. Pp. 50-58.
2. Golovina E.D. On the typology of linguistic variance//Problems of Linguistics, 1983. N2. Pp. 58-63.

3. Berejan S.G. On the problem of lexical variation.//The variance as a property of the language system. Moscow, 1982. 1599 p.
4. Averbuh K.Y. Terminological variance: theoretical and applied aspects//Problems of Linguistics, 1986. N6. Pp. 38-49.
5. Russian language dictionary/Compiled by S.I. Ozhegov. - 3rd ed. Moscow, 1953. 848 p.
6. Russian-English dictionary of terminology for road building engineers/Edited by Professor V. P. Podolsky, 1999. 328 p.

УДК 81'362'367.622.13: 811.161.1: 811.163.41

*Мордовский ордена Дружбы народов
государственный университет имени
Н.П. Огарёва
Кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
Кабанова С.А.
Россия, г. Саранск, тел. 8 (8342) 47-95-01;
e-mail: kabanovas1@rambler.ru*

*Mordovia state university named after
N.P. Ogarev
The chair of the Russian language
Associate professor Kabanova S.A.
Russia, Saransk, tel. 8 (8342) 47-95-01;
e-mail: kabanovas1@rambler.ru*

С.А. Кабанова

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ СУБСТАНТИВНЫЕ ФОРМЫ В СЕРБСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье анализируются предложно-падежные субстантивные формы – компоненты несвободных сочетаний разных типов, выступающие в предикативной и непредикативной функциях. Рассматриваются семантические особенности и синтаксическое употребление данных форм, а также соответствия в передаче их с сербского языка на русский и наоборот.

Ключевые слова: фразеологизм, синтаксически несвободное сочетание, терминологически устойчивое сочетание, предложно-падежная форма, составное именное сказуемое, атрибут, придаточная атрибутивная.

S.A. Kabanova

RUSSIAN AND SERBIAN PREPOSITIONAL-NOMINAL FORMS FUNCTIONING AS PHRASEOLOGICAL UNITS

The article touches upon prepositional-nominal forms – components of multitype set expressions in predicative and non-predicative functions. There are analysed the semantic properties and syntactic use of those forms, as well as their corresponding forms in Russian and Serbian.

Key words: prepositional-nominal forms, compound nominal predicate, attribute, attributive clause.

В сербском и русском языках в роли одного из компонентов составного сказуемого нередко выступают предложно-падежные формы локатива слов *стање* и *снага*, ча-

сто в сочетании с определением, которым в русском языке соответствуют формы предложного падежа слов *состояние* и *сила*, часто в комплексе с атрибутивным распространителем. С компонентом *стање* образуются следующие типы несвободных сочетаний:

© Кабанова С.А., 2013

1) фразеологизмы: словари отмечают следующие устойчивые сочетания со словом *стање* «состояние»: *у напитом стању* «в состоянии опьянения», ср. рус. **в подпитии** [1; с. 187], *стање воде* «уровень воды», **бројно стање** «численность», *жена у другом стању* «женщина в интересном положении (беременная)» [2; с. 567], имеющее эвфемистический характер, *бити у благословеном (другом) стању* «быть беременной», *бити у стању* «быть способным, могущим что-то сделать или перенести», ср. рус. **быть в состоянии**, *довести у исправно стање* «исправить; починить», *довести у првобитно стање* «сделать что-то таким, как раньше», ср. рус. **привести в первоначальное состояние** [3; с. 1266]. В русском языке фиксируются следующие фразеологизмы со словом *состояние*: **быть в состоянии** (делать что) – «обладать возможностью, мочь» [4:4; с. 209]; **быть (находиться) в зачаточном состоянии**, т.е. «быть в первоначальной стадии развития, на низком уровне» [5; с. 661];

2) терминологические устойчивые сочетания: серб. **радно и трпно глаголско стање** «активный и пассивный залог» (лингв.) [3; с. 1266];

3) синтаксически несвободные сочетания с частично десемантизированной субстантивной формой в комплексе с облигаторным распространителем, создающим семантику именной части сказуемого. Грамматические значения времени, числа и лица выражают глаголы-связки или полнознаменательные глаголы со значением движения, перехода в другое состояние, положения в пространстве, реже – других семантических групп: серб. *У неком полубудном стању, што му се већ чињаше као и умирање, при-мао је офицере и гласнике које му дотураше Беренклау, са наредбама и вестима о опсади* [6:1; с. 150]; рус. *Старшая группа скоропостижно забыла все стихи, которые разучивала без малого месяц, – и потому директриса детсадика была в предынфарктном состоянии. Во всяком случае, она так говорила: «Я в предынфарктном состоянии!»* [7; с. 172].

Конструкции с предложно-падежными формами слов *стање* и *состояние* в сочетании с атрибутивным распространителем, выступающие в функции присвязочного члена составного именного сказуемого и полупредикативной роли, могут выражать прежде всего:

1) состояние **беременности**: серб. *Ана је била остала у другом стању* [6:2; с. 372];

2) **болезненное состояние**: серб. *На путу до Леобена, Исакович је дремао у колима, у стању које је личило на грозницу, од које су, у то време, у његовом завичају, сви, често, патили* [6:2; с. 447] (в данном случае форма *у стању* требует распространителя в виде придаточной атрибутивной восполняющего типа – выражающей основное значение состояния);

3) состояние **полусна** (см. пример выше);

4) состояние **физического и нервного напряжения**: рус. *Санька согласно кивнул головой, всё ещё продолжая оставаться в том напряжённо-бойцовском состоянии, которое хорошо известно тем, кто хоть однажды глядел в тупые глаза смерти* [8; с. 256] (подобное состояние испытывается лицом, находящемся в экстремальной ситуации, и даже при положительном её разрешении данный тип состояния продолжается в течение некоторого времени, хотя лицо-носитель его и реагирует на вопросы окружающих);

5) состояние **алкогольного опьянения**: рус. *Вышеуказанный Тимофей 25 сентября сего года заявился домой в состоянии крепкого алкоголя* [9; с. 23]. – ср.: **Пришёл** через час **пьяный** [9; с. 21]. – ср. в связи с этим состояние физиологической и эмоциональной расслабленности, обусловленное принятием спиртного, приводящее к эмоциональному взаимопониманию: *Потом пили за дружбу, за друзей, за искусство, и все мало-помалу захмелели и вступили в состояние благостного понимания и проникновения* [10; с. 156];

6) эмоциональное состояние **растерянности**: рус. *Вокруг этой дамы, находившейся в состоянии полного смятения, то приседающей, то порывающейся бежать куда-то, волновалась толпа...* [11; с. 159].

Выступая в роли вспомогательного компонента составного глагольного сказуемого, указанные предложно-падежные формы выражают:

1) состояние **возможности** совершения действия как выражение **способности его выполнения**, связанной с навыком владения соответствующим видом работы: серб. *Тврдо, тешко, дрво, после неколико дана, постаде меко у Павловој руци, и, пред полазак отуда, био је у стању да, за тили час, истеше Сунце – које се плази – у дрвету, лако, као да ножем, не дрво, него јабуку, љушти* [6:3; с. 187]. – И очень скоро твердое тяжелое дерево стало в руках Павла податливым, а перед отъездом он **мог** уже с легкостью **вырезать** восходящее солнце, словно резал не дерево, а яблоко [12:2; с. 213];

2) состояние **потенциальной возможности** совершения действия как выражение способности вести себя определённым образом: серб. *Она би била у стању да постави један услов: да ручају у Рицу. Чула је, каже, да се о њему прича да је био принц* [13:1; с. 194]. – Для неё **непременным условием** совместного обеда было бы посещение ресторана «Риц». Она не забывает о его аристократическом происхождении [14; с. 177];

3) состояние **возможности** совершения действия, связанной с объективными показателями: серб. *Будим, који је, у његовом детињству, био у стању да царству да неколико хиљада расцијанских ратника, није више постојао. Био је изумро и био се раселио* [6:2; с. 125]. – Той Буды, которая в пору его детства **могла выставить** несколько тысяч расцианских солдат, уже не существовало. Люди вымерли, расселились, разъехались [12:1; с. 283];

4) состояние **возможности** совершения действия, обусловленное отношением эмоциональной приязни или произведенным благоприятным впечатлением: серб. *Био је у стању да чека сатима, ма под каквим изговором, да је види како полази да спава, уморна од дима и кафе* [6:1; с. 51]. – Он **мог** часами под любым предлогом **ждать** минуты, когда она, устав от табачного дыма и кофе, идет на покой [12:1; с. 48]. – ср.: рус. – *Вот это станок так станок!* – *Кимка не в состоянии отвести глаз своих от великолепного французского. – На нем бы я поработал с полным удовольствием!*.. [8; с. 267–268];

5) состояние **невозможности** совершения действия – изменения отношения к предмету в силу прочной эмоциональной привязанности: рус. *И Рите вдруг стало ясно как божий день: так же глубоко, как обида, въелась в неё любовь, и ни **заменить**, ни **подменить**, ни даже **притвориться** она не в состоянии* [10; с. 70];

6) состояние **невозможности** совершения действия в силу причин финансовой несостоятельности: серб. *Накашљавајући се, уморно, почео је да прича, како он, и његова жена, нису у стању, овог месеца, да **положе отплату**, кредита, за хотел, који им је отворен, новцем сер Малкелма* [13:1; с. 367]. – Сорокин откашлялся и произнес осипшим, просительным, разделительно изменившимся голосом, который Репнин вначале не узнал. В этом месяце подходит срок уплаты очередного взноса по кредиту, внесенному за отель сэром Малькольмом. У них с женой совершенно **нет денег** [14; с. 321].

Устойчивое сочетание **у другом стању** может выступать и в роли несогласованного определения: серб. *Младић је посматрао вереницу у другом стању; слеже раменима, окрете главу и загледа се у свеће које су догоравале на малом подрумском гробљу* [15; с. 138]. – *Парень посмотрел на беременную невесту; пожал плечами, отвернулся и уставился на свечи, догоравшие на маленьком подземном кладбище* (перевод наш. – С.К.).

Атрибутивно-предикативный компонент строго позиционно не закреплён, хотя постпозиция подобного определения в ряде случаев ведёт к появлению добавочного значения усиления признака: рус. *План Берлиоза следует признать правильным: нужно было добежать до ближайшего телефона-автомата и сообщить в бюро иностранцев о том, что вот, мол, приезжий из-за границы консультант сидит на Патриарших прудах в состоянии явно не нормальном* [11; с. 55–56] (в рамках восприятия Берлиоза сидящий перед ним на скамейке «интурист» – сумасшедший, поскольку его заявления не соответствуют точке зрения Берлиоза, отрицавшего наличие Бога. – С.К.). – ср.: рус. *В этом успокоенном состоянии я медленно понимаю всё, что произошло...* [10; с. 32].

Атрибутивный компонент в конструкциях со словами **стање/состояние** выражен:

1) прилагательным в одной из степеней сравнения: серб. *Друмови у Аустрији били су тада, већ, у добром стању, па је брзо одмицао, а пртљаг су му прегледали свега једном, у Леобену* [6:2; с. 451] (в данном случае налицо качественное состояние предмета);

2) местоимением:

а) указательным: рус. *Из секретарской комнаты выбежал знакомый бухгалтеру заведующий первым сектором комиссии, но был в таком состоянии, что бухгалтера не узнал, и скрылся бесследно* [11; с. 195] (в подобных случаях местоимение лишь указывает на состояние, и потому в предложении требуется обязательное наличие придаточной приместоименно-определяющей, конкретизирующей содержание местоименной формы);

б) определительным: серб. *Што је било најлуђе, Виткович је причао да штап-квартира зна да је фенрик, или корнет, Вулин, Кумру напустио, а да је Кумра у другом стању* [6:3; с. 354]. – ср.: *Откуд код госпоже Кумрије, у последње време, та мржња, зато што је сваке године у бременистом стању, није знао* [12:2; с. 85] (фразеологизм **у другом стању** употребляется наряду с формами «бременита», «зачета» в сочетании со связкой, формой перфекта глагола «затруднети» или синтаксически несвободными сочетаниями **у бременистом стању, у којем месецу бременитости** в сочетании со связкой: серб. *А друга је, тобоже, госпожица, али собарица њена каже да је и она затруднела* [6:3; с. 66]. – ср.: серб. *Био је заборавио Стритцевскову клетву, био је провео ноћ поред Варваре, која је била у седмом месецу бременитости и која је сад Петра волела, као што се сестра окреће брату* [6:3; с. 289];

в) вопросительно-относительным: рус. *Увидев, в каком состоянии Степан Богданович, артист послал Груню в ближайший гастроном за водкой и закуской, в аптеку – за льдом и...* [11; с. 90] (в подобных случаях на состояние лица указывает конситуация).

На русский язык сербские конструкции со словом **стање** переводятся следующим образом:

1) фразеологизм **у другом стању** с глаголом-связкой переводится именами прилагательными «беременная, тяжёлая» в сочетании с нулевой или формально выраженной связкой (последняя может представлять собой глагол движения), предложно-падежной формой «в положении» в сочетании с распространённым определением или без него и связочным глаголом, а также спрягаемой глагольной формой в простом глагольном сказуемом, причём возможно несовпадение временных форм глаголов-

сказуемых оригинала и перевода: серб. *Сваки час је у другом стању* [6:2; с. 380]. – *Всё время ходит тяжёлая* [12:2; с. 16]. – ср.: серб. *Онако, узгред, додао је и то, да му је жена, госпожа Агрипина, Анина мати, у другом стању!* [6:3; с. 239]. – *И вскользя заметил, что его жена, госпожа Агрипина Богданович, забеременела* [12:2; с. 251].

Если подобное сочетание выступает в роли несогласованного определения, то на русский язык его можно передать как определением (согласованным или несогласованным), так и составным именным сказуемым в составе придаточной атрибутивной: серб. *Мајор Јурат Исакович стигао је у Токај, поменутог дана, поменуте године – са женом већ три месеца у другом стању – без деце* [6:3; с. 93]. – *Майор Юрат Исакович прибыл в упомянутый день и год в Токай с женою, которая была на третьем месяце беременности, без детей* [12:2; с. 142].

При наличии структуры сказуемого «глагол+у+определение+месецу+ фразеологизм в форме генитива» слово *беременность* в переводе отсутствует как семантически избыточное и употребляется только предикативное сочетание с глаголом и синтаксически несвободным сочетанием: серб. *Требала је ту да дочека и свој трећи порођај, јер беше у трећем месецу благословеног стања, што признаде мужу тек пред полазак* [6:1; с. 58]. – *Тут же она должна была разрешиться от бремени, так как была на третьем месяце, в чём открылась мужу перед самым его отъездом* [12:1; с. 50];

2) сочетание со структурой «глагол+определение-прилагательное+у стању» может быть передано структурным аналогом или сочетанием фразеологизма с глаголом (ср. *терять/ утратить присутствие духа*): серб. *Све дотле, и у рату, и после рата, па и тог дана, Рјепнин није био у бесвесном стању. Ни под ватром, ни кад је требало бежати, у Одеси, улицом, и прескакати лешеве* [13:2; с. 199]. – *Никогда в жизни, ни на войне, ни после неё, Репнин не терял присутствия духа. Даже под огнём. Даже когда в Одессе он должен был бежать по улице, перескакивая через трупы* [14; с. 497];

3) сочетание со структурой «глагол + у стању+ инфинитив/ да+презент» (составное глагольное сказуемое, указывающее обычно на возможность совершения действия или способность к нему) переводится на русский язык глаголом *мочь* с инфинитивом основного глагола или сочетанием глагола *быть* с предложно-падежной формой «в состоянии» и фразеологизмом (глаголом): серб. *Тај човек је био у стању да залуди свет, а да не види како њега залуђује Жозефина* [13:2; с. 377]. – *Этот человек был в состоянии заморочить голову всему миру, а не понимал, что самого его водит за нос Жозефина* [14; с. 647].

Возможен также перевод данного сочетания посредством аналитической формы будущего времени глагола в простом глагольном сказуемом: серб. *Браћа су се била договорили да преваре жену при опроштају, јер старији није хтео да види оно што је била у стању да учини, у том последњем тренутку* [6:1; с. 77]. – *Старший брат, понимая, что он не в силах будет смотреть на то, что жена станет вытворять в последнюю минуту, договорился с младшим обмануть её* [12:1; с. 21].

При наличии отрицательной формы бытийного глагола возможен перевод с использованием предложно-падежной формы «не в силах» в сочетании с инфинитивом: серб. *Свирачи, који су били окупљени око велике заставе, што се од Варадина носила, а за којом су јахали официри на преплашеним и запенушеним коњима, нису били у стању да надлармају певаче који су се дерали, све истим гласом, еј... еј... [6:1; с. 22]. – Трубачи около знамени, которое несли от самого Варадина, и офицеры на испуганных, взмыленных конях не в силах были заглушить и перекричать песельников, дравших горло на один и тот же лад: «Эй... эй... эй...» [12:1; с. 24].*

4) сочетание «глагол+у стању» с последующей придаточной частью переводится синтаксически несвободным сочетанием, семантически равноценным глаголу, или фразеологизмом: серб. *На радију се у Лондону, свако вече, и свако јутро, и свако подне, чују позиви у ваздуху, да се тај и тај, или та и та, јаве одмах, у неку болницу, ту и ту,*

јер им отац, или мати, леже у стању, које се каже, да је, «опасно» (То значи: на самрти су.) [13:1; с. 179] – Лондонское радио регулярно, вечером, утром и в полдень, посылает в пространство призывы к такому-то и такой-то немедленно обратиться в такую-то и такую-то больницу, поскольку их отец или мать находится, по выражению медиков, «в критическом состоянии» (Иными словами, умирает.) [14; с. 164]. – ср.: Иными словами: при смерти. – С.К.;

На сербский язык аналитические сочетания с названными лексемами могут быть переведены следующим образом:

1) сочетание «*глагол+ в состоянии+ определение-существительное*» передаётся именем прилагательным с глаголом-связкой, реже – существительным в сочетании с глаголом-связкой и атрибутивным субстантивным распространителем: рус. *После чего в Москву пришла телеграмма, извещающая о том, что финдиректор Варьете оказался в состоянии невменяемости, что на вопросы он путных ответов не даёт или не желает давать.. [11; с. 337] – После тога је у Москву стигао телеграм који је извештавао да је финансијски директор неурачунљив, да на питања није у стању да пружи сувисле одговоре... [16; с. 419]. – ср.: рус. Следователь вежливо усмехнулся, позволил себе выразить уверенность в том, что поэт сейчас в состоянии некоторой депрессии, но что скоро это пройдёт [11; с. 340]. – Исследник се љубазно осмехну, допусти себи да изрази мишљење да се песник сада сигурно налази у стању депресије, али да ће то ускоро сигурно проћи [16; с. 422];*

2) сочетание «*глагол+в состоянии+ определение-прилагательное*» передаётся именем прилагательным (при необходимости – в сочетании с глаголом-связкой) вне зависимости от предикативной или полупредикативной позиции: рус. *Находясь всё в том же возбужденном состоянии, Маргарита оделась и стала внушать себе, что, в сущности, всё складывается очень удачно...[11; с. 225] – Још увек узбуђена, Маргарита се обукла и почела себе да уверава да се, у суштини, све одвија, не може бити боље...[16; с. 276];*

3) сочетание «*глагол+в состоянии+определение-местоимение*» переводится на сербский язык аналогично: рус. *Увидев, в каком состоянии Степан Богданович, артист послал Груню в ближайший гастроном за водкой и закуской, в аптеку – за льдом и... [11; с. 90] – Када је видео у каквом је стању Степан Богданович послао је Груњу у најближу продавницу по вотку и мезе и у апотеку по лед и... [16; с. 98].*

Таким образом, наблюдается возможность перевода с сербского языка на русский сочетаний, включающих предикативные определения разной морфологической природы, семантически близкими или равноценными именами прилагательными со связкой или структурными аналогами. Возможность передачи на русский язык сочетания «*бити у стању*» сочетанием «*в силах*» свидетельствует, на наш взгляд, об их близком, но не тождественном значении, выступающем в случае характеристики нормального физического состояния как энергетически достаточного для выполнения действия.

Что касается устойчивых сочетания со словом **снага** «сила», то Словарь сербского языка отмечает юридическое терминологическое сочетание **бити на снази** «действовать, иметь силу, быть в силе», **бити у пуној снази** «иметь большую физическую или духовную энергию», **издала ме снага** «я ослабел, изнемог», ср. рус. **меня оставили (покинули) силы, из све снаге (свом снагом)** «как можно больше» (што се највише може), ср. рус. **изо всех сил, коњска снага** «единица силы в технической системе мер» [3; с. 1249]; сербскохорватско-русский словарь И. И. Толстого приводит также **радити пуном снагом** «работать в полную мощность», **ступити на снагу** «вступить в силу», **стати на снагу** «возмужать, стать взрослым», **оружане снаге** «вооружённые силы», **мршав је у снази** «он худ телом» [2; с. 557]; многочисленные предложно-падежные формы слова **сила** и сочетания с ним фиксирует четырёхтомный Словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой [4:4; с.91–92].

Фразеологизм **бити у пуној снази** в контексте выражает **качественное состояние** лица, прежде всего прекрасное физическое состояние и внешнюю привлекательность: серб. *Постали би бледи, тврдих црта, као медаље, сребрне — лепог, тамног, крупног, ока, а свилене, проседе косе.*

Они су били у пуној снази, а жене су им биле, бабе [6:3; с. 424]. – Выразительные лица, жёсткие черты, словно выбитые на серебре медали, большие тёмные красивые глаза и шёлковые, тронутые проседью волосы.

Они были в расцвете сил, а их жёны – уже старухи [12:2; с. 391].

Поскольку представления о силе, физической и/или эмоциональной, связываются с возрастом человека, в контексте закономерно употребление фразеологизмов, характеризующих как физическое, так и эмоциональное состояние (и жизненные позиции, как нам кажется. – С.К.), а также и возрастные показатели: серб. *Сава је остарио, па су људи, пришли Василију. Тако је увек било и тако ће увек бити. Василије јесте сад у најбољим годинама, у најбољој мушкој снази [6:2; с. 296]. – Савва уже состарился, потому-то люди и пошли за Василием. Так всегда было, так всегда и будет. Ведь владыка Василий сейчас в самом расцвете сил [12:1; с. 413].* Перевод на русский язык показывает соответствие фразеологизму в виде синтаксически цельного сочетания в предикативной функции.

Фразеологизм **у најбољим годинама** «в зрелом возрасте» [2; с. 68] не всегда, на наш взгляд, употребляется в контексте описания личностно зрелого индивида: см., например: серб. *И њих двоје, као и сви остали подрумаши, били су у «најбољим годинама»; млади, лепи, насмејани... [15; с. 329]. – Как и прочие обитатели подвала, эти двое были в самой поре: молодые, красивые, смеющиеся (перевод наш. – С.К.).*

В русском материале семантика сочетания (*не*) в силах конкретизируется следующим образом:

1) **физическая способность** совершения действия, связанная с образом жизни или привычками субъекта: рус. *На изуродованном лице Крысобоя не выражалось ни утомления, ни неудовольствия, и казалось, что великан кентурион в силах ходить так весь день, всю ночь и ещё день, – словом, столько, сколько будет надо [11; с. 181]. – На унакаженном Пацоловчевом лице нису се запажали ни замор ни незадовољство, и чинило се да би центурион дивовског раста могао тако да корача читав дан, читаву ноћ и још један дан – укратко, онолико колико то буде потребно [16; с. 218];*

2) **невозможность** совершения действия в силу личных качеств и моральных установок, поскольку для этого требуется **волевое усилие**: рус. – *Скончался сосед ваш сейчас, – прошептала Прасковья Фёдоровна, не будучи в силах преодолеть свою правдивость и доброту, и испуганно поглядела на Иванушку, вся одевшись светом молнии [11; с. 376]. – Преминуо је малочас ваш сусед – прошапта Прасковја Фјодоровна, пошто није имала снаге да савлада своу љубав према истини и доброти и, обасјана светлошћу муња, преплашено погледа Иванушку [16; с. 469];*

3) **невозможность** совершения действия как результат отсутствия или неразвитости навыка его выполнения: рус. *Толя многое умел: ходить на медведя, опуститься на дно в скафандре. Он умел интересно жить, но не умел интересно рассказать об этом. И не в силах был поменять то, что он может, на то, чего не может [10; с. 172];*

4) **невозможность** совершения действия как результат эмоционального состояния (например, страха): рус. – *Я проводил бы тебя, но я уже не в силах идти один обратно, я боюсь [11; с. 156].*

Перевод сочетаний *в силах/ не в силах* на сербский язык даёт основание говорить о выражении значения (не)возможности осуществления действия, обусловленной разными факторами, в том числе отсутствием волевых усилий; в подобных случаях налицо использование глагола *моћи* (возможно с отрицанием) или фразеологизмов *имати снагу/немати снагу* в сочетании с инфинитивом или без него: рус. *И, будучи, видимо,*

не в силах сдержатъ себя, Коровьев клюнул носом в стену рядом с зеркалом и стал содрогаться в рыданиях [11; с. 205]. – <...> и пошто вероватно више **није могао да издржи**, Коровјов заби нос у зид поред огледала и поче да се тресе јецајући [16; с. 249]. – ср.: рус. – Я проводил бы тебя, но я уже **не в силах идти** один обратно, я боюсь [11; с. 156]. – – Испратио бих те, али више **немам снаге да се сам враћам** назад, бојим се [16; с. 186].

Изложенное выше приводит к следующим выводам: в обоих славянских языках слова *стање* / *состояние*, *снага* / *сила* в форме локатива /предложного падежа образуют разные типы несвободных сочетаний (терминологические, фразеологизмы, синтаксически несвободные).

Синтаксически несвободные сочетания выступают в роли семантического компонента составного именного сказуемого, в функции добавочного сказуемого в полупредикативной конструкции, в роли несогласованного определения.

Названные сочетания обозначают разные типы состояний (качественное, физическое, физиологическое, эмоциональное, модальное состояние как наличие способности или возможности к совершению действия или их отсутствие).

Сочетание у *стању* в комплексе с глаголом-связкой (аналог модального глагола *моћи*) и да-конструкцией или инфинитивом образует составное глагольное сказуемое.

Анализ перевода сочетаний слова *стање* с инфинитивом/да-конструкцией на русский язык свидетельствует об известной структурной и смысловой аналогии выражения значений (не)возможности совершения действия и целесообразности использования семантически равноценных замен. Возможность многообразия переводов фразеологизма **бити у другом стању** показывает разнообразие семантики синонимичных форм. При переводе на сербский язык сочетаний, включающих предложно-падежную форму «в *состоянии*» в комплексе с именем прилагательным или существительным, стоит обратить внимание на обозначение конкретного болезненного состояния субстантивной формой (обычно название болезни или симптомов) его проявления.

Как показывает рассмотренный материал, частичной смысловой близостью обладают сочетания *бити у стању* и *в силах*, указывая на физическую возможность совершения действия, обусловленную энергетическим потенциалом субъекта.

Библиографический список

1. Трофимкина О.И. Сербохорватско-русский фразеологический словарь / О.И. Трофимкина. М.: ООО «Восток-Запад», 2005. 229 с.
2. Толстой И.И. Сербскохорватско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1976. 735с.
3. РЕЧНИК српскога језика / [израдили Милица Вујанић и др.]. Нови Сад : Матица српска, 2007 (Нови Сад : Будућност). 1561 стр.
4. Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981-1984.
5. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / Под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926 с.
6. Црњански М. Сеобе. У 3 књ. Београд: Нолит, 1978. Књ. 1. 252 с.; Књ. 2. 464 с.; Књ. 3. 487 с.
7. Алмазов Б.А. А и Б сидели на трубе: рассказы и повесть. Л.: Дет. лит., 1989. 191 с.

8. Поливин Н.Г. Корабельная сторона. Роман. М.: Моск. рабочий, 1976. 416 с.
9. Шукшин В.М. До третьих петухов: Рассказы и повесть. М.: Дет. лит., 2001. 302 с.
10. Токарева В.С. Когда стало немножко теплее. Рассказы. М.: Сов. Россия, 1972. 272 с.
11. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: Роман. М.: Худож. лит., 1988. 399 с.
12. Црњански М. Переселение: Роман: [В 2 т.] / Милош Црњански; Пер. с сербохорв. И. Дорбы. М.: Худож. лит., 1989. Т.1. 479 с.; Т. 2. 444 с.
13. Црњански М. Роман о Лондону. У 2 књ. Београд: Нолит, 1977. Књ. 1. 389 с.; Књ. 2. 386 с.
14. Црњански М. Роман о Лондоне / Пер. с сербскохорват. Т. Вирты и Т. Поповой. М.: Худож. лит., 1991. 654 с.
15. Ковачевић Душан. Била једном једна земља. Београд: Б.и., 1998. 337 с.
16. Булгаков, М. Мајстор и Маргарита / М. Булгаков; прев. М. Чолић. Нови Београд: Боок – Марсо, 2003. 495с.

References

1. Trofimkina O.I. Serbo - Russian phrasebook / O. Trofimkina. Moscow: ООО "East-West ", 2005. 229 p.
2. Tolstoy I.I. Serbo-Croatian - Russian dictionary. M.: Rus. lang., 1976. 735 p.
3. Rečnik srpskoga jezika / [izradili Milica Vujanić etc.]. Novi Sad: Matica Srpska, 2007 (Novi Sad : Budućnost). 1561 p.
4. Russian dictionary: 4 volumes, 2nd ed., Rev. and add. / Ed. A.P. Evgenyeva. M.: Rus. lang., 1981-1984.
5. Birikh A.K. Russian phraseology. Historical and etymological dictionary: approx. Phraseology 6000 / ed. V.M. Mокienko. – 3rd ed., Rev. and add. Moscow: AST: AST: Guardian, 2007. 926 p.
6. Crnjanski M. Seobe. U 3 kn. Beograd : Nolit, 1978. Kn.1. 252 p.; Kn. 2. 464 p.; Kn. 3. 487 p.
7. Almazov B.A. A i B sideli na trube: short stories and novels. L.: Det . lit., 1989. 191 p.
8. Polivin N.G. Korabeljnaja storona. Roman. Moscow: Mosk. worker, 1976. 416 p.
9. Shukshin V.M. Do tretjih petukhov: Stories and the novel. Moscow: Det. lit, 2001. 302 p.
10. Tokareva V.S. Kogda stalo nemnozhko tepleje : stories. Moscow: Sov. Russia, 1972. 272 p.
11. Bulgakov M.A. Master i Margarita: Roman. M.: Khudozh. lit., 1988. 399 p.
12. Tsrniansky M. Resettlement : A Novel [2 volumes] / Milos Tsrniansky, Trans. with serbohorv. I. Dorba. M.: Khudozh. lit., 1989. V.1. 479 p.; V. 2. 444 p.
13. Crnjanski M. Roman o Londonu. U 2 kn. Beograd : Nolit, 1977. Kn. 1. 389 p.; Kn. 2. 386 p.
14. Tsrniansky M. A novel about London / Trans. with serbskohorvat. T. Virta and T. Popova. M.: Khudozh. lit., 1991. 654 p.
15. Kovačević Dušan. Bila jednom jedna zemlja. Beograd, 1998. 337 p.

16. Bulgakov M. Majstor and Margarita / Mikhail Bulgakov; previews. M. Cholić. Novi Beograd: Book - Marceau, 2003. 495 p.

УДК 008

Финансовый университет при Правительстве РФ, Челябинский филиал
Кандидат педагогических наук, доцент
кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации
Жаркова Т.И.
Россия, Челябинск, тел. 8 (351) 741-90-36;
e-mail: taniafrance@mail.ru

Financial university by the Government of Russian Federation, Chelyabinsk branch
The chair of foreign languages and intercultural communication
PhD, associate professor
Zharkova T.I.
Russia, Chelyabinsk, tel. 8 (351) 741-90-36;
e-mail: taniafrance@mail.ru

Т.И. Жаркова

ТАБУ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье анализируется широкий спектр тем, влияющих на процесс и результат делового взаимодействия представителей разных культур, задействованных в межкультурных контактах. Рассмотрены основные темы бесед, вызывающих непонимание и конфликты в деловой межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: табу, бизнес-общение, предотвращение конфликта, достижение взаимопонимания.

T.I. Zharkova

TABOO IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article analyses a wide range of subjects, influencing the process and result of business interaction of representatives of different cultures, involving in intercultural contacts. The article is devoted the main subjects of conversations of emergence of misunderstanding and conflicts in business intercultural communication

Key words: taboo, business-communication, conflict prevention, achieving mutual understanding.

Одной из основных проблем в межкультурной коммуникации является проблема коммуникативных «сбоев». Незнание, а иногда знание и несоблюдение культурных табу являются основой некоторых коммуникативных неудач.

Г.А. Нечаев дает следующее определение данному феномену: Табу (из полинезийских языков *ta* – отмечать, выделять и *pu* – всецело; вместе – всецело выделенный, особо отмеченный) - 1) Слово или словосочетание, которое запрещено употреблять по разным причинам: религиозных верований, суеверий, грубости, неприличия, цензуры и т.п. Например, у русских промысловых охотников слово *медведь* – табу, вместо него употребляют *зверь, хозяин, ломака, мохнач*. 2) Сам запрет употребления слова или словосочетания [10; с. 146].

В бизнес-этикете очень важно знать, о чем не принято спрашивать, какие темы не следует затрагивать, если вы всего лишь коллеги. Иногда возникают ситуации, когда люди задают глупые и некорректные вопросы. Например, о зарплате. В русской куль-

туре вопрос о зарплате и о размере пенсии никогда не считался некорректным. Необходимо помнить, что в культурах Запада этот вопрос не задается и не обсуждается. Но если вдруг кто-то из коллег его нечаянно задал, то он будет проигнорирован и будет продолжен разговор о делах.

© Жаркова Т.И., 2013

Беседа должна быть нейтральной, спокойной, легкой, не провоцирующей споров. Нельзя высказывать свое мнение категорично, если оно отрицательное. Темами для бесед являются: спорт, хобби, интересные события, путешествия и местные пейзажи, домашние животные. Можно, конечно, говорить и о своей профессии, но ненавязчиво, чтобы собеседнику не было скучно. Неизменной темой для беседы является погода.

О чем говорить нельзя? Вот общие правила, для всех стран и народов: воспитанный человек старается не говорить о себе. Даже если вас об этом попросили, надо вскоре перевести разговор на другую тему. Не стоит говорить о болезнях, проблемах, горе, смерти, конфликтах, а также о доходах, дороговизне и вообще о деньгах.

Избегать нужно разговоров о политике, а также о вере и религии. Особенно это важно, если неизвестны убеждения и взгляды собеседников. Необдуманная реплика может задеть, ранить или даже оскорбить кого-либо из присутствующих и привести к конфликтной ситуации. Нельзя обсуждать других людей, их проблемы, спрашивать партнера по общению о возрасте, должностном ранге. Нельзя просить профессионального совета у специалиста. Это все считается неприличным. Кроме того, в культуре каждой страны есть свой список запретных тем [15].

Д. Коллинз пишет: «Обсуждение следующих тем может негативно сказаться на вашей личности, старайтесь избегать их»

Темы, которые нельзя обсуждать:

- Плохие новости;
- Принадлежность к определенной религии;
- Политика;
- Ваше здоровье;
- Ваше продвижение по службе или отсутствие его;
- Стоимость вещей;
- Ошибки других;
- Сплетни.
- Темы, которые можно обсудить:
- Интересные фильмы;
- Последние новости любимого вида спорта;
- Спектакли, выставки, открывшиеся в новом сезоне;
- Хороший ресторан, который вы посетили;
- Новые достижения в области науки или промышленности;
- Общие друзья, жизнь которых должна измениться к лучшему
- Знаменитости, которые собираются приехать в ваш город.

Вопросы, которые бизнес-этикет не рекомендует задавать в процессе общения:

- Возраст, особенно старше 30 лет;
- О лишнем или недостаточном весе, косметических операциях;

- Беременность или отсутствие детей;
- Избегайте вопросов о разводе, заболеваниях, сексуальной жизни;
- Если кто-то в вашем присутствии обвиняет в недобропорядочности вашего отсутствующего друга, в корректной форме скажите следующее: «Я не думаю, что это правда»;
- Если кто-то отпускает вульгарные шутки на сексуальные темы, рекомендуем сказать: «Мне не интересна эта тема» и просто уйти [6; с 86-87].

Самый любимый предмет разговора россиян – политика. Любопытно, в разговоре он умеет или не очень, расскажет вам, как все плохо на политическом фронте, и что бы он сделал, если бы он стал президентом. В отличие от англичан русские не обладают искусством говорить о погоде на всем протяжении трансатлантического морского путешествия. Русские способны бесконечно рассуждать о чем угодно: о политике, о семейных делах, о здоровье младшей дочери вашего троюродного брата или о понятии Святой Троицы [3; с. 35].

На вопрос «*Как дела?*», «*Как вы поживаете?*», «*Как здоровье?*» русский даст полный отчет: он перечислит все свои недуги и недуги своей жены, расскажет, что случилось после того, как он последовал совету врача, какие лекарства принимал и какие из них улучшили самочувствие; расскажет как он чувствует себя в настоящий момент; сообщит, каковы успехи в школе его детей и что сказала учительница на последнем школьном собрании и т.д.

Англия с давних времен и до сих пор старается придерживаться «клубной системы» воспитания и образования, что находит выражение в социальной и деловой жизни. Хотя эксперты деловых кругов и считают, что в настоящее время в мире бизнеса «клубная система» практически отсутствует, стоит все-таки помнить:

- Вы расположите к себе английского коллегу, если всегда будете интересоваться, каким временем он располагает, тем самым показывая, что цените не только свое, но и его время.
- Не задавайте личных вопросов и не затевайте дискуссии на личные темы.
- В начале разговора хорошо выразить свое эмоциональное отношение к встрече или деловой комплимент, или поговорить о спорте, культуре, реконструкциях.
- Подчеркивайте уважение к королевской семье, к британскому народу и его идеалам [6; с. 128-129].

В Англии возведена в культ легкая беседа, способствующая расслаблению ума, а отнюдь не глубокомысленный диалог и тем более не столкновение противоположных взглядов [11; с. 267].

Традиционным для британцев считается умение избегать острых углов. Англичанам присущи такие черты как сдержанность, склонность к недосказанности, щепетильность, которая заставляет англичан быть замкнутыми и необщительными с незнакомыми людьми, почитание собственности, предприимчивость, деловитость. Главным достоинством характера англичан является самообладание. Они умеют терпеливо выслушивать собеседника, что однако не всегда означает согласие. При ведении переговоров иногда возникают паузы, во время которых не нужно бояться молчать. Наоборот, грубым поведением считается, когда много говорят, т.е., как считают англичане, силой навязывают себя другим. Говорить с англичанами о делах после окончания рабочего дня считается дурным тоном. Для англичан все разговоры о работе должны прекращаться с концом рабочего дня, даже если вы выпиваете или ужинаете со своим партнером по бизнесу.

Д.С. Лихачев указывает на то, что надо быть простым, непринужденным, внимательным к собеседнику, делать все так, как это удобно другому. Поэтому нельзя быть умнее в разговоре, чем собеседник, лучше одетым, чем гости, неуступчивым к соседу,

снисходительным к другим или торжествовать победу над соперником, показывать свое превосходство, радоваться своей победе или чужому поражению. Надо быть простым и «тихим» во всех смыслах... Надо говорить медленно, именно медленная речь уважительна. Она должна быть спокойной... Нельзя подчеркивать свою вежливость и воспитанность, нельзя хвастаться своими знаниями, эрудицией, талантом в какой-либо области. Нельзя произносить длинных речей, ораторствовать [7; с. 356]. Расчеты блеснуть знаниями и юмором в словесном поединке и завладеть общим вниманием не сулят лавров. Каскады красноречия разбиваются об утес излюбленной английской фразы: «Вряд ли это может служить подходящей темой для разговора» [11; с. 267]

Англичане придерживаются правила «не быть личным», то есть не выставлять себя в разговоре, не вести речи о себе самом, своих делах, профессии. Более того, считается дурным тоном неумеренно проявлять собственную эрудицию и вообще безапелляционно утверждать что бы то ни было... На такого человека в лучшем случае посмотрят, как на чудака-эксцентрика, а в худшем – как на человека, плохо воспитанного [11; с. 267]. Они не любят раскрывать свое положение... Если это писатели, они не говорят о своих книгах. Если они политики, они не раскрывают своих программ. Проще говоря, они как бы считают свою трудовую жизнь чем-то отделенным от своей жизни в обществе [11; с. 270].

Англичане любят говорить о погоде, т.к. погода на Британских островах капризна и непредсказуема и говорить о ней можно всегда и без конца. Погода у Англичан – не только самая предпочтительная тема для разговора, она служит еще и для того, чтобы заполнить паузы в беседе. Д.С. Лихачев отмечает, что англичане говорить о погоде могут так интересно, как у нас не говорят [7; с. 360]. За столом запрещено говорить о политике, о спорте, о религии: вы можете быть разных убеждений с соседом и это может взволновать собеседника. Дамы говорят еще о прислуге – жалуются. Говорят о летних путешествиях. По мнению Д.С. Лихачева, англичане и путешествуют летом для того, чтобы иметь возможность об этом поговорить зимой. Кто не путешествовал – говорит о том, куда он собирается поехать [7; с. 360]. Канву общения составляют темы «Погода», «Садоводство», «Досуг», «Хобби». По части хобби фантазия англичан поистине неисчерпаема. Общаясь с англичанами, не следует задавать личных вопросов и тем более устраивать дискуссий на подобные темы, а также надо избегать разговоров о жизни королевской семьи и обстановке в Северной Ирландии.

Житель Лондона менее охотно, чем житель Нью-Йорка, станет заполнять какие-либо анкеты, или давать ответы при каких-либо опросах общественного мнения, или даже говорить с друзьями о своей семейной жизни или о своих доходах [11; с. 289]. С англичанином не только невозможно разговориться на улице, но и трудно прислушаться к их разговорам со стороны. Даже в густой человеческой толпе – на перроне вокзала или в театральном фойе – чувствуешь себя будто отделенным от этого скопления людей незримой звуконепропускаемой стеной [11; с. 260].

Э. Майол и Д. Милстед подчеркивают, что англичане практически не говорят того, что думают, но очень часто – как раз вещи прямо противоположные собственному мнению. Когда один англичанин интересуется здоровьем другого, ответ безусловно будет один: «Грех жаловаться!» Тут самое натуральное лицемерие. Ибо жаловаться – излюбленное занятие англичан. Беседуя с кем-либо, они вечно жалуются и стонут по любому поводу; их не устраивает собственное здоровье, правительство, бюрократы, цены на продукты, молодежь, старики... [8; с. 67-68].

Американцы и канадцы верят, что каждому человеку импонирует, когда его называют просто по имени. Быстрый переход на личное имя шокирует и смущает многих партнеров. Чтобы облегчить взаимодействие с американскими и канадскими партнерами, необходимо принять это к сведению [6; с. 129].

Обязательный у англичан разговор о погоде у немцев ничего, кроме сдержанного сочувствия вызвать не может. Вместо этого немцы с наслаждением обсуждают огромные перегрузки на работе, всяческие невзгоды, симптомы стресса, болезни, приближение страшного суда и тому подобные животрепещущие темы [4; с. 43-44]. Немцы очень любят путешествовать и вести беседы на темы: «Отпуск», «Отдых», «Путешествие».

На вежливое «*Как поживаете?*» желательно отвечать обстоятельно, не упуская ни одной детали, подробно рассказывать о состоянии вашего организма в целом и каждого его органа в отдельности, не пропустив ни одной мелочи [4; с. 44].

Немцы высоко ценят образованность (*Bildung*), подразумевая под ней образование и общую культуру. Демонстрировать свою начитанность и свои знания не считается дурным тоном. Если собеседник не афиширует свою образованность, немцы воспринимают это не как проявление скромности, а как признание в собственном невежестве [4; с. 17].

Немцы дорожат теплом семейной жизни, окружающей их заботой домашних и уютом [4; с. 23]. Они обеспокоены состоянием окружающей среды, состоянием большинства западногерманских рек, в которые сбрасываются промышленные отходы. Предметом разговора может быть охрана окружающей среды.

Автомобили – это страсть немцев. Автомобиль для немца не просто показатель его собственного положения, он частица его самого [4; с. 31]. Автомобили – это прекрасная тема для беседы. Немец охотно расскажет о преимуществах немецких машин, о их качественной стороне. В конце беседы он сообщит, что сам ездит на японской машине.

А. Янель прямо пишет о том, что комплименты морально-этического характера на Западе почти табуированы и воспринимаются как «*Anbiederei*», т.е. «подмазывание», «подхалимаж» [14; с. 57]. В присутствии немцев нельзя заводить разговор о Второй мировой войне и ее последствиях, а также о холокосте. Новое поколение немцев чувствуют себя виноватыми за деяния фашистов. Нельзя упоминать Гитлера, нацистов и свастику. Вообще тема войны до сих пор острая и болезненная во всех европейских странах и лучше ее не касаться. Не приемлют немцы и разговоры на политические темы. Если собеседником является соотечественник, то «излюбленными темами, которые обсуждаются взахлеб и подробно, будут состояние здоровья и состояние общества. И то, и другое, по убеждению немцев, находится в полном упадке [4; с. 30].

В Австрии важно не нарушать определенную дистанцию при общении. «Социальная дистанция» – тут равняется расстоянию вытянутой руки. Нарушая это расстояние, вы вторгаетесь в интимную зону австрийца. То же самое касается и личных вопросов. Их можно задавать только друзьям. Все вопросы о браке, личной жизни и семейной ситуации между деловыми партнерами запрещены. При разговоре (в бизнес-этикете) австрийские специалисты по бизнес-этикету советуют избегать ничего не значащих вопросов и шаблонных форм, вроде «*Wie geht's?*» («*Как дела?*»).

Во Франции на переговорах важны и общие особенности, связанные с национальным характером. Поэтому следует учитывать, что француз «учтив, вежлив, любезен... склонен к шутке и не принужден в общении», как отмечал еще немецкий философ И. Кант [5; с. 174]. Осторожность – вот слово, которым можно описать поведение француза в делах. Знакомить должен тот, кого знает лицо, намеривающееся вступить в деловой контакт с партнером по бизнесу, т.е., как правило, поверенный (адвокат), банкир или приятель. Как реагировать, если вас представили? Необходимо заменить банальную формулу: «*Enchanté*» или «*Ravi*» на: «*Bonjour Monsieur. Je suis ravi de faire votre connaissance*». Если французы спрашивают «*Comment allez-vous?*», то необходимо коротко ответить «*Très bien, merci, et vous?*», не вдаваясь в подробности своего здоровья и своих дел. Это формула французского этикета [2; с. 22].

На стандартные вопросы, которые часто задают в начале разговора, вроде «*Чем вы зарабатываете на жизнь?*», «*Сколько вы зарабатываете?*», «*Вы женаты (замужем)?*», «*Есть ли у вас дети?*», француз отвечать не станет [13; с. 33].

Французы предпочитают говорить и вести дела только на французском языке. С французами можно затронуть в разговоре следующие темы:

- *de vie culturelle, artistique ou sportive;*
- *d'affaires (de préférence en second lieu);*
- *de vulgarisation technologiae.*

В противоположность нужно избегать таких тем как:

- *la politique;*
- *la religion;*
- *les domaines qui peuvent avoir un caractère confidentiel pour l'un ou l'autre de vos interlocuteurs;*
- *les petit(e)s ami(e)s;*
- *votre propre santé;*
- *la question de race;*
- *les jugements sur des personnes* [2; с. 59].

Хотим подчеркнуть, что французы действительно любят говорить об искусстве, культуре, спорте. Но позволим себе не согласиться с В.Н. Бурчинским в том, что запретом в общении являются политические темы. Опыт общения автора статьи с французскими учеными, педагогами, журналистами показывает, что политика – это одна из излюбленных тем французов. Они с азартом могут критиковать политическую систему, работу президента, теракты, войны и т.д. Да, и подтверждение этому мы находим в работе Н. Япп и М. Сиретт «Эти странные французы»: «... лучше всего говорить с французами о политике» [13; с. 33]. Но спрашивать, за кого ваш партнер по общению голосует, нельзя, неприлично. Т. Щербина предлагает понаблюдать: «Вот в кафе солидный господин разворачивает газету «Либерасьон» – все ясно, он левый. А какой-то тип в дешевой куртке достает из кармана «Ле Фигаро» значит, это правый. Голосуют в Париже согласно традициям. Например, все люди искусства – левые». Итак, французы с удовольствием поговорят на любую тему: от философии до спорта, от политики до кино. Партнеры по общению много и оживленно говорят, жестикулируют, часто перебивая друг друга. И это является нормой.

Хочется добавить, что они любят беседовать на темы: «Семья», «Образование», «Досуг», «Отдых», «Путешествие», «Еда», «Праздники», «Машины». Французы гордятся своими корнями и образованием. С удовольствием расскажут о всех дипломах и наградах, которые получили они и члены их семьи. Беседуя на тему «Профессиональная жизнь» необходимо избегать следующих моментов: занимаемое место (должность), зарплата, связи, заслуги, достижения и победы. Необходимо помнить, что несмотря на свою общительность, французы ценят и всячески оберегают свою частную жизнь. Французы предпочитают затронуть в разговоре животрепещущие моменты и услышать интересные истории. В разговоре французы умело используют юмор, анекдоты и смешные истории, их речь будет насыщена афоризмами, пословицами и поговорками. Французы никогда не будут говорить о тех, кто отсутствует и о человеке, которого кто-нибудь из собеседников не знает. С французами лучше не говорить о Второй мировой войне и особенно об оккупации.

Бельгийцы хотят выглядеть людьми практичными и солидными. Они ведут многочасовые беседы о жизни. И не следует этому удивляться, ведь пристойное поведение – неотъемлемая часть благонамеренности. К тому же в этом есть и практический

смысл: бельгийцы считают, что только таким поведением и можно чего-то добиться в жизни [9; с. 21]. С бельгийцами можно говорить о работе, езде на велосипеде и автомобиле, футболе, садоводстве, голубях, собаках, коллекционировании марок, компьютерах и т.д., т.е. о их увлечениях. Излюбленная тема для беседы – это география проживания своего семейства. Бельгийская семья славится крепостью и сплоченностью, а родственники обычно живут по соседству [9; с. 23, 33-34]. С бельгийцами можно завести разговор о шоссе и железных дорогах. Бельгия – единственная страна в мире, где крупная дорожная сеть ночью полностью освещена. Ее, наверное, можно видеть даже из космоса [9; с. 76]. Бельгийцев весьма беспокоит здоровье – как их собственное, так и чужое. Это основная тема разговоров, и стоит только затронуть ее, как вам тут же поведают обо всех ужасных подробностях протекания болезни, симптомах, количестве приступов, о том, что сказал фармацевт, лечащий врач, консультант, а также что рассказала мадам Мертенс, соседка, о своем муже, который прежде чем умереть, болел тем же [9; с. 50]. С бельгийцами не принято говорить о деньгах, о полученной прибыли и понесенных убытках. Во время деловых переговоров нет места шуткам и праздной болтовне о садоводстве.

Голландцам присущи самообладание и умеренность. Они не мыслят своего бытия без чувства свободы, раздолья, без необъятного пространства вокруг [1; с. 5]. В беседе голландцы могут упомянуть «о своей бережливости, осмотрительности в коммерческих делах, удивительной способности к языкам, умению ладить друг с другом и с иностранцами, а также о своем бесподобном обаянии» [1; с. 6]. Необходимо отметить, что они никогда не скажут, что «они превосходят другие народы». Любая беседа у голландцев начинается с разговора на одну из тем: «Футбол» ли «Погода». В обоих случаях схема одна: пара слов о нынешнем состоянии футбола, несколько замечаний насчет игр на прошлой неделе и прогнозы на будущее. Затем можно перейти к общему анализу и изложению своей точки зрения. Необходимо отметить, что во время футбольного первенства даже о погоде столько не говорят, сколько о забитых и пропущенных мячах. Питая глубокое уважение к образованию, голландцы никогда не будут хвастаться, что имеют университетский диплом. «Стоит завести с голландцами разговор о Т.С. Элиоте, Ницше или Прусте, и, скорее всего, выяснится, что они многое читали на языке оригинала» [1; с. 78].

Не стоит заводить разговор о внутренних противоречиях страны, так как можно не просто обидеть, а даже оскорбить жителя Нидерландов. Нельзя сказать голландцу, что их язык похож на немецкий. Этим не вызвать расположение у собеседников. Но они могут говорить о погибших во время Первой и Второй мировой войн. По поводу немцев у них есть хорошая шутка: «Где мой велосипед?» (во время Второй мировой войны немцы конфисковали у населения все велосипеды) [1; с. 12].

Жизнь у голландцев – «без штор» в прямом и переносном смысле. Голландцы считают, что скрывать им нечего. Такая открытость для иностранцев является обезоруживающей. Голландцами могут завести разговор на любую тему, они даже без смущения могут говорить о смерти, сексуальных отклонениях, физических достоинствах и недостатках. Исключением является, когда разговор касается личных доходов и особы королевы, которая пользуется огромным уважением. В Нидерландах принято питать уважение и доверие и к своим политикам, поэтому следует избегать политических тем. Обсуждение размеров заработка, квартплаты, трат на одежду или машину вызывает у голландцев большее неудовольствие, чем разговор об амурных подвигах. Лишь в одном случае допускается говорить о состоянии личных финансов – после посещения зубного врача. Тут никому не возбраняется рассуждать о мостах и коронках и о чудовищно длинном ряде цифр внизу счета от дантиста. Если вдруг во время беседы повеяло холодком, значит допущена промашка. Голландцы сами сообщат, где была допущена

на ошибка [1; с. 20-21, 35]. Молчаливым неодобрением встретят они в ответ на свой вопрос «Как поживаете?» перечисление всех бед и горестей собеседника.

Итальянцы отличаются определенной сдержанностью, т.е. достаточно чопорны. Представляясь в деловой обстановке необходимо называть только фамилию.

Большинство итальянцев – образованные люди и будут рады поговорить на такие темы, как «Искусство», «Живопись», «Музыка», «Балет», «Архитектура», «Исторические достопримечательности и памятники культуры». Популярны разговоры о кухне, особенно местной кухне и винах. Другие подходящие темы для беседы – семья, местные пейзажи, праздники и кинофильмы. Очень важная и излюбленная для итальянцев тема – спорт, особенно футбол. Итальянцы очень любят футбол, поэтому нельзя говорить и высказываться негативно или небрежно. Семейные отношения или политика – это запретные темы в общении. Итальянцы не любят также говорить о Второй мировой войне. Запретны разговоры и о религии. В компании, где есть и мужчины и женщины, не приветствуются откровенно сексуальные шутки.

В общении с испанцами не рекомендуется касаться тем смерти и корриды. Первое – это табу в силу религиозности местных жителей, второе – не каждому иностранцу хорошо известный вид развлечений; здесь трудно будет поддержать общение. Нельзя смешивать личный разговор и формальности. У испанцев принято четко отделять рабочие отношения от дружбы, личное от общественного. Не стоит спрашивать о возрасте не только женщин, но и мужчин. Испанцы в большинстве своем очень горды и легко ранимы, а обсуждение разницы в возрасте может быть расценено как указание на непригодность к каким-либо действиям. Расспросы местных жителей следует считать знаком вежливости, поэтому отвечая на их вопросы не следует впадать в подробности.

Не рекомендуется критиковать королевский дом. Испанцы очень уважительно относятся к правящей династии. В общении не стоит касаться религии и темы футбола, т.к. у местных жителей целая система иерархии и предпочтений, симпатий и антипатий, разобраться в которых невозможно. Как и в любой европейской стране, в Испании нельзя поднимать тему денег, достатка, уровня доходов. Не принято также и жаловаться на свою бедность и свои проблемы. Рискованно заводить разговор и о политике несмотря на все кажущееся спокойствие в обществе,

Мало кто из иностранцев отдает себе отчет в том, что франкистский режим (1939-1975) оказал очень странное воздействие на международную прессу, которая в течение тридцати шести лет только тем и занималась, что представляла испанцев гордым, но ненавидящим иностранцев, националистически настроенным народом. Именно такой образ навязывала миру франкистская диктатура. Сегодня большинство испанцев просто пожмут плечами, если услышат нечто подобное из уст ученых мужей. Поколение, пришедшее им на смену, очень быстро приспособилось к полной свободе, установившейся в стране со смертью Франко. Но многие так и не забыли, чем во время гражданской войны занимались соседи, дальние родственники и даже братья и сестры и до сих пор не могут им этого простить. Тема гражданской войны остается табу. Про нее говорить неинтересно, обсуждать ее они с партнерами по бизнесу не будут.

В странах Ближнего Востока во время беседы иногда принято вставлять вопросы: «Как дела?», «Как здоровье?», но это совсем не означает, что следует рассказывать о своих делах, самочувствии и здоровье. Не рекомендуются шутки и веселые замечания до тех пор, пока не узнают партнеров по общению поближе. Нельзя затрагивать религиозные темы, а также интересоваться здоровьем жены [6; с. 127-128]. Не заводят и разговоров и о политике. Для арабов беседа – это игра, они жестикулируют, кивают головой. Темой беседы, как правило, бывают здоровье и дела, при этом говорить о жене и домашних запрещено.

По восточному этикету принято расспрашивать своего собеседника о его успехах, семье, здоровье. Для арабов такие расспросы являются основой их этикета и культуры.

Причем на эти дежурные фразы они ждут развернутых ответов, их вполне устроят и краткие ответы, т.к. вопросы были чисто ритуальными. В беседах с афганцами не следует затрагивать тем, касающихся религии и политики.

Что касается египтян, то для них характерно чувство национальной гордости. Поэтому они весьма чувствительны к вопросам, связанным с национальной независимостью. Все, что каким-то образом может рассматриваться как вмешательство в их внутренние дела, будет с беспощадностью отвергаться.

В Турции любая, даже серьезная беседа должна начинаться с вопроса о здоровье и делах партнера, вместе с тем вопрос о здоровье жены считается верхом бестактности.

При общении с африканцами нельзя забывать, что слово «негр» (исп. «негро» – черный) является для них оскорбительным. Необходимо проявлять интерес к их быту, семейному положению. Их излюбленная тема общения это «Семья», при этом они с удовольствием покажут фотографии и расскажут о каждом члене семьи, родственнике

В заключение хочется отметить, что партнеры по бизнес-общению должны знать темы бесед, которые не следует затрагивать, чтобы избежать «сбоев» в межкультурной коммуникации, а также знать темы приемлемые для налаживания и поддержания контактов в деловом общении.

Библиографический список

1. Боулт Р. Эти странные голландцы. М.: Эгмонт Россия Лтд, 2004. 96 с.
2. Бурчинский В.Н. Деловое и повседневное общение. Правила поведения во Франции. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 356 с.
3. Жельвис В. Эти странные русские. М.: Эгмонт Россия Лтд, 2001. 72 с.
4. Зайдениц Ш., Баркоу Б. Эти странные немцы. М.: Эгмонт Россия Лтд, 2001. 72 с.
5. Кант И. Собр. Соч. в 6-ти томах. М., 1964. Т.2.
6. Коллинз Д. 2 Э: этика и этикет в бизнесе. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 160 с.
7. Лихачев Д.С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. В 3-х т. Т. III. СПб.: АРС, 2006. 511 с.
8. Майол Э, Милстед Д. Эти странные англичане. М.: Эгмонт Россия Лтд, 2001. 72 с.
9. Мейсон Э. Эти странные бельгийцы. М.: Эгмонт Россия Лтд, 2004. 64 с.
10. Нечаев Г.А. Краткий лингвистический словарь. – Ростов: Изд-во Ростовского университета, 1976. 184 с.
11. Овчинников В.В. Сакура и дуб: Ветка сакуры; Корни дуба. М.: Дрофа, 2004. 512 с.
12. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. М.: Альфа-М; Инфра-М, 2004. 288 с.
13. Япп Н., Сиретт М. Эти странные французы. М.: Эгмонт Россия Лтд, 1999. 35 с.
14. Jahnelt A. Argumentation in interkulturellen Fernsehdiskussionen. München: Iudicum, 2000. 407 p.

References

1. Boulton R. These strange Dutchman. M.: Russia, 2004. 96 p.
2. Burchinski V.N. Business and everyday communication. The rules of behaviour in France. M.: AST: Vostok-Zapad, 2006. 356 с.
3. Zhelvis V. These strange Russian. M.: Russia, 2001. 72 p.
4. Zaidenits Ch. B. These strange German. M.: Russia, 2001. 72 p.
5. Кант И. Собр. соч. в 6-ти томах. М., 1964. Т.2.
6. Коллинз Д. 2 Э: этика и этикет в бизнесе. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 160 с.
7. Лихачев Д.С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. В 3-х т. Т. III. СПб.: АРС, 2006. 511 с.

8. Майол Э, Милстед Д. These strange English. М.: Russia, 2001. 72 p.
9. Мейсон Э. These strange Belgian. – М.: Russia, 2004. 64 p.
10. Nechaev G.A. The Concise Linguistic Dictionary. Rostov: Rostov University Publishers, 1976. 184 p.
11. Ovchinnikov V.V. Sakura and Oak: The branch of Sakura; The roots of oak. М.: Drofa, 2004. 512 p.
12. Sadohin A.P. Intercultural communication. М.: Alfa-M; Infra-M, 2004. 288 p.
13. Japp N., Sirett M. These strange French. М.: Russia, 1999. 35 p.
14. Jahnle A. Argumentation in interkulturellen Fernsehdiskussionen. München: Iudicum, 2000. 407 p.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPTS STUDIES

УДК 801.3=82(045/046):26

Воронежский государственный архитек-

турно-строительный университет

Кандидат филологических наук, доцент

кафедры русского языка

и межкультурной коммуникации

Бугакова Н.Б.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48;

e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State University of Architecture

and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-

cultural communication

PhD, associate professor

Bougakova N.B.

Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48;

e-mail: ya_witch@mail.ru

Н.Б. Бугакова

К ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ СПЕЦИФИКЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНЦЕПТОВ В РОМАНЕ И.С. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» (на примере концепта «Пасха»)

В данной статье рассматривается лексема «Пасха», ее происхождение и значения, выделяемые у данной лексемы в современной лексикографии. Проводится исследование концепта «Пасха», анализируются когнитивные признаки данного концепта, выявленные нами при рассмотрении произведения И.С. Шмелева, приводятся способы вербализации исследуемого концепта.

Ключевые слова: концепт, когнитивные признаки, праздник, вербализация, лексическая объективация.

N.B. Bougakova

TO THE QUESTION OF INDIVIDUAL SPECIFICITY OF LEXICAL OBJECTIVA- TION OF RELIGIOUS CONCEPTS IN I.S. SHMELYOV'S NOVEL «THE LORD'S YEAR» (by the example of the concept «Easter»)

The given article sites the lexeme «Easter», its origin and meanings stated by modern lexicography. The concept «Easter» is researched, the cognitive features of the given concept revealed in Shmelyov's novel are analyzed, the means of its verbalization are given.

Key words: concept, cognitive features, festival, verbalization, lexical objectivation.

Данное исследование посвящено анализу специфики репрезентации концептов, объективированных посредством религиозной лексики, в индивидуально-авторской картине мира И.С. Шмелева (на примере произведения «Лето Господне»).

Итак, рассмотрим индивидуально-авторскую специфику репрезентации религиозных концептов в романе И.С. Шмелева «Лето Господне» на примере концепта *Пасха*.

Рассмотрим лексему *Пасха* и проанализируем ее употребление для объективации концепта *Пасха* в индивидуально-авторской картине мира И.С. Шмелева.

Лексема *Пасха* заимствована из греческого языка («*πάσχα*») с вторичным введением по народной этимологии суффикса *-ка*. Пасха - народн. паска, укр., белорус. паска, др.-русс., ст.-слав. см. образ *πάσχα*» [6, т. 3, с. 216].

В русском языке у лексемы *Пасха* выделяются следующие значения: 1) весенний христианский праздник, связанный с верой в чудесное воскресение Иисуса Христа; 2) сладкое творожное кушанье, приготовляемое к христианскому празднику Пасхи [3, т. 9, с. 98].

В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» о данной лексеме пишет следующее: «Пасха ж. празднество иудеев в память исхода их из Египта. || Агнец, закалываемый и съдаемый иудеями в празднество это. || Ежегодное торжество христиан в память восстания из мертвых Спасителя; светлое Христово воскресенье, святая, святая неделя» [1, т. 3, с. 22].

В современной русской лексикографии у лексемы *Пасха* выделяется такое же значение:

«Пасха, пасхи, ж. [др.–евр. pesah, букв. переход]. 1. (только ед.) Весенний религиозный праздник у евреев, посвященный легендарному выходу евреев из Египта и избавлению от египетского рабства. Еврейская пасха. 2. (только ед.) Христианский праздник, посвященный так называемому воскресению Христа. [5, с. 664; 2, с. 495; 4, с. 499].

Пасха — Светлое Христово Воскресение – является самым главным из христианских церковных праздников; его также называют «Праздником праздников и Торжеством из торжеств». В день Пасхи Православная Церковь вспоминает Воскресение из мертвых Господа Иисуса Христа на третий день после того, как Он был распят.

Рассмотрим когнитивные признаки концепта *Пасха*, актуализируемого лексемой *Пасха* и ее синонимами в произведении И.С. Шмелева.

«Отец доволен: *Пасха* будет спокойная. В прошлом году заутреню на реке встречали.

- С Кремлем бы не подгадить ... Хватит у нас стаканчиков?

- Тыщенок десять набрал-с, доберу! Сала на заливку куплено. Лиминацию в три дни облепортуем-с. А как в приходе прикажете-с? Прихожане летось обижались, лиминации не было...

- Нонешнюю *Пасху* за две справим!» [7, с. 64] - актуализируется когнитивный признак «важнейший христианский праздник, отмечаемый с особым размахом».

«И вдруг слышим... - тонкий щемящий вой. Скорняк перестал читать про Егория, - «что это?..» - спросил шепотком. Слушаем – опять воет. Горкин и говорит, тоже шепотком: «Никак, опять наш Бушуй?..» Послушали. Бушуй, оттуда, от конуры, от каретника. Никогда не было, чтобы выл. Бывает, собаки на месяц воют, а Бушуй и на месяц не завывал. А нонче *Пасха*, месяца не бывает» [7, с. 296]; актуализируется когнитивный признак «отмечается в новолуние».

«Лужи и слуховые окна пускают зайчиков: кажется, что и солнце играет с нами, веселое, как на *Пасху*. Такая и *Пасха* будет!» [7, с. 59]; актуализируется когнитивный признак «в который можно предсказывать по состоянию природы».

«В передней, рядом, заливаются звонко канарейка, а скворца даже из столовой слышно и соловья из залы. Всегда на *Пасху* птицы особенно ликуют, так устроено от Творца» [7, с. 281]; актуализируется когнитивный признак «праздник, в который радуется все живое».

«Реполов у меня что-то не распевается, а торговец побожился, что обязательно запоем на *Пасху*» [7, с. 281]; актуализируется когнитивный признак «точка отсчета времени».

«У нас пахнет мастикой, *пасхой* и ветчиной» [7, с. 68]; актуализируется когнитивный признак «кушанье из творога, по традиции приготовляемое в праздник Пасхи».

Для объективации данного концепта И.С. Шмелевым используются также следующие лексемы: *Праздник, Святая, пасхальный, ФС Светлое Христово Воскресение, ФС Светлый день*.

- *Праздник*. Данная лексема имеет значение «день торжества, установленный в честь или в память кого-чего-либо» [2, с. 578]. Отсюда следует, что лексема *Праздник* в своем значении совпадает с лексемой *Пасха* в первом значении, а именно: Праздник (религиозный).

«Большая лужа все еще в полдвора. По случаю *Праздника* настланы по ней доски на бревнышках и сделаны перильца, как сходы у купален» [7, с. 75]; актуализируется когнитивный признак «к нему убирают жильё и двор».

«... я вижу яичную красную скорлупу, как она светится под водой. На меня веет *Праздником*, чем-то необычайно радостным...» [7, с. 75]; актуализируется когнитивный признак «традиция красить яйца как отличительная особенность праздника Пасхи».

«-Вот поганцы... часу не дотерпеть! – говорит грустно Горкин. – Какой же ему *Праздник* будет, поганцу, когда ... Ондрейка это, знаю разбойника. Весь пост себе изгадил...» [7, с. 76]; актуализируется когнитивный признак «обязательность соблюдения поста для возможности полноценного празднования Пасхи».

«Под широким навесом, откуда убраны сани и телеги, стоят столы. Особенные столы – для *Праздника*» [7, с. 76]; актуализируется когнитивный признак «самый важный религиозный праздник для православного человека».

- *ФС Светлый день*, в котором особая роль в характеристике великого религиозного праздника принадлежит лексеме *светлый*, имеющей значение «излучающий сильный свет, чистый, прозрачный»:

«Я смотрю на растерзанные бумажные цветочки, на золоченый пряник «масленицы» ... ; нет ни медведиков, ни горок – пропала радость. И радостное что-то копошится в сердце: новое все теперь, другое. Теперь уж «душа начнется», - Горкин вчера рассказывал: «Душу готовить надо». Говеть, поститься, к *Светлому дню* готовиться» [7, с. 26]; актуализируется когнитивный признак «самый важный религиозный праздник для православного человека».

- *ФС Светлое Христово Воскресение*:

«Я вижу Горкина: зеленый кафтан на нем, в серебряной бахромке. Он стал еще меньше под хоругвей; идет-плетется, качается: трудно ему идти. Голова запрокинута, смотрит в небо ...: *Светлое Воскресение Христово*» [7, с. 178]; актуализируется когнитивный признак «самый важный религиозный праздник для православного человека».

- *Святая*:

«-Вот погоди, косатик, придет *Святая*, мы с тобой в Кремль поедem ... поликуем тогда с тобой ... - сколько раз обещался Горкин ... Вот на *Святой* и сходим.

Я ... поговел-исправился, как большие, и вот – *Святая*» [7, с. 280]; актуализируется когнитивный признак «неделя после Пасхи, отличающаяся особой чистотой, благодатностью».

- *Пасхальный*:

«Великая суббота, вечер. В доме тихо, все прилегли перед заутреней. ... В зале обои розовые – от солнца, оно заходит. В комнатах – пунцовые лампадки, *пасхальные*: в Рождество были голубые?.. Постлали *пасхальный* ковер в гостиной, с пунцовыми букетами» [7, с. 68]; актуализируется когнитивный признак «для него приготовленный».

Итак, в русской национальной концептосфере по данным словарей выделяются следующие когнитивные признаки концепта *Пасха*: «весенний христианский праздник, связанный с верой в чудесное воскресение Иисуса Христа» и «сладкое творожное кушанье, приготовляемое к христианскому празднику Пасхи».

В анализируемом произведении концепт *Пасха* актуализирует следующие когнитивные признаки: «важнейший христианский праздник, отмечаемый с особым размахом», «отмечается в новолуние», «в который можно предсказывать по состоянию природы», «праздник, в который радуется все живое», «точка отсчета времени», «кушанье из творога, по традиции приготавливаемое в праздник Пасхи», «к нему убирают жильё и двор», «традиция красить яйца как отличительная особенность праздника Пасхи», «обязательность соблюдения поста для возможности полноценного празднования Пасхи», «самый важный религиозный праздник для православного человека», «неделя после Пасхи, отличающаяся особой чистотой, благодатностью», «для него приготовленный».

Индивидуально-авторскими когнитивными признаками концепта *Пасха* в языковой картине мира И.С. Шмелева являются те когнитивные признаки, которые невозможно описать на основе анализа материала словарей, их выделение осуществляется только путем исследования произведения И.С. Шмелева. К ним относятся следующие: «важнейший христианский праздник, отмечаемый с особым размахом», «отмечается в новолуние», «в который можно предсказывать по состоянию природы», «праздник, в который радуется все живое», «точка отсчета времени», «к нему убирают жильё и двор», «обязательность соблюдения поста для возможности полноценного празднования Пасхи», «самый важный религиозный праздник для православного человека», «неделя после Пасхи, отличающаяся особой чистотой, благодатностью», «для него приготовленный».

Для объективации данных когнитивных признаков автором используются лексемы *пасха, Пасха, Праздник, Святая, ФС Светлый день, ФС Светлое Христово Воскресение*.

Исследование произведения И.С. Шмелева «Лето Господне» показало, что языковое воплощение религиозных концептов отражает сложную систему духовно-нравственных и морально-этических измерений картины мира И.С. Шмелева, систему ценностей автора, особенности художественного мышления и мировоззрения писателя. Религиозные концепты в языковой картине мира И.С. Шмелева, обретая конкретность, занимают ведущее место, воплощая в себе авторскую идею русской жизни, русского менталитета и православной религии.

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. РАН. Ин-т русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2003. 939 с.
3. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / Гл. ред. В.М. Чернышев. М.: Л.: АН СССР, 1950 – 1965.
4. Современный толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2007. 959 с.
5. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: «Альта – Принт», 2007. 1239 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т.; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель: АСТ, 2007.
7. Шмелев И.С. Лето Господне. Человек из ресторана. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2003. 544 с.

References

1. Dahl V.I. Explanatory dictionary of live Great Russian language: In 4 vol.M., 2006.
2. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of Russian language: 80000 words and idioms. M., 2003. 939 p.
3. Dictionary of modern Russian language. In 17 vol. M.L., 1950 – 1965.
4. Modern explanatory dictionary of Russian language / Ed.. SA. Kouznetsov. SPb., 2007. 959 p.
5. Ushakov D.N. Great explanatory dictionary of modern Russian language. M., 2007. 1239 p.
6. Fasmer M. Ethymological dictionary of Russian language. In 4 vol. M., 2007.
7. Shmelyov I.S. The Lord's year. A man from the restaurant. M., 2003. 544 p.

Правила оформления статей в Научном Вестнике

Уважаемые авторы, пожалуйста, следуйте правилам оформления статей для опубликования в Научном Вестнике.

Статьи представляются в электронном виде. Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4. Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт Times New Roman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт Times New Roman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) Аннотацию на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) Ключевые слова на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) Основной текст (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) **Библиографический список** на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см. **Выравнивание текста – по ширине.** Для обеспечения однородности стиля не подчеркивайте текст. Отступ первой строки абзаца – 1 см. Не допускается для оформления статьи использовать Open Office. Просим, при наборе текста используйте клавишу «ПРОБЕЛ» только по основному назначению – для отделения одного слова от другого, для этого достаточно нажать клавишу «Пробел» **1 раз**. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из графических приложений MS Office. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал.

Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм).

Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы - пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54-67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТа. После слов **Библиографический список** точка или двоеточие **не ставятся**. *Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, красная строка 1 см. Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.*

В одном номере публикуются не более двух статей одного автора.

С уважением, редакционная коллегия серии

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске

Кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры языкознания

Морозова Н.С.

Россия, г. Северодвинск, тел. +7(88182)53-84-00

e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk)

The department of linguistics,

PhD, senior lecturer Morozova N.S.

Russia, Severodvinsk, phone: +7(88182)53-84-00

e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег. На материале поэзии XIX – начала XXI вв. выявляются образы, созданные по моделям «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*» и «*некий объект как первый снег*», тем самым устанавливается эстетическое значение сочетания *первый снег* и определяется круг реалий, при описании которых актуализируется образ первого снега.

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow. The images created according to the models «*the first snow as an object having certain features*» and «*an object like the first snow*» are described on the basis of poetry from the 19th to the early 21st c. It helps to reveal the aesthetic meaning of «*the first snow*» and to determine the range of objects whose descriptions contain actualized images of the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «*некий объект как первый снег*».

Среди названных выше сочетаний регулярность употребления характерна для синтагмы *первый снег*, что подтверждается использованием его в функции заглавия произведений поэтов разных эпох: П.А. Вяземского, А.М. Жемчужникова, С.А. Есенина, В. Брюсова, Б.Л. Пастернака, А. Вознесенского, Н. Рубцова, Л. Мартынова, Т. Алферовой, В. Осипова, В. Шнейдера и др. Кроме того, сочетание *первый снег* наряду с названными синтагмами отличается большей частотой употребления. Эти условия позволяют отнести синтагму *первый снег* к повторяющимся поэтическим сочетаниям, под которыми мы понимаем элементы общей системы поэтического языка, совпадающие у разных авторов, вычлененные из поэтического текста единицы, которые не утрачивают своей экспрессивности при неоднократном использовании поэтами, принадлежащими к одному или разным поколениям.

Анализ материала показал, что сочетание *первый снег* функционирует в русских поэтических текстах с различной контекстуально-смысловой нагрузкой. Заметим, что в нашем материале практически не встретились контексты из произведений XVIII в., что объясняется типом художественного мышления того времени – господством монументализма и масштабности. Это в свою очередь проявляется и в незначительном количестве произведений с описанием пейзажей, в том числе – зимних. Заметим, что для поэзии XVII в. характерна статичность в изображении природы, тогда как первый снег (в реальном мире и в художественной его модели) – это мимолетное, порой быстро исчезающее явление погоды.

Обозначим группы контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». В первую очередь к этой группе относятся контексты, в которых эстетическое значение синтагмы *первый снег* совпадает с узуальным значением составляющих ее единиц *первый* и *снег* в национальном языке. Например, *Поникли тополя. / Ложится первый снег. Пусты поля...* (Г. Адамович), *Завершился листопад, / Первый снег упал на крыши* (Л. Мартынов), *Уж мороз серебром темный лес разукрашивал,*

Подмерзала земля и снежок, / Первый, мягкий снежок припорошивал (Д. Бедный), *Первый снег плотину ярко выбелил* (А. Тимирева), *Выпал за окнами первый снежок, / Блекнет закат, догорая...* (М. Светлов), *Первый снег сапог хватает* (О. Фокина), *Три алые розы на первом снегу / У края лежат тротуара. / Их кто-то швырнул на ходу, на бегу. / Три искры ночного пожара* (И. Николюкин) и др. В ряде случаев снег, являясь предметом изображения, становится и объектом эстетического осмысления. Сравнивая первый снег с каким-либо предметом из мира человека или с объектом природы, поэты подчеркивают различные оттенки проявления этого погодного состояния. Например, *Ручей прозрачный / Замедлит свой журчащий бег. / И на него фатой брачной / Небрежно ляжет первый снег* (К. Фофанов); *Я по первому снегу бреду <...> / Может, вместо зимы на полях, / Это лебеди сели на луг* (С. Есенин). Сравнение снега в первом случае с фатой, а во втором – с лебедями создает картину легкого, прозрачного, неплотного слоя, покрывающего воду, и картину темной земли, неравномерно покрытой белым снегом.

Кроме того, в эстетическом описании первого снега в текстах XX в. встречаются атрибутивы с общим значением «характеристика человека», которые, с одной стороны, передают особенности падения первого снега, создавая неповторимый образ, а с другой – выражают эмоции, чувства и ощущения, появляющиеся у лирического героя в эту погоду. И в этом случае образное осмысление первого снегопада различно. Например, *То идет он сверху вниз, / то снизу вверх – / озабоченный, растерянный, / чудной... / Я прекрасно понимаю / первый снег, / потому что так же было и со мной. / Время встало. / А потом пошло назад!* (Р. Рождественский), *Первым злым / Колючим снегом / Дрожит озябшая земля – / Зима жестоким печенегом / Пришла на мирные поля* (А. Жигулин), *На нашей долгой бытности / Казалось нам не раз, / Что снег идет из скрытности / И для отвода глаз. / Утайщик нераскаянный, – / Под белой бахромой / Как часто вас с окраины / Он разводил домой!* (Б. Пастернак).

Итак, к группе контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», относятся контексты, актуализирующие физические явления этого погодного состояния (*мягкий, пушистый, белый* и пр.), а также передающие их эмоциональное восприятие лирическим героем (*злой, озабоченный, растерянный*). Выдвижение тезиса о значимости образа первого снега для русской поэтической модели мира требует рассмотрения жизни образа в текстах XIX – начала XXI вв. в эволюционном аспекте, что дает возможность установить, как менялось значение образа, как и когда у него появились новые смыслы.

Обозначим контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», составляющие группу с актуализацией ассоциативных связей образа снега. Так, достаточно устойчивым для поэтического сознания русских авторов является осмысление первого снега как «погодного явления, напоминающего о чем-либо важном или связанного со значимыми событиями в жизни лирического героя (и его автора)». Например, *Живо вспомнил я старое время, / Поздней осенью первый снежок, / И темнеющий сумрак вечерний, / И в окошке твоём огонек* (Л. Пальмин), *Ловит память тонким клювом / Первый снег и первопуток* (С. Есенин), *Сегодня мне немного непривычно, / Вокруг бело. И около Карпат / Такая тишь, которая обычно / Бывает только в первый снегопад <...> / Но каждый видит памятные дали / И первый снег, упавший на село* (К. Ваншенкин), *Очень гордая, / сама пришла ко мне, / равнодушие, обидное стерпя. / На твоих ресницах / тает первый снег...* (Р. Рождественский), *Пусть падают листки календаря, / пусть будет долог жизненный твой путь. / Но день двадцать шестого октября, / но первый снег его – забудь, / совсем забудь. / Как не было...* (О. Берггольц), *Погода напомнила / Осень в Тайшете / И первый на шпалах / Колючий снежок* (А. Жигулин), *Первый снег мне бы-лое напомнил / О судьбе, о земле, о Тебе, / Я оделся и вышел из комнат / Успокаивать горе в ходьбе* (Б. Поплавский), *О как легко плеча плечо / Касалось той поры <...> / Стелила свежий первый снег / Нам улица одна <...> / Еще идет там первый снег, / Есть улица одна, / И мы увидим белый свет / Из одного окна* (Л. Мочалов).

Другим доминирующим художественным признаком выражения эстетического значения образа первого снега является «особое эмоциональное состояние, которое появляется у лирического героя при любовании этой погодой». Впервые в русской поэзии своим восторгом при виде первого снега поделился с читателями П.А. Вяземский: *Приветствую душой и песнью первый снег* («Первый снег», 1819 г.). Запечатлеть исчезающую мимолетную красоту первого снега стремился А.М. Жемчужников в стихотворении «Первый снег» (1888 г.): *Так первый снег мне этот мил! / Скорей подметить! Он победу / Уступит солнечному дню; / И к деревенскому обеда / Уж я всего не оценю.*

Этот оттенок эстетического значения образа первого снега является актуальным для авторов на протяжении всего XX и начала XXI вв.: *Я по первому снегу бреду. / В сердце ландыши вспыхнувших сил* (С. Есенин), *Счастлив видеть первый снег, / Стройных сосен колоннаду* (К. Ваншенкин), *А нынче, землю веселя, / Упала первая пороша* (Н. Браун), *По первому снегу так хочется ехать куда-то, / чтоб ночь, и вокзал, и билеты с проставленной датой, / но без указания станции – / вперед, наугад, что достанется* (Т. Алферова), [О первом снеге. – Н.М.] <...> *Снег прикрыл только ворохи бурой листвы, / А зеленых трав – не осилил. / С новым снегом становится кровь горячей / И смелей для пьянящего шага. / Черной жилкой пульсирует нервный ручей / В побелевшей бездне оврага. / С первым снегом тебя!* (А. Бобров).

Особенно ярко эмоциональное восприятие первого снега проявилось в произведении Д. Самойлова, где создана трогательная картина первого снегопада, который настолько гармоничен внутреннему миру героя, что у него при виде первого снега создается впечатление встречи с родственной душой: *Рано утром почувался снег. / Он не падал. Он лишь намечался. / А потом полетел, заметался. / Было чувство, что вдруг повстречался / По дороге родной человек. / А ведь это был попросту снег – / Первый снег и пейзаж Подмосковья.*

В эту же группу контекстов вошли те, в которых образ первого снега связывается с творческим настроением героя, воспринимающего первый снег как время поэтического вдохновения. Заметим, что данный оттенок значения образа актуален лишь для современных авторов. Например, *Стихи идут по первому снежку* (Н. Горбаневская), *На белый лист строка ложится, / На белый лист. / А в небе первый снег кружится, Безгрешно*

чист. / Он до земли не долетает, / Неуследим. / И с ним душа моя витает / Над сном твоим (В. Халупович).

Материал показал, что в поэзии XX в. за счет актуализации узуального значения прилагательного *первый* «первоначальный, ранний, происходящий ранее всех других» [3] образ первого снега приобретает еще одно значение. Семантика слова *первый* обусловливает «прочтение» этого образа в связи с общефилософской категорией начала, а сочетание *первый снег* приобретает символическое значение «начала чего-либо». Например, в стихотворении О. Берггольц образ первого снега актуализируется при описании первых (в прямом и переносном значении) шагов в жизни человека: *Точно детство вернулось и – в школу. / Завтрак, валенки, воробьи... / Это первый снег. Это первый холод / губы стягивают мои <...> / Точно первый снег, / первый шаг у дочки, / удивительный в октябре* (О. Берггольц). В стихотворении Е. Евтушенко образ первого снега появляется при осмыслении важных этапов жизни человека. Снег наделяется индивидуализированным значением: «у каждого свой первый снег (каждый по-своему воспринимает его)»: *И если умирает человек, / с ним умирает первый его снег, / и первый поцелуй, и первый бой... / все это забирает он с собой*. Повторение слова *первый* в сочетании со словами *снег, поцелуй, бой* в контексте этих строк позволяет интерпретировать данные субстантивы как обозначение понятий «начало жизни», «любовь», «борьба» – важные составляющие пути человека. Кроме того, в ряду *первый снег, первый поцелуй, первый бой* слово *снег* занимает особое положение: он открывает данный ряд и, обозначая в действительности часть природы, а не жизни человека, благодаря контекстуальному окружению приобретает символическое значение «всего первого, что произошло в жизни человека».

Так, у поэтического сочетания *первый снег* к концу XX в. постепенно расширяется контекстуальное окружение, которое формирует новые обертоны смысла. Образ первого снега

на каждом следующем витке развития русской поэзии обогащается текстовыми семантическими приращениями, которые естественно связаны с многообразием поэтических индивидуально-авторских систем.

Второй аспект анализа полученного материала состоит в выявлении круга реалий, объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируется *первый снег*, его концептуальные признаки. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как *первый снег*».

В поэзии XIX в. природная белизна снега устойчиво актуализируется при описании цвета кожи: *спрыгнув с коня ретивого, / Точно первый снег бела, / Без рыданий к мужу мертвому / Василиса подошла* (И. Суриков), *Как первый снег та длань бела* (В. Кюхельбекер), седины: *Ветр власы его взвеает, / Белые, как первый снег!* (А. Бунина), в конце XIX в. при описании небесного тела: *<...> светлая лазури высота / Горит незыблемо над нами. / И тусклая луна, бледна как первый снег / В лучах вечернего заката, бледна как первый снег* (К. Фофанов).

Для поэтического языка рубежа XIX – XX вв. характерны открытия новых метафорических возможностей поэтического слова, это время изменения семантического строя, структуры поэтического образа; период активного освоения новых пластов лексики [1], эпоха «глубокой трансформации образного мышления в эстетическом сознании России» [2]. Эти тенденции развития поэтического языка проявились и в функционировании сочетания *первый снег*. Например, новым, неожиданным для языка поэзии стало сравнение звучания голоса смеющегося человека с первым снегом: *И серый глаз светлей воды с колодца, / И смех свежей, чем первый белый снег...* В этом случае актуализируется не только природный цвет снега, но и та прохлада, которая возникает в воздухе при первом снеге. Тем самым создается образ на основе синестезии: в передаче впечатле-

ний от смеха (особого звука, издаваемого человеком) совмещаются признаки снега «цвет» и «холод».

Заметим, что названные черты поэтического языка сохранились на протяжении всего XX в.: образ первого снега актуализируется при описании человека, его внутреннего мира, душевного состояния. Например, *И таит первый снег / На сердце у меня* (А. Межиров). Обстоятельный компонент *на сердце* в конструкции *таит первый снег на сердце* дополняет содержание образа первого снега: в данном случае сочетание *первый снег* обозначает внутренний, эмоциональный холод, который был вызван событиями в жизни героя. Интересным представляется функционирование в этих строках глагола *таит*. С одной стороны, он актуализирует концептуальный признак снега как вида атмосферных осадков – свойство «превращаться в жидкое состояние под действием тепла», а с другой стороны, благодаря соседству с сочетанием *на сердце* приобретает переносное значение «исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь» [3]. В строках Ю. Кузнецова *Выхожу – а девушка смеется, / Весело смеется у ворот. / Вся она, как легкая пушинка. / И душой чиста, как первый снег* при создании образа невинно чистой девушки актуализируется признак белизны первого снега. Заметим, что такое осмысление белого цвета снега к этому времени становится традиционным для русской поэзии, однако в данном случае подчеркивается первозданная белизна снега, тем самым усиливается символическое значение белого цвета.

Наряду с этим образ первого снега актуализируется и при описании жизненных ситуаций. Например, *И покроется жухлая зелень / Первым снегом осенних невзгод* (А. Жигулин). В строке *первый снег осенних невзгод* синтагма *первый снег* приобретает дополнительное эстетическое значение «изменения в жизни человека и в природе, которые связаны с наступлением холодов». Генетивная метафора *снег невзгод* раскрывает комплекс ассоциаций: текучесть времени, неблагоприятные, менее всего ожидаемые нежелательные события, их близость и неизбежность.

Еще большее разнообразие художественных ассоциаций у образа первого снега находим в поэзии конца XX – начала XXI вв. Так, В. Лапшин использует образ первого снега при передаче красоты цветущей черемухи: *Он черемуху колышет. / А она-то, а она – / Снега*

первого белее. Однако более актуальным образ первого снега оказывается при описании внутреннего мира человека. Например, В. Болохов точно передает эмоциональные переживания пожилого человека, увидевшего первый снег через окно вагона: *И не одна душа / от суеты седая, / извечностью дыша, / вдруг стала молодая. <...> / Хотя была слеза – / как снег... / тот самый – первый...*

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрстая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета

**ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск №11, 2013 г.

Научный журнал

Подписано в печать ____ . ____ .2013. Формат 60*84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 17. Усл.-печ. л. 18. Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства учебной и учебно-методической литературы Воронежского ГАСУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84